

Анастасия Малькова



ЛУНА,  
ОСЛЕПЛЁННАЯ  
СОЛНЦЕМ

# Анастасия Малькова

## Луна, ослеплённая Солнцем

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=71566105](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71566105)

SelfPub; 2025

### Аннотация

Стефан скитался по миру пять веков, страдая от проклятия. Он давно перестал чувствовать что-то, кроме скуки и пустоты. Однажды он встретил Алена – свою полную противоположность. Это был жизнерадостный, настойчивый, не опускающий руки человек.

Они, как Солнце и Луна, – настолько разные и непохожие. Лучезарность Алена ослепляла.

Стефан боялся привязываться к людям из-за собственного бессмертия, но жизнь рядом с Аленом заставляла меняться. Стефан заново учился эмоциям и чувствам, которые за пятьсот лет стали ему недоступны. Он вновь обретал способность дружить. Луна выходила из сумрака.

Внезапная трагедия перечеркнула все. Стефан винил себя в случившемся. Призраки прошлого таким образом напомнили, кто Стефан на самом деле. Он не имеет права на счастье.

# Содержание

Плейлист	4
Глава 1. Всё начиналось с привета	6
Глава 2. Но в этом году снег выпал чёрного цвета	23
Глава 3. Как осознать, что имел в наличии?	42
Глава 4. Горит огонь, только ты его не тронь	71
Глава 5. Всё запутано, и в этом есть весь я	89
Глава 6. Когда же ты раскроешь все тайны?	107
Глава 7. Вместе солнцу и луне не светить	134
Глава 8. Бьет меня её нежное электричество	156
Глава 9. Песня боли и отчаяния	183
Глава 10. Don't you know what you're thoxic?	206
Конец ознакомительного фрагмента.	224

# Анастасия Малькова

## Луна, ослеплённая Солнцем

### Плейлист

Green Apelsin – Станцюю на твоей могиле

pyrokinesis – отказываю небу

МУККА, pyrokinesis – чёрное сердце

Три дня дождя – Смыслы

pyrokinesis – шёпот длёких звёзд

pyrokinesis – ЕСНО

pyrokinesis – Ничего святого

Земфира – П.М.М.Л.

pyrokinesis – Никогда никому

кис-кис – молчи

Måneskin – Coraline

polnalyubvi – Одиночество

pyrokinesis – Зависимость

МУККА – Неон

МУККА – Жди меня дома

polnalyubvi – Любовь

pyrokinesis – Сахарная вата

Queen – Show must go on

Три дня дождя – На виду



# Глава 1. Всё начиналось с приветствия

*Одиночество лучше*

*Одиночество проще*

*Одиночество безопасней, чем...*

© *STERVELL*

Штат Южная Каролина. Январь 2022 года.

Стефан встал у пешеходного перехода в ожидании зеленого светофора и вытащил пачку сигарет. Вспыхнувшее пламя зажигалки лизнуло сигарету, зажатую между зубами. Это была последняя. Во время затяжки в голову пришла метафора: раскаленный конец сигареты, контрастирующий с сумеречной улицей и выглядящий живее него самого, потух уже через пару секунд. Как и многие люди в этом мире. Как и он сам.

В последние дни руки ныли чаще, раны все больше саднили. Стефан поднял голову к небу и увидел полный диск луны. «Сегодня начнется», – заключил он смиренно.

Светофор озарился зеленым. Люди высыпали на дорогу.

Стефан скучающе шагал, лавируя между людьми. Он достал деньги и начал их пересчитывать. Неосознанно замедлил темп, сфокусировавшись больше на купюрах, чем на происходящем вокруг.

– Осторожно! – кто-то крикнул впереди, и дальше все

произошло слишком быстро.

Стефана резко потянули за запястье, и он болезненно скривился. Выпавшие из рук деньги разлетелись по дороге.

Тут же на бешеной скорости мимо пронесся автомобиль.  
– Чёрт!

Что ж, Стефан чуть не попал в аварию. Однако это и даже причиненная спасителем боль в запястье волновали меньше, чем доллары, по которым любезно проехала машина. Стефан бросился на проезжую часть, пока те далеко не улетели или их не подобрал кто-то ещё.

– Ты что творишь?! – крикнул ничего не понимающий спаситель, снова пытаясь притормозить Стефана. – Задавят же!

– Да отвали ты! – гаркнул он и поднял две банкноты, лежащие прямо перед ногами. За время разборок снова загорелся «зеленый», и Стефан поспешил собрать остальное.

На обратной дороге он рассмотрел спасителя получше: молодой парнишка с кучерявыми волосами и темными глазами, глядящими с недоумением и беспокойством.

Очередной живой взгляд чувствующего человека.

Этот малец с искренним намерением защитить совсем не знал, что спасал не того. Даже если бы машина сбила Стефана на полной скорости, он бы не умер. К сожалению, он не способен на это.

– Тебе так важны были эти деньги? – спросил парень. Похоже, для него подобное было чем-то странным.

– Типа того, – просто ответил Стефан. Вообще-то да, неприятно потерять так глупо зарплату. Тем более, сейчас ждали вынужденные траты, без которых не обойтись.

– Эм... Ладно... – не стал сопротивляться парень. – Ну, ты ведь в порядке, да? Все хорошо?

– Тебе это так важно?

– Да.

– И почему же?

Парень помедлил с ответом.

– Я бы не пережил, если бы человек, которому я мог помочь, получил серьезные повреждения, а я опоздал или не доглядел.

Стефан цокнул и закатил глаза.

– Тебе бы пришлось смириться. В этом мире есть много чего, что людям не подвластно.

Типичная наивность смертного человека. Причем столь молодого и разгоряченного. Человека, который еще не познал все ужасы жизни. Человека, с кончиков пальцев которого так и рвалась жизнь, а душа искрилась и сияла.

Стефан видел это сотни раз.

Не дождавшись ответа и не желая продолжать разговор, он направился в магазин за несколько домов отсюда, но его окликнули:

– Подожди! – парнишка замахал рукой, подбегая. – Ты знаешь, где можно бесплатно переночевать?

Стефан повернулся, смерив его оценивающим взглядом.

– Я похож на советчика? Или по моему лицу заметно, что я горю желанием раздавать рекомендации?

На самом деле лицо Стефана не выражало ничего, кроме скуки и безразличия ко всему сущему. Он уже лет четыреста назад устал тратить энергию на сокращение мимических мышц лица и давал движение только тем, что помогали говорить и есть. Зачем тратить силы на бесполезные волнения? Давать эмоциональный отклик так глупо.

Спаситель неловко потёр затылок. Ему было некомфортно от холодности обращенного на него взгляда.

– Не знаю. Просто раз уж мы заговорили, то я подумал, что можно у тебя что-то спросить.

– Переночуй под мостом. Хотя не знаю, найдется ли там для тебя место среди кучи бомжей. В парке спать не советую – они на ночь закрываются, а если ты туда все же пролезешь, могут копы словить. Ну, бывай. Удачи.

Стефан махнул рукой и поспешил восвояси, ясно давая понять, что в разговоре поставлена точка.

Совсем скоро он оказался в магазине. Подхватил с полки бутылек спирта, из отдела выпечки сэндвичи, на обратном пути – газировку и направился на кассу.

Вот черт. Какая незадача.

Стефан обычно затаривался в этом магазине и уже запомнил его продавщиц. Сегодня смена женщины, которая точно ничего не спустит с рук – эдакий борец за справедливость.

– Покажите документы, пожалуйста, – отчеканила про-

давщица после того, как пробила все товары и Стефан попросил пачку сигарет.

Стефан похлопал по карманам для виду: если бы эта женщина с кривой под конец дня прической знала, сколько Стефану лет, даже бы не заикнулась на этот счет.

Проблема в том, что у Стефана подобного удостоверения нет и не было. Когда тебе больше полутысячи лет и твоя внешность перестала меняться примерно тогда же, а ты из-за своего бессмертия и одиночества не можешь быть полноценным членом общества, документы ни к чему.

– Ой, простите, – всплеснув руками, с наигранной виноватостью протянул Стефан. – Я забыл дома. Разве по мне не видно, что я совершеннолетний? Мне кажется, настолько измотанно подросток выглядеть не может.

– Я не продам вам сигареты, пока не предъявите документ, удостоверяющий личность.

Вот же засада. Вот же стервозная бабёнка.

Стефан жил в районе рядом с этим магазином шесть месяцев, и в те самые моменты, когда сигарету нужны были как никогда, он натыкался на кассиршу-бабушку. Вот она-то верила Стефану на слово и всегда продавала. Та кассирша выглядела как женщина, у которой счастливая большая семья: муж, с которым она в браке сорок лет, уважающие её дети и орава внуков, души не чаявших в бабушке. Наверное, она своему большому семейству пекла по выходным шарлотку...

А у этой новенькой, сражающейся за честность, видимо,

не очень-то жизнь сложилась: может, муж лгал, изменял, вот она и искала доказательства правды...

– Пробеите, пожалуйста, отдельным чеком её, – Стефан вздрогнул от внезапно вклинившегося третьего голоса. – У меня удостоверение есть.

Стефан обернулся, уже зная, кто стоял за спиной. С недовольством он посмотрел на своего спасителя, вытаскивающего из кармана кусок пластика с его фото. Не следил ли тот за ним?

Женщина недовольно поджала губы, а спаситель улыбнулся ей самой лучезарной и доброй улыбкой. Стефана чуть не стошнило радугой. Он промолчал от понимания выгоды ситуации, потому расплатился за «детские» покупки и сунул парню деньги за пачку.

Продавщица посмотрела на фото, перевела подозрительный взгляд на владельца и, фыркнув, пробила товар. Малец расплатился и отдал Стефану сигареты вместе со сдачей.

Живой. Улыбчивый. Сияющий. Неравнодушный. Отзывчивый. Бескорыстный.

Стефана воротило, но было кое-что ещё.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался Стефан, когда они покинули магазин.

Парень повернулся в сторону Стефана и теперь уже подарил ему улыбку.

– У тебя не было документов, а у меня – были. Вот я и подумал, почему бы не помочь тебе.

– А вдруг я несовершеннолетний?

– Настолько измотанно подросток выглядеть не может.

Стефан холодно усмехнулся от того, как удачно этот чудак использовал его собственные слова. Неплохо.

– Самому-то сколько лет?

– Восемнадцать.

– Тоже мне, взрослый, тьфу. Как ты здесь вообще оказался? За мной следил?

Он скрестил руки на груди и выжидающе воззрился на парня, который будто колебался с ответом. Для Стефана это было неудивительно – просто неприятно. Он уже перестал верить в невероятные совпадения, тем более когда виделся с пацаном минут двадцать назад.

Малец вздохнул, точно сдался под пронзительным взглядом.

– Я не шёл за тобой. Просто спросил у прохожего, есть ли поблизости магазин, и он мне показал дорогу.

Стефан ему не поверил.

– Зачем тебе в магазин, если ты спрашивал меня про бесплатное жильё? У тебя всё-таки есть деньги? Тогда где твои покупки?

Парень оглянулся на окно магазина, словно проверяя, смотрят ли на него. Затем крутанулся на месте, оказавшись к окну спиной, и достал из большого кармана толстовки под расстегнутой курткой булку в упаковке.

Стефан, следя за каждым движением парня, особенно за

тем, как эти движения были сделаны, засмеялся. Этот чудаक позабавил его.

– А ты неплохой актёр, – заключил Стефан, сжав пальцами плечи. – Какую искреннюю рожу корчил перед продавщицей, я аж ослеп. А в итоге свистнул булку. Как тебя звать-то?

Невозможно было отрицать удивление: Стефан думал, что парниша наивен, как дитё, а он горазд воровать в магазинах! Да ещё и вести себя так, будто ничего не произошло!

– Ален, – отозвался тот и сделал шаг к Стефану, восприняв вопрос об имени как приглашение на продолжение общения.

– Прекрасно, Ален. А теперь проваливай. Всего хорошего. Иди поспи под мостом. А лучше возвращайся обратно домой к мамочке – помирись с ней и прекрати эти импульсивные побеги из дома. По крайней мере подготовился бы к ним тщательнее и деньги что ли взял, а не только удостоверение. Мне впредь на глаза не попадайся и тем более не жди от меня благодарности – я тебя сигареты не просил покупать.

Стефан отступил от Алена на шаг – он никого не приглашал ближе к себе. И никогда не пригласит. Ему это не нужно.

Он прожил почти пять веков один, и сейчас какой-то надоедливый смертный сопляк (неважно, что они оба выглядели как ровесники) ему не сдался.

Стефан готов был увидеть на лице Алена что угодно: возмущение, удивление, негодование, обиду из-за колких слов.

Но никак не улыбку, ставшую шире и... надломленнее. Эта улыбка была болезненно грустной и словно служила барьером, не дающим эмоциям вырваться наружу.

– Это не блажь. У меня были вещи и деньги, – объяснил Ален. – Но на пути в этот город меня обокрали. Ничего, кроме документов, у меня не осталось, да и то, потому что я держал маленькую сумку с ней в руках. Я не могу вернуться и не знаю, что мне делать.

Стефан к этой душераздирающей истории был безразличен. В лице он никак не изменился, оставаясь беспристрастным – только засунул руки в карманы джинсов. Его таким не проймешь. Это не вызовет у него жалость.

– Я тебе уже сказал, куда идти – под мост. Ты делился своей болью не...

Внезапно тело Стефана прошила настолько нестерпимая боль, что ему показалось, что земля уходит из-под ног. Она точно начала шататься, хотя на деле пошатнулся только Стефан.

Он с силой стиснул челюсти, пятясь назад, и уперся спиной в стену. Дышал сквозь зубы, смотря на двоившийся от боли в руках асфальт. Непроизвольно сжатые кулаки только ухудшали состояние, но Стефан уже не мог их разжать – пальцы онемели и отказывались шевелиться.

– Эй, что с тобой? Ты в порядке?

Это идиот еще и смеет такое спрашивать...

– Который час...? – процедил с трудом Стефан.

– Что? – не понял Ален, наклонившись к съехавшему вниз по стене Стефану.

– Времени сколько, я спрашиваю?! – рявкнул Стефан, чувствуя дрожь в руках и радуясь тому, что до приступа сложил руки в карманы.

Ален заглянул в окно магазина, выцепил в нем глазами часы.

– Полночь.

Он опоздал. Все из—за этого придурковатого Алена – задержал Стефана, вот он и не успел вовремя вернуться и сделать все, как надо.

– Как я могу тебе помочь? Может, «скорую» вызвать?

– Какая, черт тебя дери, «скорая»?! – взревел Стефан, стараясь с помощью дыхания хоть немного унять боль. – Ты мне все планы заруинил своим присутствием.

В такой ситуации Стефан оказался впервые за долгое время. Обычно он торопился домой, чтобы оказать себе необходимую помощь. Но сегодня все пошло не по плану, и он разлёгся на земле, не в силах подняться. По крайней мере без чьей-либо помощи он сделать бы это не смог.

Как ни прискорбно было это говорить, но...

– Помоги мне встать. Руки не подам, подхватывай за подмышки, дебила ты кусок.

Ален беспрекословно приступил к выполнению того, что от него требовалось.

Стефан надеялся, что никто не обратит на их странный

дуэт внимания, поскольку Алену удалось поднять его не с первого раза. Стефан неоднократно шатался от боли, ноги подкашивались. Хоть бы продавщица не обратила внимания на возню за окном!

– Молодые люди, у вас все хорошо?

Стефан закатил глаза. Каждый свой день он оценивал на уровень средней паршивости, но сегодняшний был особо мерзопакостным. Казалось, что хуже боли, разрывающей руки посреди улицы, и компании дурачка-спасителя, ничего хуже быть не может, но «копы», остановившие патрульную машину рядом, решили скрасить этот томный вечер.

– Все прекрасно! – Стефан не успел придумать ничего вразумительного, но Ален опередил его, подхватив инициативу. – Просто друг мой немного перебрал, встать не может. Мы справимся.

– Бро, пошли домой... – проямлил Стефан, пытаясь выглядеть как можно более пьяным. Он специально растягивал и жевал слова, как это делают люди под влиянием алкоголя.

– Да-да, уже идем, не волнуйся. Спокойной ночи вам!

Ален отсалютовал полицейским и повел Стефана настолько быстро, насколько тот мог перебирать ногами.

Стефан покачал головой, отмечая, что Ален все-таки не безбожно тупой. Может включить смекалку и вовремя сориентироваться в ситуации.

За короткое время побега от полицейских Стефан успел привыкнуть к ощущениям и сделать несколько дыхательных

циклов для её успокоения. Конечно, в условиях ходьбы это было не так эффективно, но почти пять веков практики приручения боли помогли.

Удивительное дело: он отринул все эмоции, кроме скуки, безразличия и гнева, но вот от боли отделаться не смог. Да, он привык к ней, научился с ней жить, но забыть – нет. Она была постоянным напоминанием о том, что Стефан совершил.

– Мы вообще правильно идем? – спросил после длительного молчания Ален.

– Да. Не волнуйся, мы идем под мост не прямо сейчас.

Пакет с продуктами, висевший на руке, впился прямо в язву. Сделав глубокий вдох и приготовившись к очередному приступу боли, Стефан достал из кармана левую руку, на которой висел пакет, и быстрым движением всучил Алену.

– Неси его. Я не могу.

Ален тут же принял пакет.

– У тебя так дрожат руки...

– Заткнись.

Стефан вскоре сказал Алену повернуть налево. Затем они пошли направо и оказались в трейлерном парке.

– Тащи меня в самый конец парка.

Такая компания и сомнительная поддержка энтузиазма не вселяли. Стефан воспринимал это как плату за потерю бдительности. Если бы он не распинался перед Аленом и не слушал, как тот распинается перед ним, то приступ боли словил

бы уже в трейлере, а не валяясь посреди улицы.

Через пять минут они очутились на отшибе парка. Стефану всегда нравилось месторасположение своего трейлера, потому что он был вдали от остальных, но сейчас, когда ноги еле шевелились, дальний путь был сродни пытке.

Их встретил маленький, местами ржавый трейлер. Стефан купил его лет шесть назад у пьянчуги, погрязшего в долгах и продающего за бесценок имущество ради погашения хотя бы части. Очень удачно поблизости оказался Стефан и купил его. Никакой официальности, разумеется, – все на словах, но это даже лучше.

Стефан жил в этом трейлерном парке последние восемь месяцев. Он исколесил достаточно городов на доме. Жизнь в этом месте устраивала. Да, есть минусы, начиная теснотой и частым пополнением запасов воды, заканчивая дебошами соседей (это еще одна причина, почему Стефан разместился подальше), но это лучше, чем предыдущие ночлежки.

Стефан осторожно выпутался из хватки Алена. Ощущение чужих прикосновений было инородным, а остаточное тепло на коже вызывало ощущение липкости, будто Стефана замарали.

Ален колебался, отпустить ли Стефана. Тот собирался забрать пакет у Алена, который сквозь сомнения произнес:

– Ты точно уверен, что тебе не нужна помощь?

– Дай пакет.

Забота бесила. Он направился к фургону, но чувство, что

кто-то смотрит вслед, заставляло тяжело вздохнуть.

– Чего стоим, кого ждем? – бросил через плечо у самой двери Стефан. – Я тебя никуда не приглашал. Вали куда хочешь.

Ален переминался с ноги на ногу, покусывая губу. Стефан вопросительно поднял бровь: нерешительность Алена озадачила. Он молчал как рыба.

– Ну? – Стефан разорвал возникшую между ними неловкую тишину. Он не хотел и не мог ждать, потому что руки все ещё болели, и надо было как можно быстрее с этим разобратся.

Когда ответ снова не последовал и Стефан уже решил уйти, Ален сказал:

– Что с твоими руками? Почему они так дрожат? Это из-за них тебе так больно?

– Не твоё дело, – ответил Стефан. Машинально и на автомате. Так он отвечал тем, кто совал нос в его дела.

То есть практически всем людям.

– Ты не можешь мне помочь с ночлегом? Я тебе помог, так что...

– Ха, вот как ты заговорил! А я думал, ты бескорыстный.

Как бы ни хотелось это признавать, но Ален много раз за вечер выручил Стефана: предотвратил попадание под колеса, купил сигареты, уберег от излишнего внимания полицейских и довел до дома.

Это все равно ничего не значило.

– Ты не поможешь? – Ален попытал удачу еще раз.

– Я не пущу тебя в свой трейлер.

– Почему? – Ален все не унимался. Стефан, если бы руки были в порядке, устало потёр бы переносицу.

– Потому что это мой трейлер. Я не обязан пускать туда тех, кого не хочу. Моя собственность, понял? И в нем слишком мало места для двоих.

Ален вздохнул и беспомощно посмотрел на Стефана. На самом деле положение паренька довольно бедственное: ни денег, ни еды (кроме злосчастной булки), ни одежды – ничего. К тому же его привели к чёрту на куличики в какой-то трейлерный парк. Местность он вряд ли знает, да и уже темно.

Ладно, он ведь и правда сделал сегодня для Стефана слишком много.

– Вон там диван, – Стефан ткнул пальцем на старый бордовый диван рядом с трейлером. Ален проследил за пальцем и оглядел потенциальное место ночлега. – Принесу одеяло.

Вероятно, такой расклад Алена не сильно впечатлил. Спать зимой на улице, когда ночная температура ощутимо падает, несмотря на теплый климат, никому бы не понравилось. Но это единственное, что Стефан могу предложить. Услуга на услугу.

Он скрылся за дверью и вернулся с одеялом. Протянул его Алену. Тот его принял и спросил напоследок:

– А как зовут тебя?

Стефан держался за наполовину закрытую дверь фургона. Он колебался, взвешивая за и против, – сказать или все же послать?

– Стефан. Вали уже спать и не капай на мозги.

Стефан закрылся в фургоне и выдохнул с облегчением. Он проследил за тем, как Аллен подошел к дивану, развернул одеяло. Дальше Стефан зашторил окно.

Он встал у раковины, вытащил бутылек спирта из пакета, поставил его на стол. Снял куртку и толстовку, стараясь не задевать руки, и с неудовольствием обнаружил на предплечьях огромные черные коросты вокруг ран. Раны были свежие и не затянувшиеся.

Стефан не с первого раза смог открыть бутылек – хоть боль и притупилась благодаря дыхательным техникам, сил пальцам это не вернуло. Когда крышка поддалась, он дал себе минуту, чтобы собраться с силами, а затем, вытянув руку над раковиной, полил спирт прямо на неё.

– Твою ма-а-ать, – прохрипел Стефан. Тело охватила крупная дрожь, особенно сильно тряслась левая рука.

Он сгорбился, для опоры упершись правой рукой в столешницу, почти сложился пополам, но это вряд ли уменьшило бы боль. Стефан рвано дышал, по вискам тёк пот. Коросты на руках разрушались и шипели от попадания на неё спирта, превращались в черный дым и разъедали своей ток-

сичностью открытые раны.

Стефан завершил второй заход и тихо проскулил, прикусив губу. Перед началом процедуры он благоразумно достал аптечку и раскрыл её. Отодрав себя от раковины, он заставил себя забинтовать левую руку и опустился на кровать. Повязка из—за дрожи пальцев получилась неаккуратной, но красота была ни к чему – главное, чтобы держалось.

Отдых занял полчаса, за которые повязка пропиталась кровью. Без энтузиазма Стефан провел вторую часть нитки-процедуры, еще менее аккуратно забинтовав правую руку. Когда ты правша, желать это левой да еще и измученной неудобно.

Обессиленный, он желал только сна. Стефан уснул прямо в одежде, потому что был измотан физическими муками и избавлением от разлившейся по рукам ненависти.

Ненависть, что отравила каждый сантиметр его тела, и каждое полнолуние прорывалась наружу через безобразные раны и язвы, оставляющие на предплечьях такие же безобразные рубцы.

Это лишь малая часть бремени, которое Стефан нёс на себе почти пятьсот лет.

## Глава 2. Но в этом году снег выпал чёрного цвета

Утро Стефана началось, как обычно бывает в такие дни, с обработки рук и перевязок. Было так же болезненно, как и вечером. За ночь образовалось достаточно черных корочек вокруг ран.

Аппетит пропал от манипуляций. Стефан вышел на улицу с пачкой сигарет в руках. Он поджег одну, несмотря на увещевания о вреде курения на пустой желудок. Курить в принципе вредно, но Стефан уже не помнил, сколько лет назад начал. Ему, в общем-то, все равно, так как он не умрёт.

Стефан подошел дивану, где уже проснувшийся Алён сидел, укутавшись в одеяло. Он смотрел куда-то вдаль, а когда заметил Стефана, оживился.

Спустя затяжку улыбка Алёна померкла, оставляя после себя сосредоточенность.

– Что всё-таки с твоими руками?

Стефан опустил взгляд на повисшую левую руку, словно и сам не знал, что с ними. Только потом он осознал, что вышел на улицу в футболке с коротким рукавом и куртке, лишь накинута на плечи. Так он делал всегда по утрам, но раньше никого поблизости не было, как и причин скрывать окровавленные бинты.

– Заткнись, – в очередной раз произнёс Стефан, обрубая тему. – Это не твоё дело.

Ален нахмурился. Пятна на повязках его напрягали, но Стефану было все равно. Плевать, если тот будет считать его мазохистом или типом, склонным к селфхарму. Уж что-что, а мнение Алена беспокоило меньше всего.

– Я думал, ты окочуришься этой ночью, а ты вон, неплохо выглядишь.

– Было нормально, хоть и немного неудобно. Ночь не очень холодная. Спасибо за одеяло.

Стефан, поморщившись, выдохнул дым последней затяжки и затоптал окурочок. Он не напрашивался на благодарность. Это вообще было издёвкой, а Ален принял за чистую монету. Наивный придурок.

Тяжесть в животе ощущалась непонятно от чего: то ли выкуренной сигареты, то ли от слов Алена.

Он молча пошел прочь, оставляя Алена в одиночестве. В трейлере убрал бардак после вчерашнего, нашёл пакет с сэндвичами и газировкой. Сигарета улучшила общее состояние, если не обращать внимания на ощущения в животе. Так что Стефан решил позавтракать тем, что заблаговременно купил вечером.

Открыв дверь, Стефан чуть не налетел на Алена, стоящего прямо перед фургоном.

– Какого ты тут забыл?! – сказал Стефан со злостью, резко притормозив. Ален попятился назад. Он держал в руках

одеяло.

– Хотел вернуть тебе... Не успел постучать. – Стефан, не ответив, забрал одеяло. В тишине он вышел, игнорируя Алена.

Обычно он завтракал на улице, восседая на диване. Эдакая традиция, начинающая новый день. Сейчас, конечно, диван был занят, что вводило дискомфорт. Но кто, с другой стороны, Ален такой, чтобы Стефан из-за него нарушал привычки?

Именно поэтому он плюхнулся на диван, в противоположный конец от Алена. Раскрывая упаковку с сэндвичем, он боковым зрением уловил на себе чужой взгляд.

– Не смотри на меня взглядом попрошайки, я с тобой делиться не собираюсь, – сразу предупредил Стефан.

– Я и не просил, – парировал Ален, но урчание в животе вывело его на чистую воду. Вероятно, ворованная булка была съедена ещё вчера и утоления голода не принесла. – Да, я хочу есть, но это не значит, что я пришел сюда, чтобы ты меня угостил.

– Тогда не смотри на меня и не порти аппетит.

Ален вмиг посерьезнел. Кажется, слова Стефана его заделли. Он поступил даже лучше, чем велел Стефан: уселся на подлокотник дивана, повернувшись спиной.

Это не всколыхнуло душевное равновесие Стефана, а наоборот дало большее спокойствие. Присутствие Алена, особенно на столь близком расстоянии, напрягало. Не сказать,

что и сейчас между ними были километры, но хотя бы никто не смотрел.

– Где мне ещё сидеть, кроме как на диване? Не на крышу же твоего фургона лезть, – Ален заговорил спустя время, за которое Стефан всё съел и почти допил газировку. – Я ещё в магазине видел, что ты купил порцию только для себя.

– Не представляешь, как мне насрать. Если ты осмелишься залезть на фургон, он развалится, и тебе придется искать для меня точно такой же.

То, что Ален обиделся, – только его проблема. Стефан не собирается с ним церемониться. Он ему никто, и Стефан ясно дал это понять с первых минут знакомства.

– Пошевеливайся, нам пора идти.

– Куда?

– Из парка. Я уйду по своим делам, ты – восвояси. Здесь слишком мало места для нас двоих.

– То же самое ты говорил вчера про свой трейлер, – подметил Ален, вставая и разминая плечи.

Стефан это пропустил мимо ушей и вернулся в машину, чтобы надеть толстовку. Он закрыл дом на ключ, снова пройдя мимо Алена. Тому ничего не оставалось, кроме как поплестись следом.

Они шли в напряженной тишине, которую, казалось, можно было схватить рукой и она бы захрустела в кулаке. В дороге Стефан вспоминал, как Ален вчера почти тащил его на себе. В душе всколыхнулось ощущение неправильности си-

туации.

Ален помог Стефану вчера четыре раза. Да, Стефан оплатил ему предоставлением ночлега, хоть и сомнительного. Но за сегодняшнее утро он наговорил гадостей раза в два больше, чем Ален сделал ему хорошего. Это неверно... Наверное? И Алена подколы Стефана оскорбили, хотя он изначально был позитивно к нему настроен и даже улыбался.

Стефан не собирался сюсюкаться с этим идиотом, но нормально ответить услугой на услугу нужно.

Будто прочитав мысли Стефана, Ален, кажется, забывший о колкостях, поинтересовался:

– А какими делами ты пойдешь заниматься?

Стефан поиграл желваками, прикладывая усилия, чтобы проглотить желчное «Не твоё дело» и не закатить глаза.

– На работу.

– А где ты работаешь?

– В кафе.

– А там не найдётся работёнки для ещё одного человека?

Стефан перевел взгляд на Алена и пожалел о содеянном. Глаза Алена горели интересом, и было в них ещё что-то такое, что заставляло стиснуть зубы от злости.

Надежда. Предвкушение. Ожидание лучшего. Все то, что Стефану непостижимо.

Он отвернулся, невольно ускорив шаг, И Ален подстроился под темп. Ожесточенная внутренняя борьба жгла грудь от непонимания, почему эта кудрявая дурья башка вызывает

столько неприятных чувств.

За последние сотни лет только они и составляли компанию скуке и пустоте, внося разнообразие. Единственное, чего хотелось – это чтобы состояние было тихо и неподвижно, как водная озёрная гладь. Сейчас оно было похоже на шторм.

С губ так и рвалось колючее: «Для такого олуха, как ты, работы нет, ты только всё испортишь». Он снова сжал челюсти, не давая островам вырваться. Останавливала мысль, что надо ответить услугой на услугу.

Ален ведь не покушается на его место официанта. Не отберет же он работу и деньги, так? Джоб говорил, что не хватает рук. Может, Стефан получит какую—то плюшку за эти самые руки? Ну, за акцию «приведи друга» же что—то дадут?

Друзей правда нет, но человек, которого Стефан приведет, – вполне.

– Найдётся, – наконец ответил Стефан, и Ален чуть не сделал сальто от радости.

– Ура! Спасибо! Ты меня очень выручишь!

– Закрой рот. Слушать твои благодарности не могу.

Они оказались у небольшого кафе итальянской кухни с вывеской «Gusto e amore», что означало «Вкус и любовь». Как заверял хозяин кафе, таково его кредо – готовить еду с любовью и вкусом. Кровля крыши была красной, а фасад – в зеленых и белых цветах. Все под стать итальянскому флагу.

Их как раз и встретил Джоб – тот самый владелец.

– О, Стефан! Здорово! – Джоб направился к Стефану, как только увидел его. – Ты вовремя, работка уже нашептала на ухо, что соскучилась по тебе!

– Ага, верю... Утра, – Стефан пожал протянутую руку Джоба.

Джоб похлопал его по плечу, разразившись громким хохотом от собственной шутки. Джоб – человек, взаимодействия с которым не приносили отвращение. Стефан привык к Джобу и смирился с тем, что он такой, какой есть: шумный, ржущий и шутящий невпопад, иногда брызгающий слюной, когда говорит о чем-то слишком увлеченно. Он привык к его сухой пухлой ладони и тому, что для него рукопожатие – важный ритуал первой встречи, без которого приветствие не приветствие. Привык к его тактильности, к похлопываниям по плечу или спине.

Вначале для Стефана это было дикостью. Хотелось ощетиниться, выпустить когти, вгрызться в глотку за наглое вторжение в личное пространство. Научиться принимать это пришлось из-за того, что Джоб был и остается хорошим мужиком. Он помог Стефану, когда тому нужна была работа, чтобы сводить концы с концами и на что-то жить. Он принял Стефана без документов, почти с бухты-барухты, зная только имя.

Не сказать, что и сейчас Джоб знает о нем больше, чем восемь месяцев назад, но для него это словно не было проблемой. Он встречал Стефана каждое утро с распостёрты-

ми объятиями.

Стефан работал неофициально, на птичьих правах. Многие посчитали бы его положение шатким – он ведь мог вылететь в любое время. Однако Джоб давал понять, что всё будет нормально и он поможет. В прожженной душе Стефана это вызывало уважение.

С почтением относиться к управляющему особенно заставляло то, что тот, несмотря на нарушения дистанции, никогда не спрашивал, почему у Стефана нет документов, почему он ничего не рассказывает о себе и так отстранен. В этом Джоб сохранял тактичность.

Это было замечательно, потому что Стефан не мог рассказать правду.

Стефан не испытывал тех же светлых чувств к Джобу, что тот – к нему. Он просто позволял проявлению доброты быть, не отвергал шуточки Джоба, не дёргался от прикосновения, не закрывался, когда Джоб ни с того ни с сего начинал с ним говорить. Стефан это либо не пропускал через себя, либо реагировал по минимуму. Это все, на что он был способен после пятисот лет скитания по миру.

Стефан разрешал Джобу оставаться. Да, это игра в одни ворота, односторонние отношения, однако большего Стефан дать не может.

– А это что за мальчонка с тобой? Братка младшего не смог дома оставить одного? – засмеялся Джоб, обращая внимание на Алена.

Ален возмутился такому пренебрежению.

– Мне...

– Он хочет работать здесь, – объяснил Стефан, затыкая Алена. – Ты ж говорил, что тебе нужны рабочие руки. В этом случае совершеннолетние. Возьми его на полную ставку.

– Пожалуйста, – всё же добавил Ален в конце. – Очень нужно.

Джоб задумался, окинув оценивающим взглядом рослую фигуру Алена с ног до головы. Стоит отметить, что он выше Стефана, которого ростом природа не обделила.

– Что ж так внезапно? Господи, я даже не знаю, радоваться мне или плакать... – вдохнул мужчина, сокрушенно опускаясь на диванчик за столиком, а на него – какую—то папку. Он выглядел совершенно отчаявшимся: грустно подпёр голову пухлым кулаком и громко вздохнул.

– А что не так, случилось чего? – поинтересовался Стефан, и Джоб ткнул пальцем в пресловутую папку.

– Да кассир опять уволился! Этот Чарли! Проработал всего-ничего и сунул мне заявление! Две недели отработал! А уже график на месяц вперёд составлен, работников не... Хватает...

– Старик, ну так и... Он и я зачем тут распинаемся?...

Джоб будто только осознал, что к нему привели сотрудника взамен того, что от него ушёл. Он снова осмотрел Алена, но уже иным взглядом. Почесывая подбородок с трехдневной щетиной, мужчина спросил после минуты размыш-

лений:

– Ручаешься за него, а, Стефан?

Тот неминуемо скорчил мину, точно съел самый кислый лимон на планете. Он-то? Ручаться? Чушь! Кто Стефан такой, чтобы брать ответственность за кого-то? И кто такой Ален, чтобы Стефан был для него поручиком?

Стефан уже готовил жесткий отказ, но Ален проявил благородие:

– Я за себя ручаюсь, сэр. Обещаю работать добросовестно и качественно.

Джоб кивнул.

– Пойдём обкашляем это, сынок. Стефан, можешь переодеться и приступить к работе.

Джоб понимал, что деваться ему некуда, потому что работников не хватало: их и так было впритык, а с уходом Чарли единственному оставшемуся на смене сотруднику было бы худо. Звать кого-то из двух других – довольно кощунственно, ведь они и так отработали два дня подряд.

Очевидно, мальчонка работать будет. Конечно, лучше было бы взять нового сотрудника хотя бы с завтрашнего дня, но Джоб это уладит. Просто уход Чарли был *слишком* неожиданным.

Ален не торопился идти за Джобом. Он задержал взор на Стефане, словно ждал чего-то. Точнее, тон смотрел не на самого Стефана, а на руки. Вмиг всё стало понятно.

Заботливый мальчик беспокоится о том, как чужой чело-

век будет работать с серьезными увечьями.

– Покорми его, старик! А то ему силёнок не хватит работать! – крикнул Стефан напоследок, специально стараясь принизить Алена.

– Ладно, иди давай. И хватит меня называть стариком! Я мужчина в самом расцвете сил!

– Но ты мне в отцы годишься, уж извини. А я отца стариком называл.

Забавно, что Стефан годится Джобу в прадеда в седьмом колене. Ещё забавнее только то, что Стефан уже не помнит, как обращался к отцу.

Джоб поджал губы, но не разгневанно, а понимающе. Он кивнул, принимая крупинку истории прошлого, которую только что ему вверил Стефан. Для него это было ценно.

Стефан вздохнул. За кого Ален его принимает? За немощного и несчастного? Что ж взять с самого Алена, ошеломленного видом окровавленных бинтов?

Стефан давно привык к боли. Он жил с проклятием почти пятьсот лет, и повидал он за жизнь больше, чем работники и посетители кафе вместе взятые. К сожалению, Стефан так и не обрел нечувствительность. Но ему известно, как обращаться с собой во время «выхода» ненависти наружу. Он специально работал на месте официанта, чтобы не квасить руки в воде и моющих средствах на месте того же посудомойщика и не выдавливать из себя улыбку, разговаривая с посетителями у кассы по поводу заказа.

Недалёкому Джобу достаточно отмазки в виде боли в суставах. Тот ржал с «шутки», что руки Стефана так реагировали на луну, и как обычно не лез с расспросами.

Стефан ушёл переодеваться в форму – надевать белую рубашку и фартук. Выходя из служебки, он столкнулся с возвращающимся Аленом, которому Джоб растолковывал суть работы и обязанности. Значит, всё-таки принял. Жаль только, что плюшек за соблюдение правил акций не будет.

Так Стефану казалось.

Существовал часовой обеденный перерыв, когда кафе полностью закрывалось. Это был удивительный шаг со стороны работодателя в США, поскольку с обеспечением сотрудников обеденным перерывом довольно туго. Большая часть команды собиралась вместе трапезничать в специально отведенном для этого помещении, но Стефан никогда с ними не ел. Он уходил в ближайший продуктовый – неважно, что сам работал в общепите.

Самая главная причина его отсутствия на обеде заключалась в нежелании общаться с коллегами.

Многие из сотрудников для Стефана были не больше, чем белый шум. Они сновали на фоне, а Стефан даже не трудился их запомнить. Тем более, что их много, а Стефан один.

Сегодня на смене четыре официанта, включая Стефана. Двое из них – иммигранты, с трудом разговаривающие на английском и больше держащиеся друг с другом. Третий их друг работал посудомойщиком. Четвертая официантка – де-

вушка, которая устроилась пару месяцев назад.

На кассе стоял Билл – пассивный, но умелый парень. Он пришёл сюда работать вместе с девушкой-официанткой. О таком бы в школьные времена отзывались: «Умный, но ленивый», «Талант пропадает зря». Удивительно, что он вообще стоит на кассе – вероятно, собирает в кучу разрозненные коммуникативные навыки, чтобы вечером уползть с работы без сил. Его бы в посудомойщики, например. Ну, теперь к нему присоединился Ален.

Повара было три – Боб, Якоб, Питер, и все они – мужики старше тридцати пяти. Неотёсанные, грубоватые, хоть и вкусно готовящие. Все трое подчинялись шеф-повару и суши-шефу. Их Стефан не запоминал.

Барменом и бариста работал мужчина по имени Майкл, а в качестве уборщицы была девушка, тоже малознакомая Стефану. Джоб был не только владельцем, но и главным менеджером и администратором. Короче говоря, сотрудников было не так много и некоторые даже выполняли несколько функций, так как бизнес только расцветал. Однако развитие шло довольно успешно.

На перерыве Стефан закончил со своими делами довольно быстро – оставалось еще полчаса. Он направился в служебное помещение, чтобы забрать пачку сигарет, оставленную в толстовке. Проходя мимо общего стола, он услышал, как среди басистого мужицкого хохота проскочили восклицания: «Ален, ну ты даешь!»

Стефан оперся спиной о дверной косяк, в недоумении лицезря то, как многие из сотрудников, даже иммигранты и Билл, собрались за игрой в карты. Якоб – один из поваров – с азартом бросил карту на стол.

– Так тебе!

Ален подкинул ему парочку. Якоб поджал губы, испепеляя собственный веер глазами. Он занёс руку, чтобы вновь ожесточенно обрушить карты на стол. Ален юркнул под чужую большую ручищу, взял пирожок из контейнера, который собрала жена Якобу на работу.

В конце концов, Ален выиграл у Якоба под его сокрушенный рёв.

– Вот и нашёлся тот, кто тебя в лужу посадит, – усмехнулся Боб. Они обычно каждый обеденный перерыв проводили за игрой в карты, и Якоб в этой кучке оболтусов считался лучшим из худших.

– Ален, ты мухлевал! Показывай, где у тебя карты?! В руках?! Задом их греешь? – завопил Якоб, с подозрением косясь на Алена. Тот напрягся под суровым взглядом

– У меня ничего нет, – сказал он, показывая пустые руки. – К тому же нас девять человек играло. Я бы не смог карты складывать по карманам, их на каждого впритык.

– Вот дерьмо. Мне нужен реванш! Ты у меня еще получишь!

– Пыхтеть здесь до вечера над колодой вздумал? – напомнил бармен Майкл. – Знаем мы тебя. Как засядешь за карты,

так пиши пропало. Ален, не обращай на него внимания. Ему только дай повод сквернословить. На вот, попробуй, моя готовила.

Майкл протянул Алену вафлю.

– Спасибо большое, – тот расслабился и одарил Майкла сияющей улыбкой. Майкл был доволен, как кот, объевшийся сметаны.

У Стефана снова возникло острое желание закатить глаза, в груди затянулся тугой узел. Стефан испытывал гамму не самых лучших чувств.

Ну, просто какого чёрта? Ален здесь и смены ещё не отработал, а уже на короткой руке со всеми, даже с Биллом, который объяснял ему правила новой игры. Этот молчун со Стефаном за все время и то меньшим набором слов обменялся!

Они хохочут с Аленом, кормят его, играют с ним. Все собрались вокруг Алена, будто он восьмое чудо света. Кто он вообще такой?!

Ах, эта примитивная людская природа. Стоит кому-то проявить хоть малейшую вежливость и любезность, так все готовы падать этому человеку в ноги.

– Стефан! Не ожидал тебя увидеть тут во время обеда, ты обычно всегда сбегаешь, – окликнул Джоб, неожиданно выросший за спиной.

Команда обернулась, услышав управляющего.

– Я просто ем в другом месте, старик, – пояснил Стефан

со скучающим видом, будто это не на него сейчас были обращены десять взглядов. Конечно, ведь обычно в перерыв Стефана днём с огнём не сыщешь.

– Стефан, не хочешь с нами в карты сыграть? – обратился к нему Ален.

Стефан скривился, пропустив холодный смешок. Он отошел от дверного косяка, сунув руки в карманы и выказывая всем видом отвращение к предложению.

– Я на эту чушь время тратить не собираюсь.

– Но ведь ты наблюдал за игрой, Стефан, – напомнил Джоб, все ещё стоявший позади него.

Стефан стиснул челюсти от раздражения, но постарался для Джоба подобрать не самые обидные слова.

– Я всего лишь шёл за сигаретами. – Он обогнул стол, подошел к своему ящику и вытащил толстовки пачку, сунул одну сигарету за ухо.

Проходя мимо компании, он случайно заглянул в карты Алена, собирающегося выкинуть самую удачную. Возможно, Стефан слишком громко цокнул языком, потому Ален повернулся в его сторону.

– Что не так?

– Ничего, – отрезал он. Но когда Ален вернулся в исходное положение и почти вытянул ту самую карту, Стефан не выдержал: – Ты для чего эту карту выбрасываешь? Не видишь что ли, что у тебя есть валет? Кинешь туза, и можешь попрощаться с шансами на хороший исход.

– О, – протянул Ален, раскладывая карты в руке. – И правда. Спасибо! Может, все-таки сыграешь с нами?

Стефан скрестил руки на груди и встретился с Аленом взглядом. Ален прекращать зрительный контакт он не планировал, пока не поступит ответ. Остальные молча наблюдали за неммым разговором.

Уголок губ нервно дёрнулся. Неотступность Алена досаждала. Стефан сдался первым.

– Только раз, чтобы ты проиграл.

До конца обеда оставалось около пяти минут, о чем напомнил Джоб, но все были так потрясены предстоящим поединком, что никто не разошёлся (Джоб в том числе).

Стефан сел напротив Алена, тасовавшего колоду. Стефану в картах не везет, но Ален слишком неопытен, раз не видит, какие карты находятся перед носом, так что даже он его разгромит.

Всё закончилось тем, что Стефан безбожно, почти в сухую, проиграл.

\*\*\*

Оставшуюся часть рабочего дня Стефан не разговаривал вообще ни с кем. В угрюмой тишине он относил заказы на необходимые столики. На сегодня лимит общения исчерпан.

Проигрыш был унизителен, и Стефану было тяжело себе в этом признаться. Когда Ален кинул карту, которую отбить не получилось, Стефан швырнул на стол свои и ушёл под удивленные возгласы и хохот.

Стефан получил суточную зарплату и пересчитал, прежде чем переодеться. Алену и иммигрантам тоже выдали плату за день, остальные получали сумму два раза в месяц. Пока Ален прощался со всеми, снова разбрасываясь улыбками, Стефана уже и след простыл.

– Эй, Стефан! – Джоб притормозил его на выходе. – А где ты познакомился с Аленом? Он твой друг?

– Ещё чего, старик. Я похож на того, кто заводит друзей? – Джоб лишь развел руками, мол, всякое в жизни бывает. – Никакие мы с ним не друзья. Просто случайно встретились. Он помог мне, я – ему. На этом все.

– Ах, вот как, – управляющий кивнул. – Не будешь его ждать?

– Нет.

Стефан ещё утром дал Алену понять, что дальше их пути расходятся. Жить бок о бок смерти подобно. Хотя имея бессмертие, рассуждать об этом иронично.

С Аленом придется встречаться каждый день на работе – Стефан уже этим будет пересыщен. Хорошо, что сегодня они почти не пересекались. Пусть и дальше так будет.

Это не более, чем мимолетное столкновение, чуть пошатнувшее привычную жизнь Стефана – одинокую и однообразную. Повторяющиеся дни, где все предсказуемо, легче переносятся. Их проще контролировать.

Взаимодействовать с людьми даже на уровне общения с Аленом слишком утомительно. А заводить друзей – так и

подавно.

Стефан возвращался в трейлерный парк пешком. По пути он снова купил бутылек спирта. На этот раз он точно успеет до полуночи, и валяться посреди улицы не придется. Оказавшись на территории парка, Стефан заметил столб дыма вдалеке. Кто-то горел?

Каково же было его удивление, когда он пришёл на свой отшиб.

– Фантастика! – бесцветно протянул Стефан, однако выронил изо рта тлеющую сигарету.

Горел его трейлер. А сам он стал погорельцем.

## Глава 3. Как осознать, что имел в наличии?

Повсюду сновали обитатели парка, туша пожар. Стефан пребывал в прострации. Всё происходило не с ним и не с его трейлером. Не он сейчас остался без пристанища и не ему спустя шесть лет жизни в трейлере опять некуда идти.

– Эй, чувак! – Из тумана мыслей вырвал какой-то хиппи, принимавший участие в тушении. – Твой трейлер?

– Мой. Был... – выдавил Стефан.

– О, это ты правильно слова подобрал! – захохотал хиппи, поворачиваясь к трейлеру, который за время «отлёта» Стефана потушили. Всё, что осталось от дома – несгоревший каркас из металла. – Да, не повезло, конечно...

Мужик сказал ещё что-то о погоревшей проводке, но Стефан слышал его через вакуум.

Подходить близко было бессмысленно: валил густой дым. Трейлер сожжен всё дотла, так что даже заикаться не стоило о спасении вещей – они были приданы огню. Единственное, что с ним было – это он сам, бутылочка этилового спирта и деньги за сегодняшнюю смену.

Потрясающе.

Люди потихоньку расходились, и Стефан ушёл прочь. Здесь ему места уже нет, потому как сгорел даже диван. У

него был неплохой бордовый цвет...

Проситься переночевать тоже бесполезно: жители трейлеров и без того в тесноте, а гости лишь добавят хлопот. Стефана к тому же не хотел навязываться и просить помощь.

Он закурил сигарету, чтобы горечью её дыма перекрыть горечь досады. Неприятная ситуация, конечно. Она повлекла за собой достаточно проблем: теперь надо думать, где переночевать, надо покупать бинты, думать, где обработать руки, потому что на улице это привлечет слишком много внимания. От навалившихся обязательств загудела голова, хотя больше всего хотелось завалиться на кровать, которой уже нет.

Надо ещё вызвать эвакуатор, но Стефан займется этим завтра. А пока он нехотя поплелся в гипермаркет.

Ему не впервой, как помойной крысе, кантоваться в ужасных условиях: он спал и на улице, и в метро, и на свалке, и на вокзале, не говоря уже о подсобках прошлых работ. Да что уж там! Когда Стефан работал уборщиком в отеле, он подмечал, какие номера свободны, специально оставлял там окна открытыми и, «уходя» с работы, залезал через них. А сколько раз он спал под мостом...

Стефан не занимался этим с момента покупки трейлера. Так неестественно было возвращаться к тому, что уже, казалось бы, в прошлом.

Ничего не проходит бесследно.

Дорога до гипермаркета занимала примерно полчаса. В

этот раз она была будто бесконечной – всё никак не кончалась, а на горизонте не появлялся магазин.

Стефан отгонял мысли о новых проблемах. Они были похожи на назойливых комаров. Только смысл ворочать в голове одно и то же?

Это хоть и стало неожиданностью, но в жизни происходило и не такое. Он встречался с более хлётскими событиями, но ведь смог выбраться. Так что и с этим справится. Это пустяк.

Стефан, остановившись перед возвышающимся над ним зданием магазина, поднял голову вверх и стиснул челюсти до напряжения в мышцах. Громада гипермаркета давила размерами, и из такого положения головы казалось, что она вот— вот упадёт прямо на Стефана.

Жаль, что не убьёт.

(Стефан лжёт себе каждый день).

Стефану просто трудно признать, что он привык к трейлеру. На самом деле он, как говорят смертные люди, привязался, прикипел. Конечно, ведь он обустроил в машине свой быт, а теперь в раз лишился того, что накопил.

Даже для Стефана, потерявшего ощущение времени из— за бессмертия, это было сродни удару под дых. Это тяжело для любого.

Стефана направился в отдел активного отдыха. О нет, он не подался в туризм. Пусть скачут по лесам и горам с десятикилограммовым рюкзаком за спиной отбитые фанатики,

видящие в природе романтику, он от этого далек.

Цены на спальные мешки, похоже, скакали по высокогорьям вместе с их будущими владельцами, потому что стоимость самого дешевого – полторы дневных зарплаты Стефана. А денег у него сейчас мало. Все отложенное сожжено.

Приобщиться к туризму не получится даже так. Он ушёл в отдел спальных принадлежностей, отыскал самый дешёвый плед. Тратилась уже большая часть зарплаты. Нужно было купить еду на вечер и завтрашнее утро, бинты. Вот и всё – Стефан банкрот.

Ставя корзину с покупками на ленту кассы, он внезапно наткнулся на рыжую кучерявую макушку. Вишенка на торте дня!

– У вас есть скидочная карта? – прошептала продавщица, пробивая покупки Алена.

– Нет... – Ален обернулся, надеясь увидеть позади себя другого покупателя, у кого бы попросил карту, но встретил со Стефаном. – О, Стефан, добрый вечер! У тебя...

– У меня ничего нет, – подействовал на опережение Стефан. У него вообще ничего нет.

– А... Ладно. Карты нет, – Ален улыбнулся девушке, и та, кивнув, продолжила пробивать товары. Стефан окинул глазами корзину Алена, в которой лежали продукты первой необходимости: молоко, хлеб, яйца, макароны, крупы. Среди них даже немного овощей и фруктов, сладостей. И почти никакой готовой еды, будто ему есть, где готовить...

Пока пропикивали товары Стефану, Ален рядом перетрясывал свои в пакетах, укладывая компактнее. Стефан отказался от бутылки сока, потому что денег не хватало.

Алена уже покинул кассу, когда Стефан расплачивался. Однако он зря надеялся больше не сталкиваться: они встретились у камер хранения, где Ален доставал из шкафчика еще один небольшой пакет, видимо, купленных в другом месте продуктов.

Пацан шикует не на шутку, а ведь у него тоже ничего нет, потому что обокрали. Такими темпами он очень скоро запоёт, что денежки быстро кончаются.

Интересно, а деньги на жильё-то у него есть? Неужели будет ночевать на улице с огромным мешком еды?

– Как самочувствие, все хорошо? – не удержался от вопроса Ален.

– Да, какие-то проблемы? – ответил вопросом на вопрос Стефан.

Ален попятился на шаг от Стефана, поджав губы. Его брови свелись к переносице в недовольстве, и Стефан был готов поклясться, что ощущалось сильное дежавю.

– Никаких проблем. До завтра, – Ален развёл руками и ушёл прочь. Да уж, на этот раз сцена была намного короче и без оправданий. Стефан чувствовал исходящую от Алена ауру негодования. Не понравилось, надо же.

Они, к счастью, разошлись в разных направлениях. Стефан не ощутил укол совести из-за того, что якобы без повода

взъялся на Алена. Он был не в самом лучшем расположении духа, а Алена попал под горячую руку. Какое ему дело до постороннего?

Сейчас дружеское участие выводило из себя пуще прежнего. И ведь хватило же ума ему отступить, хотя это не отменяет прошлых попыток подобрать ключик. Идиот. Там нет замка.

Ноги рефлекторно понесли Стефана в трейлерный парк, но остановился спустя пару шагов и пошёл в противоположную сторону.

Возвращение к истокам.

Сначала Стефан завернул в кафешку, под шумок юркнул в туалет и в кабинке обработал руки. Для полуночи еще рано, так что невыносимой болью не шарахнуло, несмотря на много образовавшихся чёрных корок.

Обычно, если Стефан успевает очистить раны до полуночи, боль не пробирает до самых костей. «Ненависти» меньше, соответственно, отравляет она меньше. Конечно, тело ноет, особенно открытые раны, накатывает слабость, но в более легкой форме.

Когда Стефан опаздывает, «ненависть» будто вгрызается в увечья, которые сама и создает, чтобы выйти наружу через них. Она разъедает своей токсичностью, и от этого выворачивает наизнанку, как вчера.

Есть такая боль, которая может быть локализованной, но настолько невыносимой, что от неё подкашиваются ноги, а

по голове будто бьют обухом. На долгие секунды взрыва физических мучений теряешь ориентацию в пространстве. В голове вместо мозгов вата. И кажется, будто эта боль, концентрирующаяся только в одном месте, разливается по всему телу раскаленным железом, от которого дышать невозможно.

Стефан перенёс вчера весь спектр этих пыток. Иногда подобная встряска даже полезна – она напоминает Стефану, что он всё ещё жив. Боль отлично справляется с этим, скидывая с небес на землю, а то иногда Стефан забывается.

Опустив крышку унитаза, он опустил голову на неё, восстанавливая дыхание. Унитаз не подушка, но и Стефан не из брезгливых и привередливых. К тому же крышка выглядела чистой.

Отдышавшись, он встал, поднял с пола пакет и бутылку и покинул кафе.

То, откуда Стефан начал, – мост.

До вокзала идти слишком долго, а парки закрывают на ночь. Можно, конечно, пролезть через забор, но путь до ближайшего опять же немалый, а Стефана одолевала слабость, дискомфорт в руках рос. Ключей от кафе не было, так что и там переночевать не вариант.

Постоянные посетители: бомжи, сбежавшие беспризорники, наркоманы, пьяницы и просто приличные люди, лишившиеся крова – кипели деятельностью. Разношерстный контингент, оживляющий темноту под мостом.

Стефан как обычно обустроился вдали ото всех, чтобы не слышать отголоски разговоров и не видеть отблески костра.

Он нашел длинную картонку, постелил её на землю. Да уж, это не матрас – как ни крути, земля тверже и холоднее. Стефан постарался как можно сильнее закутаться в плед и спустя примерно час бесплодных попыток уснуть ему это удалось.

\*\*\*

Он проснулся ранним утром – непонятно, который час, потому что ещё темно. Сумерки начинались ближе к восьми утра. Задерживаться тут смысла не было. Стефан больше не заснёт, а оставаться среди обормотов мало приятного.

Главное обработать руки, чтобы в течение рабочего дня они не доставляли проблем. Стефан сел, не вылезая в утреннюю прохладу из кокона пледа. Он огляделся по сторонам и не обнаружил пакета с продуктами. Куда он его вчера положил?

Стефан был так вымотан, что это вылетело из головы. Он точно помнил, что дотащился с пакетом до места ночлега, а дальше все как в тумане. Пришлось встать, чтобы тщательнее проверить, не закатился ли он куда-нибудь, но увы. Нигде и намека на пакет.

Похоже, своровал кто-то из «соседей». Вот вам и доброе утро.

Искать, а уж тем более скандалить – пустая трата ресурсов. Ищи-свищи виновника. Кто-то мог проходить мимо и,

видя, что хозяин спит, быстренько умыкнуть. Кому не пригодится еда, и бутылъ спиртяги? Местные не привереды и выпьют просто так, несмотря на то что спирт аптечный.

Стефан сунул руки в карманы и с облегчением нащупал в одном из них бинты, в другом – сигареты. Хорошо, что и они не оказались в пакете, иначе было бы совсем туго.

Он как попало скрутил плед, сунул подмышку и ушёл коротать время до начала смены. Неудачи выстраивались в очередь, чтобы, по всей видимости, испытать Стефана на прочность.

\*\*\*

Кафе открывало двери для посетителей с десяти утра, а закрывало – в три часа ночи. Было две смены – дневная и вечерняя. Дневная длилась с десяти утра и до семи вечера (включая обед), вечерняя – с семи вечера до трёх часов ночи. По графику Стефану выпало работать эти два дня в утренние смены.

Сотрудники обычно приходили полчаса-час до открытия. Стефан пришёл за сорок минут. В кафе собралось уже около половины коллег.

Стефан успел, пока никто не видел, стащить из бара водку и спрятать в своём шкафчике. Он и так опоздал с промыванием ран и должен был сделать это еще в восемь утра. Сейчас стоило поторопиться. Но пока не представлялось возможным из-за того, что ещё не все пришли. Увидят с алко-голем в служебке и что тогда?

Когда в кафе вошёл Ален, помещение озарилось ослепляющим светом.

– Доброе утро! Здравствуй, Эмбер! Билл, привет! Лана, и тебе доброго утра! Питер, здравствуйте!

Только благодаря Алену Стефан узнал, что официантку зовут Эмбер, а уборщицу – Лана. Ну, с поваром Питером Стефан был знаком.

Удивительно, как все оживились после прихода Алена. Он успел со всеми обменяться рукопожатиями, а девушек – обнять. Эдакое солнце, дарившее тепло. У всех поднялось настроение после получения заряда бодрости от Алена. Ну, кроме Стефана разве что. Его кислую мину не перебить, тем более после грандиозного начала утра.

Стефану с одной стороны было все равно, с другой – он не понимал, как Ален так быстро нашёл общий язык с коллективом и стал душой компании.

Рабочий день начался спонтанно. Стефан сначала выжидал, пока коллеги придут и перестанут ходить в служебное помещение. Так настало время работать.

В кафе приходила много посетителей. Даже в туалет нормально не отлучиться: Стефана уже на выходе окрикивали, спрашивая, закончил ли он со своими делами

Все только и делали, что носились вокруг столиков, и Стефан проигнорировал тревожный звоночек в виде лёгкой боли в руках. Билл и Ален отдавали на кухню все новые и новые заказы, повара все готовили и готовили, а официантам

приходилось относить и относить.

В такой горячей суете кафе даже не закрылось на обеденный перерыв – поток был сумасшедший.

Боль стала сильнее. Стефан чувствовал, что пора завязывать с самоотверженностью и идти в отступление. Решив, что сейчас точно последний поднос и он пойдёт обрабатывать руки, вдруг...

Резкая вспышка, из-за которой сердце пропустило удар. Дышать тяжело, руки затряслись, ноги подкосились. Стефана оглушило, и он рухнул на пол. Поднос перевернулся в воздухе, тарелки разлетелись вдребезги, встретившись с полом. От падения Стефана по залу разнёсся невероятный грохот, а сам он растянулся на полу, трясаясь как осиновый лист и стискивая челюсти от боли, чтобы не закричать.

Люди синхронно издали «Ах!», после которого в зале воцарилась гробовая тишина. На шум сбежались остальные официанты и кассиры. Кряхтя, выбежал Джоб.

– Стефан, что случилось?! – воскликнул босс. Стефан не мог и слова из выдать, все оставшиеся силы бросив на дыхание. Заметив, как дрожат руки Стефана и как он напряжен, Джоб покачал головой. – Бог ты мой, бог ты мой, Стефан... Давайте, ребятки, поднимаем его.

– Не трогайте только руки! Берите за подмышки, – неминуемо предостерег единственный, кого посвятил в такие детали Стефан. – Нет, лучше давайте я сам.

– Аллен, ты справишься? – спросил Джоб с беспокойством.

– Я уже так его поднимал.

Стефан, к сожалению, не мог сопротивляться вторжению в личное пространство и рукам, поднимающим его. Голова прояснилась, и, чувствуя опору, Стефан позволил себе чуть облокотиться об Алена.

– Идти можешь?

– погоди, – попросил Стефан, чтобы сделать ещё несколько дыхательных циклов. Это немного помогло.

В какую же безвольную куклу его превращали физические страдания, раз он позволял себя трогать кому—то вроде Алена! Ален увёл его из зала под успокаивающие клиентов речи Джоба:

– Уважаемые гости! Я прошу прощения за произошедшую неприятную ситуацию. Нашему официанту стало плохо совсем внезапно, никто такого не ожидал, даже он сам. Мы также извиняемся перед теми, кто не смог получить блюда. Приложим все силы для того, чтобы они оказались перед вами как можно скорее!

Люди начали успокаиваться, Лана пришла для того, чтобы разделаться с беспорядком.

Стефана отвели в служебку, усадили как можно удобнее. Он уже нормально соображал и четко воспринимал окружающее. Перед ним стояли Ален, Билл и Эмбер.

– Стефан, так что это было? – вновь задал вопрос Джоб, присаживаясь рядом со Стефаном.

– Руки, старик, – коротко ответил Стефан, откинув голову

к стене.

– Ну и напугал ты нас, чувак, – сказал Билл, и Стефан снова удивился, что тот умеет составлять длинные предложения. На него так влияет соответствующая компания? – Ладно, я пошёл.

Джоб кивнул ему со словами «Иди, иди». Стефан глубоко вздохнул.

– У тебя с ними что-то серьезное, раз так сильно болит? Стефан, это надо лечить.

– Увы, оно не лечится, – тот опустил голову, посмотрев на Джоба, который снова покачал головой.

– Ох-ох-ох. Прости меня, Стефан, это я виноват, что так задержал обеденный перерыв. Загонял вас! Сам придумал и сам нарушил, – запричитал Джоб, посчитав, что причиной плохого самочувствия Стефана стал он, поскольку не обеспечил своевременный отдых.

Стефан поспешил это опровергнуть.

– Дело не в перерыве.

На самом деле в нем. Если бы работа приостановилась вовремя, ничего бы не случилось.

– И как ты с такими болям живешь, интересно? – вдруг поступил вопрос от Эмбер, с которой Стефан доселе никогда не контактировал. Он обратил на неё долгий изучающий взгляд, анализируя, ответить или нет.

– Я это контролирую, – сказал он, но в интонации читалось предупреждение не совать нос.

Эмбер хмыкнула и покинула помещение.

Джоб и Стефан посидели ещё пару минут, а Ален, облокотившись о стену, наблюдал. В наступившей ощущались нотки ожидания. Каждый ждал чего—то своего: что кто-то начнет разговор, что уйдет первым.

Разорвал этот замкнутый круг Джоб.

– Стефан, может быть, тебе домой поехать, раз ты себя плохо чувствуешь? Такси вызовем. За счёт заведения.

Стефан поморщился.

– Не могу.

– Почему?

Стефан посмотрел на Джоба моляще-беспомощно, желая только одного – чтобы старик отстал. Но из уважения Стефан не мог позволить себе грубость.

– Старик, на то есть свои причины.

– Не стоит издеваться над собой ради лишних денег. Тем более это я во всём виноват. Тебе же будет в тягость работать в таком состоя...

– Дело не столько в работе. Просто сейчас я не могу вернуться дома. Оставьте меня ненадолго в покое, я ещё немного посижу и вернусь в зал. Мне уже лучше. Можешь вычесть из зарплаты стоимость блюд и посуды, которые я испортил. Все нормально, такое бывает.

Джоб в третий раз покачал головой. Он ещё немного посидел рядом, ожидая, что Стефан изменит мнение. Но не увидев никаких подвижек, со смиренным «Ладно» поднялся и

прихватил с собой Алена. Стефан с облегчением выдохнул, оставшись один.

Он посмотрел на настенные часы, которые показывали четыре часа дня. Ну, конечно. Вот и оно.

Недолго насладившись одиночеством, Стефан вытащил из шкафчика бутылку водки и скрылся за дверью служебного туалета. Там его снова выворачивало наизнанку, снова неистово дрожали руки, шипя в агонии.

Если бы Стефан не был так беспечен и распорядился временем до смены рациональнее, ничего бы не было. Он пропустил утреннюю обработку рук, из-за чего жахнуло спустя восемь часов.

Чертово правило 16-8 порой выматывало. Стефан уже не помнил себя, не следящим за временем. Отпустить все на самотёк сегодня было огромной ошибкой. Сказались события последних дней, из-за чего он ударился в переработку и забивание на собственное состояние.

Закономерность 16-8 определяла, когда Стефана ударит волна боли. Всегда было больно в полночь, потому что это время обнуления и начала новых суток. За один-два часа нужно было обязательно обработать руки, чтобы болело не так сильно.

Следующее промывание ран следовало в восемь утра. Это промежуточная точка. Если Стефан успеет к этому времени, то на оставшиеся шестнадцать часов может не беспокоиться о своем состоянии. Потребуется просто подготовиться перед

полуночным обострением.

Но если утренние процедуры не будут соблюдены, боль пронзит в 16 часов дня – спустя восемь часов после промежуточной точки и шестнадцать часов после полуночи – основной точки.

Тяжело ли жить с этим? Да.

\*\*\*

Ален просто хотел сходить в туалет. Ничего такого. Ни за кем подглядывать он не собирался.

Но дверь служебного туалета не была плотно закрыта. И Доносились странные шипящие звуки, словно жженый на сковороде сахар резко залили водой. Находящийся внутри человек тяжело и рвано дышал.

Ален из любопытства посмотрел в щель и ужаснулся: Стефан плеснул водку себе на руку, словно окропленную черными брызгами, и эти «брызги» вмиг растворились, улетучиваясь черными дымом. Стефан согнулся пополам, зажмурившись от боли.

Ален поспешил прочь, пока его не заметили. И хоть был найден ответ на вопрос, что с руками Стефана, появилось ещё больше загадок.

Что это за черные субстанции? Почему они превращаются в дым? И почему рядом с ними такие глубокие и страшные раны?

Каким недугом страдает Стефан?

\*\*\*

На запоздалом обеденном перерыве тайное стало явным.

– Босс, – окликнул Джоба бармен Майкл, – в баре недостача. Не хватает одной бутылки водки, хотя я точно помню, что она вчера была. После смены я проверял холодильник.

– Вот как? Интересно, – протянул Джоб, отправив ложку пирожного в рот. – Никого не видел у барной стойки?

– Никого. Я от неё не отходил с начала смены.

В помещение зашла уборщица Лана в перчатках. В левой руке она держала ведро с чистящим средством в нем, а в правой руке была бутылка.

– Босс, я нашла это за унитазом в служебном туалете.

Упс. Вот и улика. Стефан поставил бутылку за унитаз, надеясь забрать вечером.

Джоб замолчал, притихли остальные сотрудники. Это значило, что водка могла быть взята только кем-то из коллектива. Джоб был уверен в порядочности Майкла. В целом управляющий доверял каждому работнику, относился, как к своему дитя. Наверное, ему не хотелось озвучивать это, но ситуация вынуждала:

– Ребятки, никто не брал перед сменой алкоголь? Скажите честно.

Все наперебой заговорили, что не брали и даже не подходили к барной стойке. Стефан благоразумно молчал в уголочке – сегодняшнее состояние как физическое, так и финансовое не позволяло провести перерыв вне рабочих стен. Голод не тётка, так что сейчас Стефан уминал угощение от

Джоба, надеявшегося, что это приведет Стефана в чувства. О, это непременно помогло, поскольку он не ел со вчерашнего дня.

Конечно, пропажа бутылки водки – сущий пустяк на тринадцать-пятнадцать долларов. Дело было даже не в деньгах, а в самом поступке. Это кража и распитие алкоголя на рабочем месте. Все понимали, что Джобу ничего не стоит недостача в пятнадцать долларов, но вот отношения в коллективе это явно бы пошатнуло.

Стефан не знал, как признаться Джобу. Он понимал, что умалчивать нехорошо, но не хотел говорить на всеобщее обозрение. Лучше рассказать потом.

– Никто не собирается признаваться? Я же все равно узнаю, ребятки. Вы знаете, что не в деньгах дело.

Стефан так и не сознался.

Ален как—то странно на него посмотрел.

\*\*\*

Оставшаяся часть смены прошла без происшествий. В её конце Джоб позвал Стефана на разговор.

– Стефан.

– Да?

– Я знаю, что это ты взял. Я посмотрел по камерам.

Все оказалось вот так просто. Стефану даже было легче.

Он вздохнул, разведя руками. Джоб точно не стал бы врать. Тем более, что он не спрашивал, а говорил утвердительно. Отступить смысла не было, да Стефан и не хотел.

– Да, это был я. Старик, извини, что не признался сразу.  
Джоб вздохнул, сложив руки на груди. Он был недоволен.

Стефан почувствовал укол в груди.

– Подойди ближе.

Стефан так и поступил.

– Дыхни.

Стефан снова последовал требованию Джоба. Тот удивленно приподнял брови, не почувствовав запаха перегара.

– Я трезв.

– Почему ты взял бутылку втихаря? И почему не сказал?

Стефан пожал плечами, чем не удовлетворил Джоба. Тот продолжал сверлить Стефана взглядом, не планируя отпустить. Так непривычно видеть серьезного и хмурого Джоба без намека на тупые шуточки.

Все шло под откос: сгорел трейлер, не осталось денег, сперли еду и спирт, настиг приступ прямо на работе. Сворованная бутылка, злой Джоб. Наверное, хватит уже приключений.

– Я хотел признаться, но не на глазах у всех. Я понимал, что все рано или поздно вскроется.

Джоб кивнул, принимая ответ.

– Водка тебе зачем?

– Старик, ты и так понял, что я не пил, правда ведь? Я никогда себе такого не позволял.

Джоб выглядел устало и разочарованно. Стефан знал, что дела тому нет до водки. Дело в Стефане. Джоб позволял Сте-

фану слишком много: неофициально устроил на работу, выдавал зарплату посуточно, как тот и попросил. Терять это, когда и без того все рушилось, стало бы совсем невыносимо.

– Я понимаю, Стефан. Но мы также оба знаем, что дело не в алкоголе. Ты же мог просто попросить её у меня, если она нужна тебе для каких-то других целей, кроме распития. И я бы дал. Но зачем воровать?

В груди кольнуло уже более ощутимо. Стефан не нашёл вразумительного ответа.

– Звиняй. Я думал, ты откажешь, подумаешь, что я пить собираюсь, а мне она была очень нужна. У меня нет денег купить её. Были бы – купил сам.

Джоб вздохнул, точно перед ним стоял нашкодивший ребенок. Мол, что с него взять.

– Ладно. Я прощу, если скажешь конкретно, зачем тебе понадобился алкоголь.

– Ты мне не поверишь.

– Сформулируй так, чтобы поверил, – потребовал Джоб.

Если бы это только поддавалось объяснениям. То, что происходит со Стефаном, сложно уместить в понимание обычного современного человека. Стефана сочтут выдумщиком или психом.

Он не стал ухищряться над подбором фраз, поэтому сказал как есть:

– Я облегчаю боль в руках с помощью водки.

Джоб предсказуемо зло прыснул со смеху, конечно же, не

поверив.

– Стефан, прекрати шутить надо мной. Я понимаю, что у тебя такой характер, но сейчас совсем не до смеха.

В этот момент дернулась ручка двери и в помещение, спотыкаясь, влетел Ален.

– Ой-ой-ой...

Джоб и Стефан с изумлением уставились на него, никак не ожидая появления третьего лица. Ален выпрямился и снова подарил очаровательную улыбочку. Сейчас она не возымела эффекта.

– Опережая ваши вопросы: да, немножко подслушивал. Босс, я просто хочу сказать, что Стефан не лжёт. Я всё видел.

Стефан ощутил, как после сказанного бросило в пот. Все до кончиков пальцев в нём похолодело, а потом внезапно обдалось жаром.

Только после мимолетной паники и возвращения в мысли зерна рациональности возник вопрос.

«Если Ален все видел, то почему он так спокоен?»

А потом еще один: «Какого чёрта этот сопляк подслушивает?»

– Что ты видел? – обратился к Алену Джоб.

– Видел, как и сказал Стефан, что он лечил свои руки водкой.

Джоба его свидетельство не устроило.

– Бреешь, Ален. Я хоть и несведущ в медицине, но не понимаю, как можно лечить руки водкой. Тем более вы дру-

зья, а для них свойственно покрывать друг дру...

Джоб не успел договорить, поскольку Стефан засучил рукава кофты, показав ему бинты.

– Бог ты мой, Стефан... Откуда...

Джоб не сумел закончить, потеряв дар речи. Он неотрывно смотрел на повязки и даже прикрыл рот рукой от шока. Да уж, Стефан, наверное, малость переборщил. Это не самое лучшее зрелище.

Всяко лучше, чем слушать увещевания о том, какие они с Аленом друзья.

– Старик, я не могу тебе ответить. Просто знай, что в этом нет ничего криминального.

Джоб поднял взгляд с рук Стефана на его глаза. Совершенно черные, в которых радужку не отличить от зрачка, но в них мужчина, кажется, нашёл ответ на вопрос. Таковую же убежденность, какую сам Джоб представлял во время претензий к Стефану.

– Я тебя прощаю, Стефан. Помоги Лане в зале, если, конечно... Твое состояние тебе позволяет.

– Позволяет. Можешь вычесть и стоимость водки из сегодняшней зарплаты.

Джоб кивнул, но так, словно что-то решил для себя, и вышел из служебного помещения. Стефан задержался, ткнув пальцем в Алена.

– Я с тобой ещё разберусь.

Просто так он это не оставит.

Сегодня пришлось разоткровенничаться перед Джобом и приоткрыть завесу тайн. Ему не хотелось показывать своих скелетов в шкафу, ха пятьсот лет существования способном соревноваться с гардеробом модницы.

И все это для сохранения лица, сбережения доверия, просто чтобы не вылететь отсюда, как пробка.

Объясняться и оправдываться так изматывало, но у Стефана просто нет выбора. Иначе бы он за два дня лишился абсолютно всего, что строил несколько месяцев

Даже помойной крысе это не просто.

\*\*\*

Прощаясь с уходящими сотрудниками, Джоб шутил и хлопал по спине кого не попадая. Стефан улучил момент, чтобы поговорить.

Джоб заполнял бумаги. Стефан отодвинул стул напротив и сел.

– Старик, могу я переночевать в служебке?

Джоб закончил с подсчетами, что-то вписал и потом обратил внимание на Стефана.

– Зачем тебе служебка? С трейлером что-то не так?

Стефан вздохнул, сложив пальцы в замок и стараясь как можно быстрее соорудить складную легенду. Говорить правду – значит снова открывать душу, снова принимать помощь от Джоба.

Не успел Стефан и рта открыть, как сама судьба все сделала за него.

Проходящий мимо них с сумкой наперевес Майкл не удержался от комментария:

– Я слышал от знакомых, что в трейлерном парке сгорел какой-то фургон. Это не ты случайно?

Стефан сглотнул ком, подступивший к горлу.

– Не я.

Нахлынуло воспоминание, что он хотел вызвать эвакуатор, но денег у него не было.

– Извиняюсь тогда. Доброго вечера и до завтра! – Майкл отсалютовал и вышел из кафе.

Джоб положил голову на подставленную правую руку и снова взглянул на Стефана, как на сына, с которого нечего взять.

– Сгорел?

Стефан вздохнул – деваться некуда.

– Дотла.

– Поэтому денег даже на водку нет?

Вот откуда он догадался!

Стефан встал из—за стола. Он не понял причину порыва, но продолжать разговор больше не хотел. Пора уже переодеться, забрать плед и покинуть заведение до завтрашнего утра. Куда идти – неизвестно, может, снова под мост, но оставаться в кафе уже не хотелось.

– Стефан, стой. Мы не закончили. Я тебе даже не выдал зарплату.

Стефана этим остановить проще простого.

Джоб высчитал необходимую сумму, глядя в заполненную бумажку и отдал стопку купюр Стефану. Он принял деньги, пересчитал и не поверил глазам.

– Старик, ты совсем что ли?

Здесь средств было не намного меньше, чем вчера. То есть, Джоб не вычел из зарплаты ни разбитую посуду, ни испорченные блюда, ни водку!

Джоб довольно хохотнул – его шалость удалась.

– Считай, что это премия за откровенность.

Стефан фыркнул, подхватил меню и, сверившись с ним, быстро отсчитал стоимость еды, которая пострадала из-за него, включил стоимость алкоголя.

– Я не возьму. Прекрати этот цирк.

Джоб недовольно покачал головой.

– Стефан, ты как дитё малое.

На горизонте Ален. Он помахал рукой на прощанье, улыбувшись.

– До свидания!

– Так, Ален, стоять! – воскликнул Джоб, так и не приняв деньги.

Ален замер посреди дороги в недоумении. Джоб потёр руки, будто придумал самый коварный план в жизни.

– Стефан, сегодня ты будешь ночевать в моём доме вместе с Аленом.

Это ещё что за приколы такие?!

Шокирован был не только Стефан, но и Ален, который

никого не трогая собирался домой. Как вдруг к нему подсе-  
лили соседа, хотя он ещё за порог кафе не ступил.

Джоб поспешил объяснить подробности своего грандиоз-  
ного плана:

– Алэн мне рассказал, что приехал из другого города и его  
обокрали, поэтому ему негде жить. У меня пустует неболь-  
шой домишко, жильцы недавно съехали, так что я пред-  
ложил его Алэну за оплату счетов. – Ага, чудесно. План  
надежный, как швейцарские часы, только причём тут Сте-  
фан? – Стефан. Я предлагаю и тебе жить в этом доме. В нём  
несколько комнат и он двухэтажный.

– Я против, – скрестив руки на груди, незамедлительно  
произнёс Стефан.

Джоб предполагал такую реакцию, так что даже бровью не  
повёл.

– Стефан, в служебке нет нормальных условий для жизни.  
Где ты спать будешь? На столе? На стуле? Твои руки требуют  
должного ухода. Позаботься о своём здоровье. Чтоб больше  
не расстилаться перед гостями на полу!

Стефан закатил глаза. Прелести жизни в благоустроенном  
доме манили, но... Внутренние ринципы все равно не поз-  
воляли согласиться.

Стало понятно, где пацан провёл прошлую ночь. Теперь  
грандиозные покупки в гипермаркете не казались настолько  
глупым шагом.

Будто прочитав мысли Стефана, Джоб спросил у Алэна:

– Ты не против соседствовать со Стефаном?

Ален встрепенулся, точно не ожидал, что будет в дискуссии по этому вопросу решающей стороной.

– А... Ну... Как вы решите, босс. Это ваш дом, и вы вольны им распоряжаться.

Джоб махнул рукой, словно иного от Алена не ожидал. Стефан всем своим видом выказывал глубокое равнодушие. Хотя ему казалось, что Ален откажется после вчерашней стычки.

Управляющий перешёл к плану «Б».

– Стефан, давай так: это будет твоим наказанием за сегодняшние дела. С сохранением твоей зарплаты, но обязательным присутствием в доме. Я спрошу с Алена.

– Ты же говорил, что мы с ним друзья, а друзья покрывают друг друга, – не преминул съязвить Стефан.

Джоб почесал свой упитанный подбородок с щетиной, которую так и не сбрил.

– Я понял, что вы всё же ещё далеки от того, чтобы называться ими. – Стефан холодно усмехнулся. – Стефан, я серьёзно. Не жду от тебя никакого другого ответа, кроме согласия.

Стефан потопал ногой, отбив ей бешеный ритм. Ален покашлял где-то сбоку, напоминая о своем присутствии и о том, что вообще-то собирался домой.

Стефан вздохнул.

– Хорошо. Босс.

Джоба он называл боссом в не нравившихся ему ситуациях, но тот пропустил это мимо ушей.

– Только у меня есть условие, – сказал Стефан. – Ты говорил обращаться к тебе по поводу трейлера, мол, поможешь. Есть связи в плане эвакуации? Чтобы все замять и не было известно, что документов у меня на трейлер нет и не было. Я заплачу.

Джоб цыкнул, усмехнувшись от того, как Стефан им вертит. Хотя ведь он и правда обещал.

– Все устроим.

Стефан назвал адрес трейлерного парка и описал, где находится его трейлер.

Вот теперь—то он точно согласен.

\*\*\*

Стефан зло сжимал в кармане купюры, всученные Джобом. В другой руке была полупустая бутылка водки, которую Джоб согласился отдать.

Пришлось еще ехать на автобусе, в который они с Аленом запрыгнули в последний момент, бежа до остановки что есть мочи.

Стефан угрюмо молчал, когда они высадились и шли до дома. Ален не пытал его разговорами, просто вел. Стефан просто шёл. По пути они зашли в магазин и Стефан купил себе продукты.

Они остановились у действительно небольшого двухэтажного домика. Хоть Джоб и называл его «домишком», для

Стефана, живущего где не попадая, это здание казалось хоромами.

Дом был темно-синего цвета, а ставни окон – бордовые. Лестница, ведущая к двери, обделана плиткой, перила выкрашены в белый. Все было к месту и так со вкусом сделано! Стефан чувствовал себя паразитом, которому здесь не место.

Ален отпёр дверь ключами. Перед порогом был расстелен милый коврик с надписью «Welcome home».

Когда дверь позади них закрылась, Стефан спросил:

– И много ли ты видел?

Он ждал этого момента и напал, словно хищник, выпрыгнувший из засады.

## Глава 4. Горит огонь, только ты его не тронь

Когда дверь позади них закрылась, Стефан напал на Алена вопросом:

– И много ли ты видел?

Ален молчаливо воззрился на Стефана. Тот скрестил руки на груди и с поджатыми губами выжидал, но чаша терпения не бесконечна.

Взгляд Алена опустился на руки Стефана, скрытые рукавами толстовки, и только тогда он заговорил:

– Немного.

Стефан цокнул языком.

– От увиденного разучился строить длинные предложения?

Ален вздохнул.

– Видел, как ты лил водку на руку и... Что-то чёрное испарялось как дым, – Ален говорил неуверенно, словно до конца не верил собственным воспоминаниям. – Что это такое?

– Ненависть, – ответил Стефан, наслаждаясь недоумением на чужом лице. Ален нахмурился. Иронично, что под сомнения ставилась чистая правда. Стефан и Джобу говорил правду, но так легко, что это всегда воспринималось как шутка.

Стефан не сдержался от холодного смешка и прошёл вглубь дома. Он повернул налево и оказался на кухне, где стоял миленький круглый стол с белой скатертью, три деревянных стула с белой обивкой. Полутораметровый холодильник, простенький кухонный гарнитур, микроволновая печь – все без изысков, но для Стефана это уже было из ряда вон выходящим. Кухня была совмещена с небольшой столовой. Все так странно и непривычно.

Он будет жить, хоть и временно, в доме со всеми удобствами, с большим пространством, с отдельными комнатами, водой, за запасами которой не надо следить, с большими окнами. Простые для обычного человека вещи были для него роскошью.

– И чья же это ненависть на твоих руках? – спросил Ален, открыв холодильник, чтобы поставить туда банки колы, которые купил по пути.

Стефан подошёл к окну, отдернул тюль и уставился на темнеющую улицу. На той стороне на него взирали похожие домики.

– Кое-кого из прошлого.

Он играл словами, смакуя на языке печаль, терзающую несколько веков. Стефан испытал не только физическую, но и моральную боль.

Говорили, что время лечит, но всё это враньё – время лишь усугубляло. День ото дня рана на душе открывалась, подобно тому, как ежемесячно с полнолунием появляются

увечья на предплечьях. Может быть, Стефан и сам её расковыривал, не давая затянуться. Чтобы помнить, *что* он натворил много лет назад.

От этого страшного греха невозможно отмыться. Стефан отвлекался работой и рутинной, но всё равно возвращался к мыслям об этом. Чувство вины засасывающее и изнуряющее, но он принимал его, как и свое проклятие, как плату за содеянное.

Стефан многим в шутку ведал о крупницах своего горя. Четыреста лет назад, сто пятьдесят, восемьдесят, тридцать, сейчас – слова сами порой слетали с языка. Стефан почти о них не жалел, потому что знал, что ему никто не поверит. Не то чтобы он совсем пускал пыль в глаза. Он говорил так, как есть, просто сказанное не могло уместиться в понимание людей.

Он взглянул на Алена через плечо. Тот, разумеется, не поверил. Иного он не ожидал.

– Это какая-то болезнь, которая передалась тебе от этого человека? – со скепсисом в голосе произнёс Алел, и Стефан почему-то почувствовал раздражение.

Как он посмел?!

– Это не болезнь. – Стефан с силой дернул занавеску обратно. – Это проклятие. А ещё это не твоё дело. Вопросы здесь задаю я.

Ален не успел закрыть дверцу холодильника, но это сделал прямо перед его носом Стефан, быстро сократив рассто-

ание между ними. Он зло посмотрел прямо в блестящие карие глаза, которые были намного светлее глаз Стефана.

Стефан понял, почему гнев вскипел внутри от беспечно брошенного вопроса. Звучало так, будто *она* заразная!

Ален изумленно захлопал глазами.

– Какого ты черта подслушивал разговор и зачем завалился в служебку?

Стефан подцепил пальцами подбородок Алена, заставив наклонить голову вниз, потому что тот был выше.

Это был первый раз, когда Стефан самовольно коснулся Алена. Он шёл к нему плечом к плечу два раза, когда тот тащил его на себе, но это мелочи. Стефан помнил, как любил прикосновения. О, это ощущение чужого тепла на руках... В то же время тепло означало жизнь, и Стефан не хотел быть близок к чужой судьбе ни ментально, ни физически.

Он разглядывал каждую деталь лица Алена. Раньше Стефан не замечал мелкие веснушки на щеках. В молодости Стефана веснушки, как и рыжие волосы, считались ведьмовским признаком. Долгие годы девушки пытались веснушки маскировать, а сейчас они считаются поцелуями солнца.

– Я услышал, как Джоб позвал тебя на разговор, – сказал Ален. – Я думал, он накажет тебя за воровство алкоголя. Хотел помочь. А залетел в служебку, потому что случайно нажал на ручку двери, и она открылась.

Теперь ясно, что значил тот странный взгляд, когда Джоб просил коллектив признаться. Ха, надо же, какой молодец!

Все знал и не открыл правду.

– Тоже мне спасатель, – с яростью выплюнул Стефан. Он почувствовал, как Аллен напрягся и попытался отодвинуться, но Стефан снова притянул лицо Аллена ближе к себе. – На меня смотри и слушай. Мне не нужна твоя помощь. Я бы сам разобрался и я, считай, сделал это без твоей помощи. Я с Джобом давно знаком и знаю, как с ним общаться. Лучше бы ты просто спалил меня перед всеми.

Аллен с силой оттолкнул Стефана, стреляя молниями из глаз. Стефан уже и не намерен был держать его.

– Больше я тебе никогда не помогу, – процедил сквозь зубы Аллен и достал из холодильника одну банку колы, которую Стефан взять не позволил хлопком дверцы. Он ушёл в зал, который располагался справа от прихожей, то есть в противоположной стороне от кухни.

– Неужели до тебя, сопляка, допёрло, что не сдалась мне твоя забота?! Запомни уже, что помогать надо, когда человек просит об этом!

– Я-то сопляк?! – взбесился Аллен, остановившись на полпути. – Будто ты намного старше меня.

Вы только посмотрите на него!

Стефан не удержался от дикого хохота, рвущегося из гортани. Если у Аллена из глаз посыпались молнии, то у Стефана – полились слёзы. Этот дурак настолько наивный, что Стефан просто задыхался. Естественно задыхался от смеха, хватаясь за живот и вытирая глаза.

– Вторая твоя ошибка – бросаться словами. Тебе даже и не снилось, *что* и *сколько* я пережил за свою жизнь.

Ален демонстративно включил телевизор, не желая больше слушать Стефана. Для него это означало избавление от надоедливового собеседника.

Да уж, делить дом с Аленом та ещё задача. Стефан считал, что с ней успешно справился, разверзнув между ними огромную пропасть обиды. Лучше и не придумать.

Стефан разложил продукты на отдельной полке, благо, что Ален не раскидал свои по всему холодильнику. Порывшись в шкафчиках и тумбах, нашёл сковороду, лопатку и пожарил яичницу, в чайнике вскипятил воду и заварил растворимый кофе из пакетика. Сидя за столом, потягивая напиток и глядя в окно на редких прохожих, возвращающихся домой, Стефан думал, что это все происходит не с ним.

Дом. Это такое далекое и недоступное для Стефана слово. Ему пришлось покинуть свой как воздаяние за то, что он совершил. С тех пор он не мог и не хотел привязываться к какому-либо месту. Из-за бессмертия Стефана это было невозможно: если бы окружающие поняли, что он не меняется с годами, то возникли бы проблемы. Особенно в годы, когда полыхали огни инквизиции и все боялись магии.

Но он врал себе. Бесконечно врал и дал слабинку – за шесть лет жизни привязался к трейлеру.

Ладно, это не дом. Это транспорт, где Стефану приходилось жить. А то, где Стефан сейчас находился, – дом. Чужой.

И такая подачка ему не нужна была, тем более с таким соседством. Пережить его в течение нескольких дней можно, но в долгосрочной перспективе он не намерен.

Стефан вымыл за собой посуду и поднялся на второй этаж. Открыл первую попавшуюся комнату, но она оказалась занята: кровать расстелена, стул отодвинут от стола. Значит, здесь жил Ален. На втором этаже было ещё две комнаты. Стефан выбрал ту, что подальше от комнаты Алена.

Перед тем, как сделать окончательное решение, он спустился на первый этаж на разведку. Но на первом этаже за дверьми скрывалась лишь просторная кладовая и гардеробная, а чуть дальше прачечная. Было бы здорово, конечно, поселиться совсем далеко от Алена, но увы.

Теперь Стефан поторопился в ванную, совмещенную со своей комнатой, чтобы промыть руки. Душ соблазнял, но имея такие серьезные раны, это было немного... Проблематично. Стефан явился на кухню, чтобы найти мусорные мешки и, возможно, изоленду.

Поиски увенчались успехом, и после обработки ран и отдыха на кафельном полу – благо, что теперь это пол не туалета в кафе – он не без труда замотал руки в целлофан и зафиксировал эту конструкцию изолентой.

Стоя под теплыми струями воды душа, Стефан подумал, как порой жизнь круто поворачивается: примерно в это время, может, часом позже, он вчера ворочался под мостом среди бездомных, а сейчас нежит брэнное тело в душе. Смывает

с себя всю грязь того дня шампунем и гелем для душа, купленными по дороге сюда.

Он закинул вещи в стирку, разобравшись со стиральной машинкой не с первого раза – конечно, новые технологии пришлось изучить, но все равно это давалось нелегко.

Правда, теперь он остался без одежды, кроме ремня от джинсов и куртки. Так что не оставалось ничего, кроме как обернуть вокруг бедер. Снова пришел на кухню, чтобы взять ножницы. Кромсая черный целлофан, Стефан *спиной* ощущал чужой взгляд.

Когда машинка пропищала, оповестив о закончившейся стирке, Стефан развесил вещи на складной сушилке, надеясь, что утром они не будут мокрыми. Надо потратиться хотя бы на еще один комплект одежды...

В небольшой гардеробно комнате лежал чистый комплект постельного белья. Накатывали слабость и недомогание, что закономерно для полуночи. Заправив одеяло в пододеяльник, Стефан обессиленно рухнул на кровать, словно он разгружал вагоны.

Он завернулся в одеяло и подоткнул под голову подушку, очень быстро погрузившись в сон. На задворках сознания снова вспыхнула мысль, что вчера он спал на картонк, а сейчас – в чужом доме на мягкой постели.

\*\*\*

Стефан ощущал жар во всем теле. Точнее, *всем телом*.

Он дернулся с места, но не смог подняться, потому что

руки и ноги были... привязаны к стулу.

Жар, который он чувствовал, исходил от *огня*.

Шею опутали холодные бледные тонкие змеи. Нет. Это были руки. Руки с изящными длинными пальцами, аккуратными ногтями. Руки, глядящие Стефана по лицу. *Её* руки.

– Чувствуешь ли ты моё тепло, Стефан? – Пальцы были мертвенно холодными. А при первом касании шеи вызвали дрожь.

Стефан узнает этот голос из тысячи. Пройдут сотни веков, но он никогда его не забудет. Его соловьиные переливы во время пения, смех, как звон горного ручья. Его раскатистый злобный хохот, надрывный крик. Это звучание запечатлено у Стефана на подкорке.

Аннабель.

Она опутывала руками, как веревками удавки. Она стояла за его спиной и, возможно, холодила бы её, если бы огонь не становился все ближе и ближе.

Полыхало все вокруг, и Стефан даже не мог разобрать местность, потому что огонь был, как плотная завеса. Пламя словно родилось и поддерживалось само собой.

– Моя любовь к тебе пылает, – прошептала девушка на ухо, пустив по телу стаю мурашек. Она склонилась над Стефаном близко—близко, отчего родные белокурые пряди посыпались на плечи и грудь.

И словно давили, как булыжники.

Руки Стефана были связаны, а веревки впивались в язвы,

окаймленные черными корками. Только Стефан опустил на них взгляд, как аккуратные ногти на девичьих руках стали длиннее и впились в шею Стефана.

Аннабель задрала его голову, заставляя посмотреть на себя снизу вверх.

Стефана охватил приступ паники, когда он увидел это лицо. Лицо со смазанными чертами лица, но четкой кривой улылкой.

– Всем расскажи, что я ведьма, – ласково зашептала Аннабель, вызывая в теле Стефана крупную дрожь. – люди, как правило, дуракам верят[1].

Стефану было нечем дышать. Пот стекал по телу от жара огня, уже, кажется, лизавшего ноги.

– Что же ты молчишь, мой милый? Мой суженый, мой ненаглядный... Скажи мне, как сильно любишь меня.

Стефан открыл рот, но не смог издать и звука. Он походил на рыбу, выброшенную на берег.

Аннабель рассвирепела, и её искаженное лицо потемнело, становясь черным.

– Ты молчишь! Молчишь даже сейчас! Я ненавижу тебя! – воскликнула она, впиваясь когтями в шею Стефана лишь сильнее. От того он, наверное, и не мог говорить и сейчас издал лишь сдавленный хрип. – Сгори в адском пламени моей ненависти! Сгори, как ты позволил сделать это мне! Ненавижу тебя! Да пусть моя ненависть пропитает тебя насквозь ядом отравляющим!

Огонь начал поглощать Стефана с ног. Он открыл рот в немом крике, но лишь услышал треск собственного позвоночника.

Только в конце он понял, что ни от когтей, ни от огня, ни от веревок не чувствовал боль.

– Аннабель! Остановись! – смог он вскрикнуть.

На самом деле сделал он это наяву.

Стефан распахнул глаза. Он жадно хватал ртом воздух, будто его действительно только что душили. Было жарко, все тело в поту, но это от того, что он накрылся одеялом по самую шею. Стефан вытер влагу со лба и посмотрел на предплечья. Бинты напитались кровью, но уже в меньшем количестве, чем днями ранее. Стефан нажал на место, где была рана, и тут же одернул палец от боли. Он не спит. Он жив. А то был сон, в котором он не чувствовал ничего, кроме страха.

Он пробежался взглядом по комнате и наткнулся на настенные часы, показывающие четыре утра. Вечером он их даже не заметил.

Стефан чувствовал себя разбитым. Он вряд ли уснёт опять после *такого* сна. За столько лет он часто сквозь сон осознавал, что все, что видит, – это проделки подсознания, и старался вырваться, усилием воли пробудить себя. Тем более, что был звоночек в виде отсутствия боли. Но всепоглощающий страх на сей раз охватил настолько, что противиться было невозможно.

Он сел в постели, скидывая с взмокшего туловища одея-

ло. Простынь под ним была измята – видимо, он сильно крутился во сне.

Несмотря на то, что за долгую жизнь Стефан насмотрелся подобных кошмаров сотни, если не тысячи, они все равно выбивали из колеи.

Аннабель...

Он растёр руками лицо и полностью скинул одеяло.

Стефан подошёл к окну, вглядываясь в утреннюю темень, постепенно рассекаемую рассветом. Он вздохнул и зарылся рукой в волосы. И спустя пару минут отправился в ванную за вещами, надеясь, что они сухие.

Так и оказалось. Стефан умылся, оделся и только после этого почувствовал себя человеком.

Планы нарушила внезапно накатившая сонливость: стоило Стефану по возвращении в комнату прилечь на кровать, как его тут же отрубил.

\*\*\*

Второе пробуждение произошло из-за стука в дверь.

– Звонил босс. Сказал, чтобы ты через час был в трейлерном парке для эвакуации твоего сгоревшего трейлера, – сообщил Ален, высунувшийся в щель приоткрытой двери.

Стефан с трудом разлепил веки и потер переносицу в повторной попытке вернуться в реальность. Он проснулся ещё более изнуренным, чем... Три часа назад. Стрелка настенных часов показывала семь утра.

– Зачем он позвонил тебе? – пробурчал Стефан, упершись

взглядом в белый потолок.

– Он сказал, что у тебя нет телефона.

– Ясно.

Ну, тут и не поспоришь. Стефан пару месяцев назад утопил в раковине свой деревянный кнопочный телефон, коих сейчас среди молодежи днём с огнём не сыщешь. Стефану и так постоянно приходилось адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, но он не всегда успевал. И не всегда хотелось.

По сути, телефон ему и не нужен был – он имел его, потому что Джоб подарил. Нужно же как-то поддерживать связь. До Стефана все равно было тяжело дозвониться, потому что он то оставлял телефон в трейлере, то забывал зарядить. Когда он и вовсе телефон утопил, Джоб лишь махнул рукой.

– Скажи ему, что я буду, – все так же сонно промямлил Стефан с зевком. Надо же, старик и правда сдержал обещание и быстро среагировал.

Стефан с трудом оторвал себя от кровати и прошаркал в ванную, но Алэн в последний момент его остановил:

– Стефан.

Он остановился, но не обернулся.

– Чего?

Стефан был немного удивлен тому, что Алэн снова начал разговор. Он был разочарован, что эффект словесной и казалось бы сильной пощёчины продлился недолго.

– Я был не прав. Ночью поразмышлял о том, как вёл себя,

и понял, что поступал очень глупо.

– Ты даже не представляешь как, – добавил Стефан, все ещё стоя к Алёну спиной. Тот замолчал, точно подбирая слова. Ха, правда всегда так неудобна и так режет глаза.

– Я хочу извиниться. Такое больше не повторится, честно, – заверил Ален, на что Стефан закатил глаза. – Просто... Кажется, я правда привык решать проблемы других. У меня... – Ален снова взял долгую паузу. Ему непросто было говорить. Так бывает, когда события наносят много ран. – У меня есть младшенькие. Я за ними всегда следил и по умолчанию помогал выбираться из всех передряг. И, кажется, по привычке я переборщил.

Это было интересно. Стефан посмотрел на Алёна через плечо: тот опустил голову, держа руки в карманах. От него исходила тяжелая аура.

– Мать Тереза ты у нас, значит, – шутливо протянул Стефан.

Стефан закрыл дверь комнаты и спустился на первый этаж.

Эти слова не были принятием извинений. Стефан ими ничего не гарантировал. Пусть Ален расшифровывает как вздумает: может, они его обнадёжат и дадут ощущения зыбкого мира между ними. Стефан ничего под этим не подразумевал. Его внимание просто привлекла забавная подробность прошлого Алёна, хоть как—то, пусть и нелепо, но объясняющая мотивы.

Стефан чувствовал, что за этим стояло большее. И было бы неплохо узнать ещё.

Скажем так, ему просто нравится греть уши и слушать о чужом горе. Это что-то вроде ТВ-шоу. Не хватает только пива и чипсов.

Стефан забавлялся. Смешно было видеть раскаяние на лице Алена, замечать его душевные терзания и слушать исповедь. Люди, живые и чувствующие, такие... Забавные. Стефан давно выгорел, чтобы быть причастным к подобным волнениям, так что просто наблюдал со стороны, как огни людских душ трепыхались на ветру жизни.

Он снова промыл раны и наложил повязки, отрыв в аптечке бинты, закинул в себя по—быстрому сооруженный завтрак и двинулся путь. Предстояло сначала преодолеть поездку на автобусе, а потом уже добираться пешим. Стефан запомнил номер вчерашнего автобуса.

\*\*\*

Заходя в трейлерный парк, он испытал чувство неправомерности происходящего. Он уже не должен находиться здесь, шагать по этой дороге. Хотя буквально два дня назад такие мысли вообще не проскакивали в голове.

Эвакуации проходила муторно. Стефан без энтузиазма наблюдал за тем, как грузили почерневшую грудку металла. Далее не без помощи Джоб нужно было заполнить документы. Теперь это точно был конец.

Джоб приехал на собственной машине и предложил под-

везти Стефана до дома – сегодня и завтра у него выходной. Тот возражать не стал и сказал, что придет через пару минут – ему нужно время на покурить.

Пламя снова лизнуло сигарету. Стефан сделал затяжку и прошелся по месту, где раньше стоял трейлер. Он устался на сожженный диван и тяжело вздохнул. Ну, красивого же был цвета!

Он уже собирался уходить, как вдруг увидел, что в кустах чуть поодаль блестело что-то массивное. Стефан не помнил, чтобы там что-то лежало. Здесь никто не мог выбросить мусор, потому что до ближайшего соседского трейлера еще нужно было пройти.

Может быть, бросили те, кто пытались потушить? Но не канистру же.

Стефан с неудовольствием поднял её, пригнувшись. То была не просто канистра, а канистра из-под бензина.

Это не проводка сгорела, как говорил хиппи и во что поверил сам Стефан. Это был поджог.

Канистра была окутана ореолом тяжести и чего-то неприятного. Держа её в руках, Стефан чувствовал, как вибрируют руки и увечья начинают ныть. Он поспешно отбросил канистру обратно в кусты. Это означало только одно.

Тело пробрал неистовый смех, недокуренная сигарета выпала изо рта. Успокоившись, Стефан затоптал её и запустил пятерню в волосы.

Поразительно. И как он не догадался сразу?

Какая, черт возьми, перегоревшая проводка? Да, трейлер был не новый, но Стефан никогда не замечал дефектов в ней. Все было хорошо.

Иронично, что все вскрылось в день, когда ему провиделся сон, связанный с огнем.

Огонь преследует его.

\*\*\*

Стефан сел на переднее сидение рядом с Джобом и пристегнулся, после чего загудел двигатель.

– Попрощался с этим местом?

– Типа того, – меланхолично ответил Стефан, отвернувшись к окну.

Они выехали на дорогу. Джоб тактично промолчал, потому что знал, что Стефану поддержка не нужна. Она вызовет ещё большее раздражение.

– Как тебе сегодняшняя ночь? – вместо этого поинтересовался Джоб, намекая на дом.

– Нормально, – ответил Стефан. – Для тебя «домишко», для меня – хоромы. – Они просидели ещё некоторое время в тишине, прежде чем Стефан добавил: – Спасибо.

– Не стоит, – отмахнулся Джоб, усмехнувшись. – Ален показал тебе, где что лежит?

– Я сам все нашёл. Скажем так, обстановка не располагала. Мы немного повздорили, – объяснил Стефан, прежде чем поступили вопросы. – Но дом правда классный.

Джоб не продолжил разговор, посчитав, что больше не

стоит. Он был очень осторожен в формулировках при общении со Стефаном и прощупывал почву, пытаясь найти к нему правильный подход.

Найдет ли? Вопрос риторический.

Весь оставшийся путь Стефан молчал, погруженный в свои мысли, которые заняла сегодняшняя находка. Он анализировал пожар, имея новые подробности.

---

[1] – строчка из песни Green Apelsin «Станцюю на твоей могиле»

## Глава 5. Всё запутано, и в этом есть весь я

Луна вышла из третьей четверти цикла.

За эти дни на работе успели вступить в смену другие повара и некоторые из официантов, с которыми Ален, конечно же, не преминул познакомиться и которых снова очаровал улыбкой.

Стефан два дня отдыхал, и вот снова пора было на работу. За это время успел прошвырнуться по секонд-хенду и купил себе вещей, затарился в магазине и приготовил поесть, чтобы не кусочничать по приходе с работы и перед ней. Он старался общаться с Аленом по минимуму.

Раны на руках затянулись, оставив после себя уродливые шрамы. Хотя на предплечьях и так места живого не осталось – шрам на шраме, но красота волновала меньше всего. Главное, что больше не было боли и мороки и можно было вздохнуть с облегчением.

Физическая часть проклятия была завязана на лунном цикле.

Каждый месяц в течение недели после полнолуния «ненависть» выходила наружу, разрывая предплечья. Со дня полнолуния и до момента, пока убывающая луна не заходит в убывающий месяц (последнюю четверть), Стефану прихо-

дится маяться с увечьями. И так на протяжении почти пяти-сот лет.

Проклятие не распространялось на иные части тела, кроме рук. Его локализация словно напоминала о том, что Стефан сделал этими руками.

Аннабель...

Во многих кошмарах она, окруженная огнём, обещала, что её ненависть пропитает каждую клеточку тела Стефана ядом. Так было и наяву, потому что Стефану снились последние минуты её жизни.

«Ненависть» настолько въелась в тело, что даже изменила внешность Стефана.

Он уже не помнит оттенок своих светло-коричневых волос, не помнит зелень глаз, доставшихся от рождения. Стефан знает, что брюнетом с глазами, в которых радужку не отличишь от зрачка, он был не всегда, но то, что было до них, – так далёко, что почти неправда.

Стефан увидел изменения уже в полночь следующего дня после случившегося. Стефан был в ужасе. Стефан был напуган. Стефану было очень больно. И он не знал, что ему делать с этой болью, как от неё избавиться.

«Ненависть» вырвалась из рук черными корками по краям ран. Жгло ли, щипало ли, кололо ли – Стефан не понимал, все ощущения смешались. Но это не самое страшное, что с ним тогда случилось.

Совсем скоро он узнал, что сгорело ближайшее поместье.

То, что принадлежало его родителям. Они умерли в пожаре. Из-за него.

Стефан готов был от отчаяния вырвать себе все почерневшие волосы. В детстве мама часто гладила его по голове, ерошила пряди и восхищалась тем, какие они мягкие. Сейчас они были жёсткие и чёрные, словно сажа от костра.

Как же он виноват...

\*\*\*

Ещё один плюс окончания третьей четверти лунного цикла – отсутствие повязок. Не нужно больше следить за их состоянием, покупать новые бинты и спирт. По крайней мере, в ближайшие несколько недель.

После сумасшедших дней непривычно возвращаться в размеренное русло, где не нужно все время держать руку на пульсе. Сейчас можно просто жить и не знать забот.

Непривычно было внимание, обращенное на руки. За выходные увечья совсем сошли на нет – бессмертие давало бонус в виде более быстрой регенерации. Когда Стефан вышел на работу, первое, что он услышал от Джоба, было:

– Доброе утро, Стефан. Как твои руки?

Он недовольно повел плечом, снова убеждаясь, как хорошо было, когда никто ничего не знал. Когда ты в глазах людей безлик и сер, живется проще.

– Всё прошло, – отмахнулся Стефан, надевая фартук.

– Прямо—таки всё? – со смешком ответил Джоб. Снова он не поверил.

Никто, никто Стефану не верил, никто не воспринимал его слова всерьёз. Никто не относился к его боли внимательно – о, на физическую вмиг переводили десятки взглядов, но к душевной были глухи. Никто не внемлел крику помощи, поэтому Стефан молчал, глотая его, либо переводил в шутку, уменьшая ценность.

С одной стороны, люди не виноваты, что для них это непостижимо. Но как же горько от мысли, что Стефан заточен в одиночество своего бессмертия! Он все ждал, когда же сойдет с ума, но ничего не брало. И как бы он ни понимал, что люди невиновны, всё равно брала иррациональная злость, граничащая с завистью.

«Вы не такие, как я. Вы живые, вам можно чувствовать, мне – нет. Я балласт»

– Всё, – холодно отозвался Стефан.

– Покажи.

Как удар под дых. Стефан зыркнул остервенело, больше походя на загнанного в угол хищника, способного только скалиться.

Нет. Стефан рядом с ним походил лишь на бунтующего подростка. Мерзость.

Сбивчивыми движениями пальцев он расстегнул манжеты, неаккуратно закатал рукава под округляющиеся глаза Джоба.

– На! Полюбуйся!

Джоб шокировано прикрыл рот рукой, уже даже не гово-

ря «Бог ты мой». «Ха, выкусил?!», – торжествовал Стефан, но сейчас никакого удовлетворения не приносило выражение лица напротив.

Стефан был так зол, что даже не обратил внимание на зашедшего в служебку Алена.

Джоб усомнился. Джоб не поверил. Снова. Снова. Снова. Опять это повторяется. Старая песня, от которой Стефана воротит.

Он уже более спокойной расправил рукава и застегнул манжеты рабочей рубашки. Джоб всё так же молчал.

– Стефан...

– Скоро открытие. Работать пора.

Он стремительно покинул служебное помещение.

Вот почему он не хочет сблизиться с людьми.

\*\*\*

День прошёл ровно, но в то же время по—идиотски. Стефан угрюмо игнорировал весь персонал. И если для большинства это было привычно, то Джоб места себе не находил. Виновато глядел на Стефана каждый раз, когда они пересекались, но Стефан даже не поворачивал голову в его сторону, хоть и замечал всё боковым зрением.

Он слинял с обеденного перерыва. По возвращении он услышал, как Ален, Эмбер и Билл громко хохочут в служебке. Успели спеться. С умением Алена очаровывать кого попало – неудивительно.

В конце смены Стефан подошёл к Джобу, но не для того,

чтобы мириться, а чтобы сообщить:

– Я выселяюсь из твоего дома. Алену передай, что для него там теперь больше кислорода будет.

Джоб перехватил его руку останавливая. Стефан приготовился к боли, но, не почувствовав ничего, запоздало вспомнил, что она закончилась на ближайšie три недели.

– Стефан, стой! Прости меня!

Как предсказуемо! «Прости». Его, как и «спасибо», в карман не положишь и на хлеб не намажешь. Это всего лишь слово. Несколько букв, которые людям всегда сложно проносить. Но какая Стефану выгода от них?

– Не выселяйся.

– Почему, старик? – Стефан взглянул на него через плечо. – Ты говорил, чтобы я позаботился о своём здоровье, что мои руки требуют должного ухода. Сейчас всё зажило. Значит, я могу идти.

Джоб в который раз за день покачал головой.

– Почему ты так отталкиваешь людей, Стефан? Я же предложил тебе дом, почти безвозмездно, почему ты отказываешься? Куда ты пойдешь тогда?

О, надо же, как он заговорил. Не отталкивай, видите ли, людей!

– Я взрослый человек, старик. Разберусь со своими проблемами сам, – ответил Стефан спокойно, что сильно разнилось с его кипящими мыслями.

– Хорошо. Допустим, – отпустив руку Стефана, согласил-

ся Джоб, – ты уйдешь. Но у тебя даже денег сейчас толком нет. Где ты найдешь ночлег на длительный срок?

На самом деле Джоб был прав. Да, у Стефана нет сейчас больших денег. Мысль об уходе не была импульсивным решением из-за утренней стычки.

Стефан опасался, что с домом произойдет то же самое, что и с трейлером – поджог. Стефан понял, кто это сделал. Стефан понял всё.

Он думал об этом все те дни, что заживали раны на руках.

Нет никакой гарантии, что произойдет что-то ещё, ровно как и не произойдет. Стефан находился в подвешенном состоянии, так как не мог ничего предугадать. К этому он за своё долгое существование привык. Стефану нечего было терять, и очередная пакость стала бы незначительным препятствием, как лужа, которую легко перешагнуть или обойти.

Даже трейлер он почти отпустил. Только сейчас он на чужой территории. Это не остановит совершение очередной подлянки, потому что пакостнику плевать, что рушить – лишь бы это касалось Стефана. Ещё бы не хватало, чтобы Стефана делали потом виноватым.

– Найду. Я жил в самых ужасных условиях, так что я не привередлив. Насчёт этого можешь не беспокоиться.

– Стефан!

Джоб хлопнул пухлой ладонью по столешнице и ударился в уговоры. Приводил разумные аргументы, а когда они кончились, просто просил остаться.

Джоб слишком добр к Стефану и, честно говоря, Стефан этим пользовался. О чём бы он ни попросил, старик практически всегда соглашался. Даже эвакуация трейлера! Он приехал до начала рабочего дня, заплатил за пригон машины и не попросил со Стефана денег. Иногда он слишком настаивал на помощи, как отец, пытающийся защитить непутёвого ребёнка, и Стефан пребывал в замешательстве.

Всё с самого начала было странным.

Это началось в разгар прошлого лета, когда Стефан вылетел с работы грузчиком, разругавшись с начальником, зажавшим треть зарплаты. В расстроенных чувствах Стефан зашёл в первое попавшееся кафе, где загнанные официанты бегали между столами. Он заказал кофе.

Проходя мимо барной стойки в туалет, где как раз стояли Майкл и Джоб, Стефан услышал Джоба, сокрушенно качающего головой от того, что не хватает официантов.

Полезная информация была схвачена. После оплаты за заказ Стефан подцепил Джоба в коридоре.

– Эй, старик! Ты же главный здесь, да? – от оклика Джоб остолбенел, превратившись в каменное изваяние. Он повернулся на голос и встрепенулся, оживился – статуя превратилась обратно в человека.

Стефан подметил эту необычную реакцию. Старик точно услышал в его голосе чужие ноты.

– Да, молодой человек, я. У вас есть какие-то вопросы ко мне? Вас не устроило качество блюда или обслуживание?

– Нет, – ответил Стефан и продолжил без прелюдий, не собираясь увиливать, – я слышал, что у вас в кафе не хватает официантов. Примите меня?

Джоб неотрывно наблюдал за Стефаном.

– Прямо так сразу, молодой человек?

– Да. Не люблю юления.

– Как вас зовут?

– Стефан, – он повёл плечом под изучающим взглядом. – Пожалуйста, возьмите меня. Мне очень нужно.

Это было глупо и самонадеянно. Стефан почти не верил в успех разговора. Ещё на берегу он предупредил, что у него нет документов, наплёл историю о том, что он иммигрант со сложными жизненными обстоятельствами. Шатком положение даже не было ложью, если не учитывать, что оно уже образ жизни.

Джоб смотрел на Стефана пронзительно и долго, внимал каждому слову, следил за движениями. Из всех сил он словно хотел уловить в фигуре Стефана что-то необходимое – что-то, что известно только Джобу.

– Хорошо. Ты готов приступить к работе завтра?

Джоб разглядел в Стефане нужное. Стефан не верил своему везению.

– Готов!

Джоб взял его на работу вот так легко. Стефан свое изумление оставил при себе.

– Я буду работать как положено. Пропускать просто так

не собираюсь.

– Спасибо, что сказал об этом, Стефан. Надеюсь на тебя.

Стефан пришёл на следующий день в кафе, и его действительно встретили, как сотрудника. Выдали форму, всё объяснили. Только в этот день Стефан и понял, что зашёл в кафе итальянской кухни под название «Gusto e amore». Иронии этому месту не занимать, ведь Стефан был родом из Италии и ввалился в место, связанное с родиной.

Позднее Стефан узнал, что у Джоба есть бизнес-партнер в Италии, который и подкинул идею создания кафе. Это Стефана так тянуло к земляку?

Стефан все равно чувствовал подвох. Он решил обсудить с Джобом форму зарплаты, и тот принял условия Стефана. График работы – два рабочих дня и два выходных. Джоб даже на первых порах показывал расчёт зарплаты Стефана, чтобы тот знал, из чего она складывается.

Это удивляло. Совсем скоро Джоб начал глупо с ним шутить и постоянно улыбаться. Еще позднее Джоб начал и хлопать его по спине и плечам. Казалось, это какая-то утопия, которая скоро закончится.

Он проработал месяц, проработал два. Атмосфера между ними – точнее, со стороны Джоба – становилась всё теплее.

Многие увольнялись из кафе, приходили новые. Стефан даже не заметил за собой мысли дать отсюда дёру. Это самый длительный срок работы из всех, что он пробовал.

Чувствовалось, что за заботой старика что-то стояло. Од-

нако это было так тонко и неуловимо, что вскоре Стефан бросил попытки разгадать мотивы Джоба, которые были искренними.

– Тебе не понять, почему я людей отталкиваю, – высокомерно произнёс Стефан. – Ты мне не поверил насчёт рук, не согласишься и сейчас!

Джоб будто получил пощёчину и отшатнулся на шаг назад. Ответ, как холодный душ, как снег на голову. Он скорбно понурил голову.

Они хлестала друг друга словами, точно наносили удары по телу.

– Стефан, прости, – повторил он, печальясь, что прошлые извинения не возымели эффекта. – Да, я не поверил. Виноват, каюсь. Но я помню, как ты, когда только пришёл на работу, дал мне обещания и сдерживал их.

– И что в итоге? Ты в них веришь что ли? Верил бы, так не стал бы доколупываться до меня!

Стефан—то дал обещания. Он их сдерживал, но вот Джоб усомнился из-за глупой ситуации! Его доверие подкосилось ещё из-за водки. Хоть конфликт вроде как разрешён, он посеял в Джобе зерно сомнения.

– Стефан, оставайся в доме. Я не хочу знать, что ты будешь жить где попало. Особенно понимая, что я мог предоставить тебе нормальные условия, но не удержал.

Как эгоистично!

Стефан испытал дежавю: кто-то говорил подобное. Затем

он вспомнил, что это был Ален.

Стефан раздражённо махнул рукой. Раз старик так настаивает, то пусть получает. Только Стефан уже не будет в ответе за последствия. Он не сможет гарантировать, что дом будет в порядке всё время. Однако подобный расклад Стефану на руку: ему дом понравился, в нём приемлемо даже с Аленом в комплекте.

Перлы дня не закончились на диалоге. Джоб внезапно решил поехать вместе с Аленом и Стефаном в дом.

\*\*\*

Утром Ален, заходя в служебку, обнаружил в ней Джоба и Стефана, снова ведущих напряжённый разговор. Он не вмешивался и шел к шкафчику, стараясь быть незамеченным. Он привык почти сливаться с фоном, чтобы не попадать под горячую руку.

Ален собирался так же бесшумно покинуть помещение, но в этот момент Стефан закатал рукава рабочей рубашки.

– На! Полюбуйся!

Ален не смог оторвать взгляд от кошмарных шрамов, покрывающих все предплечья. Здоровые участки кожи с трудом можно было отыскать.

Больше всего изумляли не белые следы, а отсутствие ран с черными субстанциями по краям. Ален видел их четыре дня назад. Неужели такие глубокие увечья могут так быстро зажить?

Это всё казалось очень странным. Недуг Стефана, кото-

рый, по его словам, достался от какой-то девушки (о которой ночью кричал); природа чёрных корочек и то, что они исчезали от водки; чересчур быстрое заживление.

Станным был и сам Стефан. Он нелюдим и замкнут. На первых порах Ален и правда хотел с ним подружиться, но после многочисленных отталкиваний отложил эту попытку.

Пугал ли Стефан? Казался ли опасным? Ален не понимал. От общения с ним Ален оставался со смешанными чувствами. В груди скручивался плотный комок тяжелых эмоций, которые сложно разграничить.

Стефан был другим. Ален таких людей ещё не встречал. Он был... паранормальным?

На обеденном перерыве Ален слышал, как Джоб ругался с кем-то по телефону. Из—за долетевшего «дорогая» он понял, что разговор был с женой. Ссорились они сильно.

Много ссор за последние дни, и каждый раз почему-то Ален был их свидетелем, хотя он всю свою жизнь стремился не слышать их (что никогда не удавалось).

Позже Джоб попросил у Алена переночевать в их со Стефаном доме.

– Ален, я перекантуюсь сегодня у вас? Жена выгнала к вам, хех, – хохотнул не без горечи Джоб.

– Конечно, босс. Это ваш дом и вы можете им распоряжаться, как хотите, – пролепетал Ален то же, что и говорил в день, когда узнал о соседстве Стефана. Босс покачал головой с очередным смешком.

Ален не знал, можно ли спрашивать о таком, но рискнул:

– А что случилось?

– Ругается, что я торчу на работе с утра до ночи, так ещё и привёл в дом вас со Стефаном, а не сдал его в аренду. Ска-зала валить в этот дом и жить на работе, раз так люблю их.

Ален слышал грусть в каждом слове Джоба. Ведь правда: он так старается ради своего кафе, которое, надо признаться, очень уютно. И блюда здесь вкусные – Ален как-то приносил остатки домой на ужин да и в обеденные перерывы тоже ел.

Бизнес у босса молодой, ещё развивающийся, как он говорил. Кафе небольшое и сотрудников не хватает. Так что Джоб принимает в штат всех и к каждому относится с теплотой. Это подкупало.

Босс казался хорошим человеком. Он искренне любил дело, которым занимался. Интересно только, почему он так вкладывается в работу и так горит ей?

– Понятно... Надеюсь, вы помиритесь.

– Да помиримся, конечно! Куплю ей цветы, извинюсь. Только пока лучше под горячую руку не попадать.

Босс очень добрый. Он сам предложил Алёну жить в его пустующем доме и всегда спрашивал с неподдельным интересом, как у Алёны дела.

Заметно было его особое отношение к Стефану. Джоб приветлив с каждым сотрудником, но Стефана будто выделял.

Говоря о Стефане, Ален не мог назвать его плохим сосе-

дом. Жить с ним в одном доме... нейтрально. Побывание в нем он никак не портил: вещи не портил, еду и деньги не воровал, на самого Алена не кричал и сцены ему не закатывал, драться не лез. Просто потому что Стефан был равнодушен к нему.

Стефан проявлял агрессию, только когда сам Алэн его провоцировал. Обдумав их скудные взаимодействия за минувшую неделю, Алэн пришел к выводу, что причиной всех вспышек гнева был он сам. Если бы он не поступал глупо, то и отношение было бы иным.

Но что прошло – уже не вернёшь.

Иногда действительно неловко сталкиваться с ним на кухне или в прачечной, но это не шло ни в какое сравнение с удручающим чувством постоянной угрозы, с ожиданием взрыва очередного скандала.

Сейчас Стефан недовольно ворчал, узнав о планах Джоба на эту ночь. Не прекращал он брюзжать, когда Джоб решил отвезти их на машине.

– Ты специально хочешь проконтролировать, чтобы я никуда не свинтил, да? Поэтому вызвался ночевать сегодня у нас и везти на своей тачке? – не выдержал Стефан, семеня за Джобом, направляющимся к автомобилю.

Но не успел Джоб возразить, как Алэн вмешался тихим шёпотом:

– Босс поссорился с женой.

Стефан тут же переменялся в лице и с коротким «М» по-

давил недовольство.

– Да, Стефан, все так, как сказал Ален. – Теперь настала очередь Алена удивляться тому, что его глухо сказанные слова были услышаны.

Они ехали молча.

\*\*\*

– Стефан, будешь? – Джоб протянул Стефану пачку дорогих сигарет. Тот не отказался и вытянул одну.

Они уже успели вкусить великолепия кулинарных навыков Джоба за ужином – готовил он просто невероятно и сегодня радовал овощным рагу. За время своего бегства и жизни у опекунов Ален отвык от вкусной домашней еды.

После ужина они вышли на крыльцо. Ален и Стефан сначала отнекивались, но Джоб их чуть ли не силком потащил на улицу.

– Давайте, давайте! Посидим, свежим воздухом перед сном подышим. Зато как хорошо спать ночью будете!

Стефан и Джоб сели рядом друг с другом, Ален – на ступень выше. Там же босс угостил Стефана сигаретой.

Ночь укутала город. Небосвод прорезали единичные звёзды. В поздние часы становилось зябко, и Ален сильнее закутался в куртку. Справа от него задымили Стефан и Джоб.

Он опустил на колени голову. Ещё неделю назад он не был с ними знаком, не имел работы и пристанища и почти в слезах ехал на автобусе без денег и вещей, не зная, что его ждёт.

Ждала его помощь.

– Старик, так из-за чего тебя жена твоя выгнала? – сбив пепел с кончика сигареты, поинтересовался Стефан. Джоб выдохнул очередную порцию дыма и ответил:

– Да так, повздорили маленько из-за ерунды. Завтра уже приду к ней и извинюсь. Просто сегодня лучше не нагнетать и к ней не лезть, ты знаешь. Пусть остынет.

Джоб не рассказал Стефану правду специально, так как тот воспринял бы её в штыки. Ален слышал, как по окончании смены босс уговаривал его остаться в доме. Видимо, если бы Стефану были известны подробности, он точно ушёл, посчитав, что Джоба жена прогнала из-за него.

Ален смотрел на курящих почти синхронно мужчин и всё думал, почему при виде них в душе разливается тепло, будто смотришь на отца и сына? Ален будто был причастен к чему-то личному. К какому-то комфортному действию, которое заражало мягкостью даже наблюдателя.

Никто не проронил больше ни слова, но Ален наслаждался этим безмолвием. Неспешно проехала мимо них машина кого-то из соседей. Горели огни высоких фонарных столбов на обочине.

Так по-домашнему. Ален почти забыл, каково это. Как описать ощущение связи между этими двумя? Какая она?

И кто такой Стефан? Если с Джобом всё понятно, то с ним...

Стефан опустил руку после на колени. Ладонь свисала с них, а в ней сиял уголёк сигареты. Стефан странный. На пер-

вый взгляд он казался вздорным мизантропом, но его отношение к боссу и слова о той, кто дала ему болезнь, путали. И этот взор чёрных глаз, устремленных в такую же тёмную бескрайнюю даль.

Взор, полный горечи, несбывшихся надежд, разочарований и самой простой человеческой боли.

Что-то стояло за бронёй из ядовитых шипов, в которую Стефан облачился.

## Глава 6. Когда же ты раскроешь все тайны?

Когда сигареты были докуены, все трое поднялись с насыженных мест.

– Ну, посидели и хватит. Пойдёмте, а то чего-то холодно уже.

Джоб кряхтя распахнул дверь, впуская в коридор ночную прохладу. За ним, как за мамой-уткой, зашли Стефан и Алэн.

– Итак, в свинарник вы мой дом не превратили, – подытожил Джоб. – В холодильнике еда есть у обоих. Все вещи целые и на месте.

– Будто мы пришли сюда бесчинствовать, – съязвил Стефан, идя к холодильнику, чтобы вытащить оттуда банку колы – точно такой же, что купил несколько дней назад Алэн (но, нет, конечно же, не потому что он увидел её у Алэна – просто совпадение!). – Или мы здесь собираем притон.

Джоб засмеялся.

– Ну, гостей водить можно...

– Правда можно?! – пришёл в небывалый восторг Алэн, а Стефан стал унылее серой тучи.

Его радость могла значить лишь одно.

Стефан, пшикнув крышкой банки, вернулся к собеседни-

кам.

Джоб и Ален сидели на диване. Джоб был как пухлый маленький бочонок рядом с водосточной трубой в лице Алена, но, сидя перед ним, мог дотянуться до кудрявой головёшки, запустить в рыжие локоны пальцы и растрепать. Ален зажмурился от смущения. Стефан закатил глаза из-за телячьих нежностей и отпил из банки.

– Правда-правда, – Джоб словно сюсюкался с маленьким ребёнком. – Только чтобы вели себя прилично и чтобы согласовывалось со Стефаном.

Оба перевели взгляды на него, безучастно хлебавшего газировку. Стефан вернул им вопросительный взгляд, мол, чего вы от меня ждёте?

– Стефан, я могу иногда приводить...

– Мне всё равно, делай что хочешь. Только говори, когда приведешь.

Ален тут же прикусил язык, а Стефан запрокинул голову, чтобы добраться до остатков колы. Затем он смял жестяную банку и ушел на кухню, сопровождаемый тяжелым вздохом Джоба.

Как только прозвучало разрешение старика, стало очевидно, что Ален будет водить Эмбер и Билла к себе домой. Они сдружились больше всего, и на работе Ален проводил в основном время в их компании.

Стефану правда безразлично то, кого он будет звать в дом – лишь бы не доколупывались.

Джоб предсказуемо покачал головой, молчаливо осуждая Стефана за грубость. Но он также знал, что до критики Стефану нет дела, потому возмущение оставил при себе.

Время было уже позднее, однако никто еще не хотел спать. Они расселись перед телевизором и включили дешёвую мелодраму. Стефан сопротивлялся, говоря, что будет скуотища смертная, но его никто не послушал.

– Стефан, давай. Ну, посмотрим маленькое. Я считаю, будет интересно.

Однако она быстро наскучила не только Стефану. Ален отошёл в туалет и, когда началась реклама, Джоб убавил громкость телевизора.

– Стефан? У меня к тебе вопрос.

– М-м-м? – открыв один глаз, промычал Стефан. Он развалился на краю дивана, почти сполз с него так, что принял полусидячее положение. Пока шёл фильм, Стефан лежал с закрытыми глазами. Он не спал, но было забавно, что Джоб и Ален, заметив его «спящим», сделали потише и стали переговариваться почти шёпотом. Короче говоря, Стефан над ними изящно глумился за то, что его впрягли в созерцание голубой мути. – Какой, старик? Я вообще-то спал.

– Знаю я, как ты спал! Я заметил, что ты носом дёрнул, когда героиня в любви суженому своему призналась. – Джоб выключил телевизор, а Стефан был вынужден признать свой проигрыш. – Ты Алена не обижаешь?

– Я? Обижаю? – изумился Стефан, открыв второй глаз и

сев нормально. – Чего ж ты тогда спрашиваешь это у меня, а не у того, кого я обижаю?

– Ален это отрицает.

Стефан насупился и поджал губы. Снова какие—то подзрения.

– Так если он отрицает, то ты думаешь, я сознаюсь? В том, чего не было? Да, он получал от меня разок-другой за то, что совал нос не в свои дела. Но он мне вообще не сдался. По—твоему он ходит колоченный?

Джоб снова покачал головой и, предугадав дальнейшее действие Стефана, придержал его за руку, тем самым заставил оставаться на диване.

– Старик, ты меня, конечно, извини, но ты уже надоел беспочвенными обвинениями. Я это, я то, я козёл отпущения! Как этот появился, так я сразу всегда плохой?

– Стефан...

Ален вышел на лестницу и вытащил телефон. Джоб не продолжил свою мысль, считая, что Ален к ним сейчас присоединится, однако тот повернул обратно.

– Извините, мне нужно отлучиться.

Джоб бросил короткое «Хорошо», проследил за Аленом взглядом, а Стефан – за Джобом.

– Меня просто... Напрягают ваши отношения. Я думал, вы правда как-то подружитесь, но что-то не особо.

– Ты селил нас в один дом с этой целью?

– Нет, просто думал, что... Общий быт как—то вас сплю-

тит.

– Ха, за четыре дня-то. Старик, да великий оптимист! – Джоб уже убрал руку, потому что Стефан расслабился. Казалось, он печется об этом так, словно кот, который уже много времени жил подле хозяина, не сжился с маленьким щеночком, притащенным с улицы. – Люди никогда так быстро не сходятся. Да и кто сказал, что я хочу с ним водиться? Первые дни нашего знакомства он лез туда, куда ему не стоило. Я преподавал ему урок, чтобы он знал, где его место, и перестал мне досаждать.

– Он тебе досаждал?

– Очень.

Джоб вздохнул и уперся локтями в колени. Он опустил голову, а взгляд его упал в ноги.

– Ты для меня загадка, Стефан. Мы с тобой почти год знакомы, а я так и не могу понять, что ты за человек. Я, конечно, никогда не расспрашивал тебя о прошлом, потому что понимаю, что тебе точно пришлось несладко. Но что ты из себя представляешь, что у тебя в мыслях, я не знаю.

Джоб верно распознал, что со Стефаном что-то не так. Поэтому-то никогда и не досаждал допросами. Наверняка думал, что будет сыпать соль на рану.

– Ты вроде со мной, но постоянно далеко. Я вижу, что со мной ты общаешься больше, чем с другими в нашем коллективе, но все равно мы как будто на разных планетах.

Стефан никак не прокомментировал это, продолжая вни-

мать. Джоб же задал неожиданный вопрос:

– Что ты об этом думаешь?

Стефан вопросительно поднял брови. Он думал, начнется излияние души в виде монолога, которое ему нужно только воспринимать и иногда кивать для порядка.

Немного подумав, Стефан решил ответить, как есть:

– Я думаю, так и есть.

Стефан действительно далеко. Он думает о взаимодействии с Джобом с позиции «уважение в обмен на помощь». И не думал он никогда как—то глубже.

Джоб разогнулся и развёл руками.

– Спасибо за честность. Меня в тебе подкупает то, что ты говоришь правду прямо в лоб. Для тебя это будто в порядке вещей.

– Мне просто всё равно, что люди думают. Говорю, как есть, и всё.

Джоб взглянул на Стефана, и в его глазах читалось неодобрение. Стефан же, по обыкновению своему, был глух. Ему нет дела до того, устраивает ли старика его позиция или нет.

И Джоб об этом знал, потому произнёс:

– Я уж в курсе. Ты прямолинейный и вроде как честный, сдерживающий обещания, но... В тебе есть что-то двоякое.

Стефан пожал плечами.

– Меня таким сделала жизнь.

Джоб сложил руки на груди, продолжая рассматривать ли-

цо Стефана. Ответ, конечно, в его духе, а хотелось какой-то конкретики.

– Я говорил, что не лезу в твою жизнь, но ответ на пару вопросов, пожалуйста, – попросил он, и Стефан удивился. В груди зачесалось желание отвергнуть, но махнул рукой в разрешающем жесте.

Интересно было, что выдаст старик.

– Три вопроса. И я кое-что спрошу у тебя в ответ.

Джоб кивнул в знак согласия.

– Откуда ты родом, раз ты иммигрант? Что с твоими родными?

Стефан оценил предприимчивость Джоба. Тот не стал спрашивать о чем—то банальном, а сразу огорошил существенными фактами жизни.

Ну, Стефан решил не врать.

– Уже два вопроса. Ответ на первый: я родом из Италии. Ответ на второй: они погибли очень и очень давно.

Стефан побывал во многих странах и даже не на одном континенте, но то, откуда он начал и где родился – Италия. Родная страна в центре Средиземноморья, где его нога не ступала уже давно.

Джоб вытарасился на Стефана, с трудом переваривал полученную информацию. На лице Стефана не было и тени притворства.

– Так, сейчас будет вопрос не по этой теме, – сразу предупредил Джоб. – Ты что, серьезно что ли? Италия?

– Серьёзно. Опять не веришь?

Стефан прищурился, а вот Джоб открыл рот, выглядя теперь не удивлённым, а знатно позабавленным. Уже через секунду он разразился смехом.

– Ха-ха-ха, Стефан! Так чего ты мне сразу не сказал, когда на работу-то устроился?! У меня ж заведение какое, а? Итальянской кухни! Если б ты мне сразу сказал... да мы б с тобой такое меню замутили, *Mamma Mia!*

– Ага! *Non ho nient'altro da fare*[1]... – пробурчал Стефан, закатив глаза.

– Чего—чего? – не понял Джоб и испытал ещё больший шок. – Стефан... Я никогда не слышал, как та говоришь по-итальянски. И, если честно, ты, ну... Какой-то бледненький для итальянца.

– А я с севера, – Стефан изрядно утомился от заинтересованности Джоба. – И в Италии очень давно уже не живу. К тому же зачем мне говорить на итальянском, если я живу в США?

– Но почему ты...

– Мы отвлеклись. Очень сильно отвлеклись, – напомнил Стефан. – Давай последний вопрос. Я не думаю, что ты хочешь его потратить на вопрос об Италии. Я больше не хочу говорить о ней.

Джоб вытянулся, как по струнке, и замолчал. Кажется, все—таки понял, что лучше больше не обсуждать эту тему. Было бы ещё лучше, если он вновь применил свою тактичность.

Судя по тому, как быстро вопрос прозвучал, очевидно, это уже давно терзало ум старика:

– Почему ты за пять месяцев нашего знакомства, так и не восстановил никакие документы? Ты же говорил, что у тебя их нет. Вообще что ли нет, даже подтверждающих итальянское гражданство?

Вот это он, конечно, вопрос со звёздочкой задал. Ха, а старик неплох. Хотя любопытство касаясь этого понятно.

Джоб никогда вопросов и не задавал, но они всегда у него были.

– Я не могу тебе об этом рассказать, старик. Звиняй.

Стефан здесь не мог сказать ни правды, ни лжи.

Как объяснить, что это бессмысленно, потому что его официально и не существует? Его жизнь не была никем задокументирована в современном мире, а возможные записи о юности, наверное, давно канули в лету. Даже если бы он документы имел, появилось бы больше проблем. Не сразу конечно, лет так через двадцать-тридцать. И касалось бы это нестарения Стефана.

Так что лучше без них, чем с ними. В конце концов, Стефан никогда не покупал нечто грандиозное. А если и покупал – трейлер, например – то с рук. Медицинское обслуживание ему ни к чему – бессмертие сделало не убиваемым. Он пережил даже страшные эпидемии и пандемии чумы, гриппа, оспы, коронавируса. На него ничего не липнет, а с ранами от проклятия он обращаться научился.

– Стефан, а если серьезно...

– Я серьезен, старик. Прости, но у меня есть весомые причины. Это был третий вопрос, и теперь моя очередь спрашивать.

Джоб снова уперся локтями в колени.

– Эх, валяй, – смиренно ответил он.

Стефан не заставил себя долго ждать:

– Почему ты мне помогал с самой первой встречи?

Только сейчас Стефан осознал, что все ошметки истории, которую он впарывал людям, лишь бы от него отвязались, шиты белыми нитками. Они, укрытые несколькими слоями незыблемого «Это не твое дело», звучали очень неубедительно и вызывали вопросы у всех. У Алена, у Джоба. Наверняка еще и у других работающих в кафе, просто об этом не говорили.

И все возникающие вопросы – следствие контакта. В случае Джоба еще и следствие заинтересованности.

Но ведь и у Стефана были к нему вопросы. Он тоже в старике как в человеке заинтересован?

Джоб, получив ответку, усмехнулся и потер свой наконец-то побритый подбородок.

– Скажем так. Ты напомнил мне кое-кого. – Ого, оказывается, ощущения Стефана той весной не подвели. – Того, кому я не помог. У вас есть сходства характера.

– Ха, и потому ты решил помочь теперь мне?

– Да.

– Что-то типа искупления?

– Не знаю. Это уже третий вопрос, Стефан. – Хлопнула дверь комнаты Алена. Наконец-то он вышел, а телевизор давно молчал. – Когда-нибудь я тебе обязательно обо всём расскажу.

Ален извинился за то, что так внезапно и надолго отлучился. Джоб понимающе крикнул и предложил точно идти спать, с чем все дружно согласились.

Глядя вслед Джобу, уходящему в третью на втором этаже комнату, Стефан пришел к умозаключению: у каждого человека есть свои секреты. У каждого есть что-то, о чем он не готов говорить.

В этом смысле Стефан даже не одинок.

Он узнал о Джобе больше. Успокаивала мысль, что его помощь была не с бухты—баракты. Действия Джоба не лишены логики, пусть пока и не до конца ясной Стефану.

\*\*\*

Сначала Ален просто пошёл в туалет, но в кармане штанов завибрировал телефон. Одно входящее сообщение, за которым последовали другие так, что маленький кнопочный телефон начал разрываться от СМС.

«Ален СВОБОДА»

«СВОБОДАААА»

«АЛЕЕЕЕН»

«ААААААЛЛЛЛЕЕЕЕЕН»

«ПОЗВОНИ НАМ!!!!!! ОНИ УЕХАЛИ И Я НАШЛА ТЕ-

## ЛЕФОН У НИХ В КОМНАТЕ»

«Звони БЫСТРО а то я на тебя Мартина натравлю при встрече»

Ален так обрадовался, что чуть не подпрыгнул на унитазе.

«Пахита! Я так рад!!»

«Подождите минутку, пожалуйста, а то я в туалете :D»

Его сорванцы достанут даже на толчке. Что-то в их репертуаре.

Ален был так воодушевлен тем, что они вышли на связь, что махнул рукой на совместный просмотр фильма. При всем уважении к Джобу, который смотреть и предложил, мелодрама была наискучнейшая. Может, это некрасиво со стороны Алена, ведь Джоб столько для него сделал: и на работу устроил, и дом предоставил, и даже отдал свой старый телефон, узнав, что Алена обокрали до нитки. А он так нагло отказывается...

Однако Джоб о чем-то разговаривал со Стефаном, так что им было чем заняться.

В комнате Ален сразу же набрал номер Пахиты – девочки, которая ему и написала.

Даже пара гудков после нажатия вызова были томительно долгими. Ален чувствовал, как сердце пошло вскачь, а тело затопила волна тревоги. Вдруг *они* все—таки вернулись и застали ребят с телефоном? Что тогда? О мысли об этом по спине пробежал холодок.

Опасения были напрасны: совсем скоро Пахита сняла

трубку и закричала в ухо:

– Ален!!!

– Але-е-ен! – Пахита поставила звонок на громкую связь. Голос Мартина звучал совсем близко к динамику телефона.

– Ох, привет... – губы сами растянулись в улыбку. Сердце все так же колотилось, как раненая птица билась в клетке, но уже от радости. Ален был так рад услышать их громкие голоса и знать, что с ними все хорошо.

Предыдущую неделю он провел в фоновой тревоге. Сначала она была из-за украденного рюкзака, в котором был и телефон. Ален потерял связь с Пахитой и Мартином – денег не было даже на то, чтобы позвонить из уличного телефона.

Ален был вне себя от счастья, когда Джоб подарил телефон, ведь теперь можно было общаться с младшими. Благо, что он выучил наизусть номер Пахиты.

В тот же день Ален отправил первую СМС с содержанием: «Пахита, это я. Ален. У меня украли рюкзак на вокзале, и я не мог вам позвонить. Простите, что заставил волноваться. Теперь у меня новый телефон, и я буду с вами общаться с этого номера».

Спустя лишь минуту после отправки сообщения телефон разорвало от вибрации:

«АЛЕН»

«MALDITA SEA!!![2] МЫ ТАК ВОЛНОВАЛИСЬ»

«Я уже было подумала что ты умер! Вдруг взорвался автобус на котором ты ехал??? Или тебя пырнули ножом в под-

воротне???»

«Как же ты нас напугал tonto [З]>:((((»

«Это была не моя вина. Простите, мне очень жаль», – тут же написал Ален.

«Да знаю я»

В тот день они не решились друг другу звонить, потому что *они* были дома. *Они* – это фостерные родители, взявшие на воспитание и Алена, и Пахиту, и Мартина. Не самые лучшие люди, которых можно было повстречать.

Он жил с ними около полутора лет. Поначалу все было хорошо, но никто из них не предполагал, что будет происходить дальше. А дальше был ад, сравнимый с прошлой жизнью Алена.

Опекуны оскорбляли и часто применяли насилие. Конечно, они создавали видимость благополучной семьи на людях. Во время жизни с ними появилась более опрятная одежда, чем та, что приходилось носить Алenu в родной семье. Питание тоже нормальное, если не учитывать бойкоты, которые порой устраивались по несколько дней. Дети всегда были ухоженные, хотя это больше заслуга Алена.

Базовые потребности закрывались лучше, но насилие во всех его проявлениях: эмоциональное, физическое, финансовое, пищевое – так и не ушло из жизни Алена.

Пахита – бойкая и шустрая одиннадцатилетняя девочка латиноамериканского происхождения. Мартин – четырехлетний милейший мальчик, немного замкнутый и необщи-

тельный. Алэн взял на себя роль старшего брата, оберегал и защищал их насколько мог. За год с лишним совместной жизни они очень привязались друг к другу и стали настоящей семьей.

Но как только нагрянуло совершеннолетие Алена, его сразу же выгнали из дома: мол, ты уже взрослый, так что вали на все четыре стороны. Ищи работу, живи отдельно, кончилось время, когда ему можно было есть их хлеб и тратить их деньги. Хотя вообще-то им за Алена приходили зарплата.

Ален был вынужден уйти в свободное плаванье. Вот почему, когда Стефан в первый день знакомства посоветовал возвращаться, он сказал, что не может.

Ален забрал все свои накопления со времен школьных подработок (на карманные расходы не давали, приходилось в тайне работать), оставив часть младшим. На эти деньги он жил в самых беспонтовых хостелах, ел впроголодь, чтобы сохранить деньги по максимуму. Так прошёл месяц с лишним.

Их городок был маленьким, так что работы для Алена не нашлось. Весь месяц он безрезультатно обивал пороги мест, где его потенциально могли принять. Деньги немолимо кончались. Пришлось уехать в город побольше на заработки, но на пути его обокрали.

Дальше произошло знакомство со Стефаном, Джобом и всеми, кто работал в кафе. Это было сродни благословиению судьбы, потому что Алэн был в отчаянии.

Как камень с души упал, когда удалось выйти на связь с

Мартином и Пахитой. Однако уже через день у них отобрали телефон за разбитую Марином вазу в прихожей. Досталось и Пахите за то, что она не уследила.

После наказания Пахита с её невероятным чутьем и ловкостью рук каждый раз находила тайники. *Они* перепрятывали телефон, но это не помогло. Пахита периодически отписывалась Алену о том, что они в порядке. Это успокаивало, но провод нервов все равно был оголен.

– Как вы там? Все хорошо? *Они* не беснуются? – поинтересовался Ален.

Под «они» всегда подразумевались фостерные родители. Это был своего рода шифр – и не поймешь особо, о ком речь.

– Да пока нет. Порядок.

– Ален, я скуча-а-аю-у-у-у, – с грустью протянул Мартин. На том конце провода послышалось шуршание.

– Я тоже по вам очень скучаю, – ответил Ален, что было чистой правдой. Ему жуть как хотелось увидеть младших.

– Как ты там вообще? Ты писал, что устроился на работу, да? И в доме чьем-то живешь?

– Ага. У меня все хорошо. – Ален начал свой рассказ о том, как познакомился со Стефаном, как нашел работу, как сильно ему помог Джоб, как он познакомился с Эмбер и Биллом. Добавил, что они ему нравятся, и он бы хотел стать с ними друзьями.

– Как же клево, Ален! – воскликнула Пахита. Ален был уверен, что сейчас она улыбается. – Как хорошо, что ты на-

шел работу и тебе есть, где жить.

– Ура-ура, у Алена есть друзья-а-а-а, – захолопал в ладоши Мартин. Ален издал тихий смешок. Для Мартина тема друзей всегда была сложной. В принципе, как и для самого Алена, и все трое об этом знали. Потому Мартин так радовался. – Ален, когда ты приедешь?

– Мартин! Ален только—только в другой город уехал, какой «приедешь»?

– Но мы не виделись...

– Мы не виделись неделю, Мартин, успокойся.

– Я скуча-а-а-ю...

Эти дни на самом деле казались вечностью. Произошло столько событий, что голова кругом шла.

Ален виделся с Мартином и Пахитой незадолго до отъезда. Точнее, прямо в тот же день, только днем, а рейс был вечерним. Встретились они не только для прощания, но и потому что Пахита передала деньги на билет. Алену было очень неловко просить из той части, что дал он сам, но за полтора месяца накопления истратились.

Он до последнего стремился найти работу в их городе, чтобы быть ближе к Мартину и Пахите, поэтому мотался по хостелам, как неприкаянный. Поиски были тщетны, Алена везде отфутболивали. С тяжелым сердцем пришлось уехать.

Тогда ещё Пахиту снова наказали за не самые лучшие оценки и устроили домашний арест. Пахита кое-как упростила выйти на улицу, сказав, что кончился хлеб. Подключился

еще и Мартин, орущий, что хочет гулять.

И они сломя голову ринулись к назначенному для встречи с Аленом месту. Это были самые трепетные, самые долгие и грустные объятия за полтора года.

– Я приеду обязательно. Я же обещал. Просто мне нужно немного времени.

Мартин издал печальный вздох.

Потом они поговорили обо всем и в то же время ни о чем, как часто это бывало. Тёплые разговоры, греющие души и помогающие забыть, что происходит вдалеке от них.

Прощание было долгим: Мартин капризничал, говоря, что хочет ещё послушать Алена. Даже Пахита поддержала. Ален и сам не против поговорить, но на первом этаже все ещё оставались Стефан и Джоб.

– Мне нужно идти. Пишите, когда я могу вам позвонить. Пахита, не забудь удалить все сообщения, что от меня получила и сама писала. И мой входящий удали.

– Удалю, – ответила Пахита. Такие меры предосторожности предпринимались не только для того, чтобы *они* не поняли, что телефон был найден, но и для того, чтобы не нарваться на лишние неприятности из-за общения с Аленом. Его выгнали из дома, и общение с ним не предполагалось: *они* говорили, что если узнают, что Пахита и Мартин общаются с Аленом, то детям несдобровать.

– Все будет хорошо. Просто знайте, что мысленно я всегда рядом с вами. А скоро буду и не только мысленно.

С пятого раза все же удалось положить трубку. Ален чувствовал себя опустошенным.

С одной стороны, он был рад услышать впервые спустя неделю голоса Мартина и Пахиты. С другой – грустно, что он далеко. Хотелось прямо сейчас оказаться с ними в одной комнате, сгрести их в объятия и лежать вот так часами. Но нынешняя комната встречала только одиночеством.

Ален обещал себе, что справится со всеми тяготами ради них двоих. Он обязательно найдет способ воссоединения, и они будут счастливо жить втроем.

Ален не мог уснуть, думая о своей семье – о Мартине и Пахите.

\*\*\*

Стефан так и не заснул из-за раздумий, нахлынувших после беседы с Джобом. Больше всего Стефан размышлял на тему того, что у Джоба есть причина, почему он ему помогает. В чём она заключается?

Сначала Стефан бессмысленно лежал в кровати. То ворочался с боку на бок, то от безысходности лег на спину, уставившись в потолок. Когда и лежать надоело, спустился на кухню попить водички.

Но водичку уже наливал себе в стакан Ален.

– Бессонница? – поинтересовался тот, когда Стефан встал рядом, ожидая, когда освободится кувшин. Он уже вытащил стакан и принял из рук Алена кувшин.

– Она как следствие бесполезных раздумий, – небрежно

бросил Стефан, плеснув воду в стакан, после чего направился в гостиную.

Стефан плюхнулся на диван. Допив воду, он поставил стакан на журнальный столик и почесал совершенно здоровые предплечья. Ален тоже сел на другой конец дивана.

Приперся, черт побери. Что ж, пусть сидит.

Стефан сидел без футболки в одних домашних шортах. Виден был контраст чистых плеч и изуродованной шрамами кожи ниже локтя. Эту разницу совершенно беспардонно разглядывал Ален.

– Никак не пойму, как они так быстро зажили... – еле слышно прошептал он, из-за чего Стефан услышал только последнее «зажили».

– М-м-м? Чего ты там бурчишь себе под нос?

Кроме основных беспокоящих Алена вещей, был Стефан. Сидя в комнате, Ален краем уха слышал, что босс отзывался о нем как о человеке-загадке. Посещало точно такое же чувство. Неизвестность настораживала. В то же время одолевало любопытство, хотелось узнать: в чем же дело? Почему Стефан такой?

Ален жил вместе с человеком-непредсказуемостью. И непонятно, что ещё ожидать от него. Вдруг что-то пойдет не так, несмотря на то что Стефан говорит, что у него все под контролем? Вдруг боль будет настолько нестерпимой, что Стефан умрет? Вдруг его... Своеобразное состояние как-то повлияет на Алена?

Возникли мысли по поводу того, кем Стефан являлся. Это было ещё одной причиной, почему Ален не спал: он сопоставлял все, что видел и слышал, и пришел к странным выводам.

Наверное, их стоит озвучить для расставления точек над «i» и для собственного успокоения? Ален уже знал, как мог отреагировать Стефан. Но он имеет право знать?

– Я никак не пойму, кто ты, – после долгой тишины начал Ален, заламывая пальцы на руках и поглядывая на предплечья Стефана. Тот же испытующе смотрел на Алена, буквально вперился взглядом. Совсем скоро Ален сдался под напором и отвёл глаза. – Но ты такой... Странный.

– Тоже мне удивил, – небрежно бросил Стефан и театрально взмахнул рукой. Ален сник, чувствуя, что его сейчас ни во что не ставили. На него давили, его обесценивали. А всё из-за того, что Ален поднимал неудобную тему. Дыхание перехватило, и слова никак не собирались в цельные предложения. – Это все, что ты хотел сказать?

Стефан поднялся с дивана, но Ален внезапно перехватил его за руку выше запястья. Под пальцами ощущалась бугристость светлых полос. Брови Стефана поползли вверх от шока, и он резко выдернул руку, словно её коснулся кто-то нечистый. По его лицу скользнула мрачная тень, не сулящая ничего хорошего.

– Ты постоянно говорил боссу, что не можешь признаться. Мне говоришь, что это не моё дело. Будто люди просто не

могут тебя понять. А если и признаёшься, то так витиевато, что реально не понять смысл – ты путаешь. За этим ведь что-то стоит!

Стефан молча воззрился на Алена.

– На моём месте любой бы, кто столкнулся с неверием, поступал так же.

Ален воспринял это как позволение продолжить.

– Ты сказал, что то, что происходит с твоими руками, – это от девушки, – Ален потянулся к шрамированной коже, но Стефан не позволил прикосновению случиться. – А когда я сделал предположение, что она передала тебе болезнь, ты набросился на меня. Ты кричал её имя во сне.

Стефан напрягся и нахмурился. Будто зверь вставал в стойку, медленно выпускал когти, чтобы быстро прыгнуть и разорвать жертву в клочья.

Слишком много для Стефана непростых диалогов на один вечер.

Ален чувствовал, что играет с огнём. Недавно он пришёл к выводу, что сам был виноват в агрессии в свою сторону, и что он делает сейчас? Фактически провоцирует. Он понял, что для Стефана это болезненная тема и, затрагивая её, Ален ходил по очень тонкому льду.

– Слышал всё-таки, что я кричал? – губы Стефана растянулись в улыбке, напоминающей оскал. У Алена внутри все похолодело, но он старался выглядеть как можно более беспристрастным. Насколько это получалось у него, видящего

подобную гримасу сотни раз и знающего, что после неё не последует ничего хорошего.

От единичной пощёчины до удушения.

– Слышал.

– Ты знаешь, что это не твоё дело. Знаешь, – угрожающе шепнул Стефан, и Ален задержал дыхание.

Стефан выглядел пугающе. До дрожи в коленях. По спине Алена пробежал табун мурашек.

– Не болезнь это, – сдавленно продолжил Ален. – Если и болезнь, то как может появляться черный дым от воздействия водки? Сам посуди. И твои раны так быстро затянулись! Да на обычном человеке они бы как минимум две недели заживали!

– А-а-а, так ты меня необычным человеком считаешь?! – Стефан иступленно рассмеялся и неожиданно склонился над Аленом, выставив руки по обеим сторонам от головы на спинке дивана. Стефан возвышался над ним, как могучая гора, заслоняя собой обзор и заставляя смотреть *только на него*.

Ален и сам не понял, как не закричал на весь дом от внезапного движения, больше походящего на рывок. Сначала он подумал, что Стефан замахивается, чтобы ударить.

Вероятно, единственное, почему удалось избежать крика – то, что Ален зажмурился. А открыл глаза, только когда убедился, что побоев не последовало – вместо них спиной он ощутил удар ладоней об обивку дивана.

Лицо Стефана было так близко. Чёрные глаза зло блестяли, губы поджаты. Зверь. Открывает рот – из горла вырвется рык.

Однако Алэн был не прав:

– «Сумерек» пересмотрел что ли? – Слова были чёткие, а смех продолжал разноситься в ушах и отбиваться о черепную коробку Алэна. Непонятно было: то ли Стефан правда веселился, то ли это было нервное. Хотя, судя по фразе, он... забавлялся?

Как же быстро и непредсказуемо произошла эта смена.

– Давай, попроси еще, чтобы я сказал: «Это кожа убийцы, Белла», – хихикая, говорил Стефан. Он кивнул на руки, и Алэн непроизвольно скосил взгляд. – Тоже про кожу. Наверное, в нашейс итуации я должен произнести: «Это кожа проклятого, Алэн?»

Алэн удивленно вскинул брови. Проклятого? Стефан ни разу об этом не обмолвился. Новая подробность случившегося с ним.

Алэн уже готов поверить по всё. Этот человек – сплошь тайна за семью печатями. Ни одну из них он не позволял рушить. Лишь по собственной прихоти иногда оставлял маленькую щёлочку, чтобы с грохотом захлопнуть, почти оторвав любопытный нос.

Стефан не развил тему и понёс пургу:

– Смотрел я этот фильм, смотрел. Даже вторую часть глянул, где героиня сломя голову бежала за вампиром. О, а ещё

битва, помнишь? Правда, я не понял, к чему она была, две другие части не застал. Не до того было.

Ален благоразумно воздерживался от ответа, однако Стефан настойчиво повторил: «Помнишь?». Пришлось кивнуть.

– Давай, начинай, что она там перечисляла? – Стефан так же отрывисто разогнулся и заходил по залу. Он наматывал круги у журнального столика перед телевизором. – Невероятно быстр, силён? Чепуха, я обычный. На солнце не свечусь, ем все то же, что и ты, но кто знает, что я делаю на обеденном перерыве, уходя от всех, а?

Стефана откровенно несло, и Ален даже не знал, стоит ли его останавливать. Точнее не так: будет ли это безопасно для него, тем более когда Стефан только-только отошёл и удалось задышать полной грудью.

– Я и не думал, что ты вампир, – решился—таки сказать Ален.

– А? Правда? Даже как-то жаль, – пожал плечами Стефан.

– Сколько тебе лет?

Стефан ответил довольно быстро, без раздумий:

– Двадцать один. Давай, спроси: «И давно ли тебе двадцать один?». Чтобы я ответил «Уже да». Хочешь?

Алену казалось, что он говорит с умалишённым. Все доводы, которые он приготовил для диалога, испарились из головы под гнётом бреда собеседника. И без того было ясно, что разговор выдастся непростым, но чтобы настолько, что почти терялась нить рассуждений...

Стефан остановился у окна, отодвинул занавеску и устремил взор вверх, словно пытаясь что-то высмотреть в небе.

– Я был на премьере первой части в кино. Какой-то спекулянт продавал билеты втридорога рядом с кинотеатром, представляешь? А я подобрал билет на земле – какой-то олух уронил! – Стефан снова захохотал, но уже совершенно обычно – так, словно рассказывал шутку. – Столько народу было. Я бесплатно прошёл...

– Ты пошёл туда один? – прервал словесный понос Стефана Ален. Тот не понял причину вопроса и ответил возмущением.

– Вообще-то да. Я и без компании хорошо себя чувствовал.

– Разве детям можно в раннем возрасте ходить в кинотеатр одним?

– Причём тут дети? – спросил Стефан, раздраженный тем, что его перебили.

– Ты ходил прям на премьеру фильма, когда его только пустили в прокаты?

– Да! Что за вопросы дурацкие, а? Я же сказал: я был на премьере.

Губы Алена сами по себе разошлись в широкой победоносной улыбке. Он торжествующе скрестил руки на груди, с хитрым прищуром глядя на Стефана.

– Вот ты и попался. Премьера фильма была в 2008 году. Тринадцать лет назад. Тебе должно было быть восемь. Но ты

не был ребенком, когда туда ходил.

---

[1] – в переводе с итальянского «Делать мне больше нечего»

[2] – в переводе с испанского «Черт возьми!», «Проклять!»

[3] – в переводе с испанского «дурак»

## Глава 7. Вместе солнцу и луне не светить

Сердце пропустило удар от внезапного осознания: он прокололся.

Стефан сел на кресло рядом с диваном. Сдаваться он не собирался.

– Ну и?

– Что? – не понял Ален.

– Твои слова – это ничем не подкрепленные пустые доводы. Выдумка. В детском саду, наверное, неплохие истории сочинял?

– А у тебя есть опровержение? И да, в детский сад я никогда не ходил, – парировал Ален. – Но если бы ты считал, что это действительно выдумка, то реагировал по-другому. Засмеялся бы например, послал. А то вон, занервничал сразу.

Стефан поёрзал в кресле, пытаясь расслабиться и стереть все эмоции с лица, возвращая ему привычное состояние – безразличие.

– И ты серьёзно в это веришь?

– С каждой последующей твоим действием – да, все больше и больше. На самом деле я согласен, что звучит бредово и в это трудно поверить, но иного объяснения я не вижу. Ах да, – прервался Ален, вспомнив о чём-то. Он потёр под-

бородок, будто сопоставлял еще одну деталь с уже имеющимися фактами, и продолжил: – В первый день в этом доме, когда мы поругались и я сказал, что ты не намного старше меня, ты вспылил. Сказал, что я даже понятия не имею, что и сколько ты пережил.

– Эти слова абстрактны, и их можно к чему угодно написать.

– Согласен. Вообще я бы никогда не выдвинул теорию о том, что какой-то человек может быть бессмертен, если бы не увидел твои раны. Сейчас их нет, а прошло очень мало времени. Уже на основе этого я стал складывать пазл в голове.

Стефан положил ладони на предплечья, большими пальцами пройдясь по неровностям шрамов.

Он считал себя неуязвимым и виртуозно скрывающим правду, но на деле всегда был неосторожен. Он постоянно оставлял едва заметные следы – такие, что простой обыватель даже не обратит внимания. А если и обратит, как, например, Джоб, то никогда не сможет их соединить в целостную картину. Но в каждом действии, взгляде, слове Стефана при тщательном наблюдении можно найти отголосок того, что он прятал.

Стефана все считали странным, чувствуя неестественность, но никто не мог это идентифицировать.

Ален стал первым человеком, понявшим суть Стефана. И это пугало.

– Не суй свой нос в чужие дела. Зачем тебе вообще знать что-то обо мне? – сдался Стефан, понимая, что не может контролировать эмоции. Они ему не подвластны. Это он сейчас в их власти.

Стефан ощутимо нервничал. Он чувствовал себя беспомощным и уязвимым. Как открытая книга перед Аленом.

Неуютно. Хотелось закрыться и чтобы Ален больше никогда не поднимал эту тему, но Стефан знал: это невозможно.

Поэтому Стефан косил под дурачка и кормил Алена словесным салатом про «Сумерки», нёс несусветную чепуху, чтобы запутать, сбить с толку и чтобы Ален совсем забыл, зачем начал разговор. К сожалению, это не удалось и он оказался в собственной ловушке. Стефан был удивлен, что Ален сумел сохранить ясность ума.

Он опасался, что однажды эта тема будет поднята. Дискомфорт и без того приносили вопросы Джоба, но если с ними ещё удавалось справиться, то вот Ален... Он Намного более прилипчивый и бесящий.

На мгновение это показалось проблемой, высосанной из пальца. Обычно, когда дело пахло жареным, Стефан собирал скудные пожитки и навсегда исчезал. Его в этом мире ничего не держало. Он очень давно не был привязан ни к месту, ни ко времени. Ни тем более к людям.

Сейчас, когда гарью пахло ещё за километр и валил дым гуще, чем от трейлера, Стефан даже не допускал мысль о том, чтобы сбежать. Вместо этого он глупо трясся, как оси-

новый лист на ветру.

Просто уйти, раствориться в ночи, бросить всех и всё, ничего не сказав. Будто его никогда здесь и не было – он все равно не оставил после себя ничего, кроме пепелища в трейлерном парке. Ну же! Это несложно. Он начинал заново тысячи и тысячи раз. С новыми лицами. В новом амплуа. Однако он продолжал смотреть на усыпанное веснушками лицо напротив.

– За тем, что я с тобой живу, и я имею право знать, что за человек ест со мной за одним столом, сидит на одном диване в гостиной и далее по списку, – объяснил Ален с неожиданной твердостью в голосе.

– Надо же, как заговорил. Больно ты осмелел на чужих харчах? – сказал Стефан, злясь от того, как напирал Ален. Ещё недавно этот сопляк и пискнуть в ответ ничего не смог, когда Стефан схватил его за подбородок. – Вали, если тебя не устраивает мое соседство.

– Валишь будешь только ты. Не тебе первому босс предложил этот дом.

Стефан заскрежетал зубами и уже приготовил слюну для того, чтобы харкнуть в лицо перед ним. До костей пробирала злость на Алена.

– Если ты думаешь, что я тебе что-то скажу, то даже не надейся. Я не обязан отчитываться. Тем более перед тобой.

Стефан посчитал, что этими словами он поставил точку. По крайней мере, для себя. Это побег. Типичная и самая без-

опасная для него модель поведения. Он никогда не расскажет о себе.

Все запутано, и в этом весь я[1]: Стефана тяготило непонимание окружающих, но, когда появился тот, кто поверил в его историю, закрылся в нежелании делиться.

Потому что это пугало.

– И долго ли ты еще сможешь бегать, Стефан? Долго будешь увиливать, когда люди будут задавать тебе вопросы?

Стефан поднялся с кресла, идя к лестнице. Он не был намерен вести пустые беседы.

– Столько, сколько понадобится. У меня в запасе еще очень много времени. Намного больше, чем у всех в этом мире.

Этим он провел черту и подтвердил достоверность слов Алена. Зачем?

Стефан успел взобраться на несколько ступенек, и его нагнал Ален.

– И все же объясни мне, откуда у тебя эти раны. Поподробнее, пожалуйста. А то я знаю, как ты отвечаешь. Что значит «Ненависть кое-кого из прошлого»?

Стефан вздохнул. Он не испытывал сейчас ни страха, ни дискомфорта – только усталость. К нему вернулось понимание, что из него не вытянут слова, если он не захочет. Он может оставить человека с неотвеченными вопросами, и ничего ему за это будет. Что-что, а непонимание других его точно не волновало. Все под контролем.

Но так хотелось поскорее закрыть эту тему.

– Проклятие Аннабель.

– Ты сейчас серьёзно?

Брови Стефана удивленно приподнялись. Снова что-то не так...

– Тебе опять не нравится?

Теперь настала очередь Алена обреченно вздохнуть. Он выглядел, как мать, которой сын безбожно лгал, что не курит, а она лично видела его за гаражами.

– То, что ты продолжаешь вешать мне лапшу на уши, как с «Сумерками».

Стефан непонимающе уставился на Алена, а тот выжидающе смотрел на него. Переглядки длились несколько минут: никто из них не понимал собеседника. Что он хочет, что пытается донести?

И только когда Алена, разочарованный в Стефане, собрался опередить его, так как невозможно было ничего вытянуть, Стефана осенило и прорвало тихим хохотом.

– Вот дурдом, – заключил Стефан, упершись рукой в перила, иначе бы точно покатился по лестнице от смеха. – Это фильм такой что ли? Я даже не знал.

Алена развернулся.

– Да, – медленно произнес он под непрекращающийся смех Стефана. – Фильм ужасов.

– Ну, спасибо, что не комедия. – Стефан вытер выступившие в уголках глаз слёзы. – А то звучало бы как издеватель-

ство.

Ален ожидал продолжения, но оно не последовало. Стефан поднялся по лестнице и пошёл к двери своей комнаты.

– Проклятие, получается... Аннабель – это та девушка, имя которой ты кричал во сне. И она много значила для тебя? Но почему она тебя прокляла?

Стефан осторожно дёрнул ручку двери, чтобы сильно не шуметь и не будить Джоба.

– Спи спокойно, – бросил напоследок Стефан и, войдя в комнату, закрыл за собой и оставил Алена наедине с ворохом вопросов.

Теперь есть человек, который знает, что Стефан бессмертен, а творящееся с его руками – последствие проклятия.

От этого к горлу подступал ком, а в груди закручивался узел тревоги. О нём знают больше, чем он хотел бы. Но он сам этому поспособствовал.

\*\*\*

Стефан разомкнул веки в привычные для себя шесть утра и поднялся почти сразу, надеясь позавтракать в тишине и одиночестве.

Однако даже эти планы полетели крахом. На кухонном столе стояла недопитая кружка чая и лежала какая-то тетрадь, которой вчера не было.. Тоненькая, самая дешёвая из всех, что можно найти. В неё была вложена ручка на страницах, где остановился владелец. Интересно, что там написано?

Поначалу Стефан подумал, что это тетрадь Джоба. Ален обычно в такую рань не вставал, а о режиме сна старика Стефану не было известно. Вдруг тетрадь хранит учет зарплат всех сотрудников? Интересно было сравнить.

Легким движением руки он открыл тетрадь на странице, куда была вложена ручка, но никаких цифр там не было, кроме сегодняшней даты. Лишь предложения, написанные уборым почерком с таким нажимом, что аж хрустели листы и на обратной стороне оставались следы от нажатия.

Тетрадь эта принадлежала не Джобу.

*«Всю ночь проворочался и так не смог заснуть. Никак не получалось выбросить из головы разговор с Мартином и Пахитой. Мысли постоянно вертелись вокруг них. Тяжело думать о том, как они там без меня...»*

Не успел Стефан подумать о том, кто такие Мартин и Пахита, как дверь на втором этаже открылась. Стефан резко закинул отвернутые листы обратно и метнулся к холодильнику. Когда Ален вернулся, тот уже достал вчерашнее рагу.

– Доброе утро, – тихо отозвался Ален с зевком.

– Ага. Утра, – пробормотал Стефан, открывая микроволновку, чтобы поставить в неё порцию ужина, приготовленного Джобом вчера.

Он покосился на Алена. Тот открыл тетрадь на месте, где остановился, взял ручку, словно хотел продолжить писать, но передумал. Может, ощутил взгляд Стефана и стушевался? Он встал из-за стола и положил тетрадь на подоконник,

видимо, чтобы не мозолила глаза.

А потом налил в воду чайник и поставил его закипать.

Ален выглядел не выспавшимся и помятым. Сегодня у него, кажется, выходной, так что сильно бы ему это не помешало – мог спать сколько угодно.

Когда микроволновая печь пропищала, оповестив, что еда подогрета, мысли Стефана как раз обратились к неким Мартину и Пахите. Интересно, кто это? Друзья Алена, которых он покинул, сбежав из дома? Или его выгнали? Но отчего ж тогда Алену настолько трудно думать о том, как они без него обойдутся? Так сильно дорожит друзьями? Для него это характерно.

Жаль, что Стефан не успел прочитать больше. Ему хоть и все равно на людей, но довольно занятно наблюдать за их метаниями. Интересно узнавать, что у них на душе – просто ради любопытства, а не сбора компромата. Стефан любил наблюдать за скандалами, копаниями в чужом грязном белье, любил, когда выносят сор из избы и перемывают друг другу косточки. Стефана можно было назвать обычным сплетником, если бы ему было с кем сплетничать. А так он обычный мимокрокодил, требующий хлеба и зрелищ.

Стефан поставил тарелку на стол и сел напротив Алена, скучающе макающего чайный пакетик в кипяток новой кружки. Он подпер щеку свободной рукой и то опускал, то поднимал пакетик, казалось, на автомате, но оживился, когда сел Стефан.

Он смотрел так, словно вот-вот задал бы вопрос, но Стефан проигнорировал этот взгляд и с намеренно громким чавканьем начал есть. Ален даже не одернул его.

Спустя половину порции и выпитую чашку чая Ален все-таки озвучил то, о чем думал эти томящие его минуты:

– Сколько тебе на самом деле лет?

Брови Стефана поднялись от удивления. Он отправил в рот вилку, на которую подцепил кусочек мяса, и хмыкнул.

Ален вертел на пальцах язычок чайного пакетика, все еще подпирая одной рукой щеку – наверное, на ней потом останется красный след. Ждал. Наивно надеялся, что ему ответят?

– Двадцать один, – сказал Стефан и ехидно усмехнулся.

Ален недовольно зыркнул на него.

– Стефан.

– Мы с тобой что, закадычные друзья, чтобы я тебе все рассказывал? Ты и так знаешь слишком много. Больше, чем кто—либо ранее. Так что тешь этой привилегией свое эго, – ткнув вилкой в Алена, проворчал Стефана, надеясь, что тот уяснил с первого раза. Ален встал, чтобы подлить кипятка в кружку. Снова помакал уже использованный пакетик чая и так и не добавил сахар, а потом достал хлеб и джем.

Казалось, что разговор окончен, но внезапно Ален спросил:

– Ты часто сбегаешь?

– Постоянно. Я, можно сказать, кочевник. Это мой образ

жизни. И я не сбегаю, а просто уйду.

Ален поднял глаза с хлеба на Стефана, а затем вновь сосредоточил внимание на ноже, скользящем по куску.

– Уходишь от людей, которые пытаются узнать тебя лучше?

Стефан сделал глубокий изумленный вздох и только через время заметил, как сильно вцепился пальцами одной руки в столешницу.

Стефан испугался. Пацан видел его насквозь.

Сердце пустилось вскачь то ли от страха, то ли волнения, то ли от... предвкушения. Страшно, потому что Ален понимал логику Стефана.

«Я реакция, ты – рефлекс»[2].

На Стефана нахлынули чувства сегодняшней ночи. Все повторялось и утром. Он никогда до этого не встречал людей, которые хоть сколько-нибудь пытались разобраться в нем. Насколько далеко Ален мог зайти в собственных домыслах и догадках?

Может, он не мог уснуть из-за мыслей о Стефане, а не о тех двоих?

Во-первых, если Ален решит разболтать что-то, то ему никто и ни за что не поверит, даже если поверил он. Во-вторых, Стефана все еще ничего здесь не держит, кроме разве что личного комфорта, но и им нетрудно пожертвовать, чтобы отвязаться от назойливых мух в лице некоторых людей.

Стефана обуревала смесь контрастных эмоций, которую

очень сложно было осознать.

– Пятьсот шесть. Исполнилось в начале января, – огоршил он Алена, любясь чужим замешательством. Ален не нашел слов и шокировано уставился на него. Стефан решил не упускать момент и тут же спросил: – А кто такие Мартин и Пахита, м?

\*\*\*

Настала очередь Алена сдавленно вбирать ртом воздух от неожиданности. На смену изумлению пришло возмущение. Ален нахмурился и скривил губы:

– Ты что, читал мою тетрадь?!

– А чего ты её оставляешь где попало? – со смешком ответили Стефан. Он даже не пытался оправдаться. Его бесстыдство и прямолинейность обескураживали.

Внутри закипал праведный гнев за то, что Стефан покусился на чужую собственность. В груди все сжалось, будто что-то очень чувствительное и болящее с размаху ударили. То, чего касаться не должны были в принципе.

– А какое право ты имеешь трогать то, что тебе не принадлежит?! – парировал Ален, но его тут же заткнули:

– Ну, захотел и потрогал, что ты запричитал? Ты думаешь, что в этом мире всегда все справедливо? И что вопросы здесь задавать будешь только ты?

Алену так хотелось встать, дать сдачи не только словесно, но он не мог. Он будто бы одеревенел – ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни пошевелиться, ни тем более сказать. Язык не

ворочался.

Ален ненавидел себя за это.

В начале у него было много сил и достоинства отвечать обидчикам. В начале – это лет в пять-шесть. Но уже тогда начали подавлять волю Алена, пресекать попытки защитить себя: какое ты имеешь право так говорить со взрослыми; да кто ты такой, чтобы так отвечать; кишка тонка еще, чтобы с нами тягаться. И обижали еще больше. Лишь потом пришло осознание, что если стерпеть, все закончится быстрее, чем если бессмысленно бороться.

Это уже вошло в привычку – замирать и молчать, превращаясь в серый булыжник. Даже если хочется шевельнуться, вскрикнуть, то уже не получается.

А потом и в собственных, и в чужих глазах становишься безвольной тряпкой и слюняем.

Когда стихла первая буря ярости, на её место пришёл пожар тоски.

Для Алена тема брата и сестры было чем-то очень сокровенным. Тем, о чем не хотелось говорить. Тяжело. Так вот почему, наверное, Стефан злился, когда Ален спросил о его девушке Аннабель. Ему тоже было трудно вспоминать?

Это было похоже на бумеранг от Стефана, который воззвал в нем такой же ноющее чувство.

– Мои сводные брат и сестра, – выдавил Ален.

– Сводные? – переспросил Стефан уже в обычной для себя манере – никакого ехидства в голосе.

– Они мне не родные по крови. Мы дети, живущие в одной фостерной семье. Это когда сирот и детей, чьи родители не справляются со своими обязанностями, забирают на воспитание обученные люди.

– И как же это тебя, бедняжку, которого пригрели добросердечные фостерные родители, вдруг выгнали из дома? – покачал головой Стефан, от чего в горле встал ком, который просто невозможно было сглотнуть.

Ну точно как взглянуть в зеркало.

Стефан тыкал пальцем в небо, задевая за живое. Точно так же, как это делал Ален, посчитав, что проклятие – болезнь. Вот почему Стефана охватила злость. Вот почему было горько сейчас Алену, и хотелось тут же рассыпаться в объяснениях, что Стефан не прав и все совсем не так. Разница в том, что Стефан не собирался ему разжевывать свою жизнь.

Дверь из комнаты Джоба распахнулась. Он перевесился через перила, заглядывая на кухню.

– Опа, ребятки, вы уже не спите? Даже поели? Чего вы так рано встали?

– Не спится, – прочистив горло, ответил Ален.

– А я так всегда просыпаюсь, – холодно отозвался Стефан и пошёл мыть посуду.

Джоб заходяйничал на кухне, сыпля шутками и рассказывая о том, как проснувшись написал жене сообщение с извинениями, и она почти сразу ответила, что принимает их. Ещё он посоветовался с Аленом, какой букет выбрать, по-

казал фото с розовидными пионами, красными розами, хризантемами. Ален в цветах не разбирался, но розовидные пионы выглядели красиво.

– Согласен с тобой, Ален, – кивнул Джоб, убирая телефон в карман. – Жenuшка моя любит пышность и роскошь. Она у меня дама солидная, цену себе знает.

Он засмеялся, и Ален не смог удержаться от улыбки.

Стесняющие до этого грудь чувства испарились – им не было места рядом с весельчаком боссом. С ним просто невозможно грустить: хоть иногда он и шутил невпопад, порой его слова были такими искрометными, что сдержать смех не представлялось возможным. Он облегчал душу лишь своим присутствием, вселял уверенность в завтрашнем дне. Он был как непоколебимая опора. Рядом с ним будто под ногами твердела.

Стефан, убрав за собой, ушел в комнату, а вернулся с мокрыми волосами, ставшими от воды сосульками, с которых капала вода.

– Старик, едем вместе? – спросил он.

– Спрашиваешь, Стефан! – подмигнул Джоб и похлопал Стефана по плечу. – Больше вас я стеснять не буду, сегодня домой поеду.

– Лаура смилостивилась над тобой? – усмехнулся Стефан, и Ален посмаковал на губах это имя. Лаура. Красиво. Наверно, и жена Джоба тоже красивая.

– Ага, – покачав головой, ответил Джоб. Себе на завтрак

он приготовил яичницу, и уже собрался накормить Алена, но тот отказался. Аппетита не было – с трудом удалось втолкнуть в себя хлеб с джемом.

Стефан ушел в гостиную, ожидая Джоба, и Алена почему-то поплелся за ним.

От Стефана исходил холод. Кожа бледная, а волосы и глаза для неё чересчур темные. На секунду в голове промелькнула мысль, что от Стефана несет холодом могильного кафеля, но Алена тут же отменил её как нелепость.

Стефан живой. Он теплый – тепло его тела и дыхания Алена чувствовал рядом с собой. Но... Так странно осознавать, что Стефан жил уже несколько веков. Пятьсот шесть лет. Он родился в 1516 году. Жизнь тогда кардинально отличалась от нынешней.

– Каково это жить пятьсот лет? – произнес мысль вслух Алена и пожалел об этом. Он приложил руку ко рту, чтобы из него больше ничего не вырвалось. Алена посчитал, что Стефан взбесится от этого вопроса, однако тот ответил:

– Долго и бессмысленно. – Вот так коротко и абстрактно, что в духе Стефана. – А fosterные родители тебя совсем не любили?

Алена сел рядом со Стефаном. Черные глаза не блестели и снова казались безжизненными.

– Мягко сказано. Они, конечно, больше не обязаны меня содержать после совершеннолетия, но все равно поступили как-то жестоко...

– Вот и «бессмысленно» – это «мягко сказано», – Стефан снова по собственной хотелке приоткрыл завесу тайны, показав, что за теми тремя словами скрывалось намного больше смысла.

Ален удивился этой песчинке откровенности. Портрет Стефана собирался не то что по кирпичикам, а по крупинкам.

Он открыл рот и набрал воздух для нового вопроса, но Стефан вдруг посуровел.

– Хватит. Ты особенный что ли, чтобы я отвечал на все твои вопросы?

С ним все еще сложно.

\*\*\*

Может, Стефан и позволил правде раскрыться, может, ему и было любопытна реакция Алена на его историю, но наглеть он не позволит. Стефан любит слушать чужие истории, но в собственной копаться не позволит.

Однако было занятно, что фостерные родители относились плохо к Алену. К такому хорошенькому пай-мальчику, как он? И что ж в нем им не приглянулось? Стефану казалось, что он из тех детей, которые не доставляют проблем и выполняют все, что им поручат. Интересно, а что стало тогда с родными родителями Алена?

– Удивительно, что тебя не любили, – вдруг сказал Стефан.

– Что? – растерялся Ален.

Стефан развел руками.

– Ты же весь такой замечательный. Со всеми здороваешься, всем улыбаешься. Очень приветливый и доброжелательный. Сияешь и светишь другим. Про таких говорят – солнце. Как же это солнце не любили родители?

Ален поджал губы, стараясь сдержать их дрожь. Потупил взгляд, пряча глаза, которые застелила пелена слез.

Стефан удивился. Он говорил с иронией, но не желая обидеть. Если бы и хотел, то говорил грубее.

Он не знал, что эти слова всколыхнули в Алене многолетнюю тоску и непонимание: «Действительно, а почему же меня никогда не любили? Что я в этой жизни сделал плохого и чем такое заслужил? Неужели только тем, что родился?»

Ален ушел на кухню, забрал с подоконника тетрадь, вернулся, судорожно полистал её, видимо, только для того, чтобы успокоиться. Придя в себя, он уже твердым голосом спросил:

– Если я солнце, то кто ты?

Стефан задумчиво потер подбородок.

– Луна, – без раздумий ответил Стефан. – Холодная, опасная, с безжизненным светом, – Ален удивился тому, как совпали его внутренние ощущения с этими словами. – На луну воют свирепые волки, при полной луне оборотни превращаются в зверей. Мое проклятие просыпается в полнолуние, – Стефан помолчал, придумывая, что бы еще такого пафосного сказать, и подытожил: – И вместе солнцу и луне не све-

ТИТЬ.

\*\*\*

Стефан и Джоб уехали на работу, оставив Алена одного дома. Тот подменился с другим кассиром, и теперь у него было три дня выходных, после которых он будет работать три дня подряд.

Смена проходила спокойно. Не было Алена – не было и искрящейся атмосферы праздника. Да, Джоб неустанно шутил и хлопал всех по плечам, рукам, спине, подбадривал и спрашивал, как у кого дела, но это другое. Настолько привычное, что почти незаметное.

Стефан решил оглядеться и заметил кое-что интересное: Эмбер шушукалась с Биллом в любую свободную минуту и после каждого отнесенного клиенту заказа отсалютовала ему ладонью. Казалось, Билл этого не замечает, – настолько у него безучастное лицо – однако об обратном говорил скупой кивок в ответ. Эмбер, видимо, этого было достаточно с лихвой, потому что она уходила из зала с улыбкой, предназначенной все тому же несчастному Биллу, который собирался с силами перед каждым идущим к кассе человеком.

Как вообще Эмбер общалась с этим полуживчиком? Что она в нем нашла? Минимальная отдача, а у неё уже улыбка до ушей? Девочка, не в того ты влюбилась!

Да, Стефан считал, что Эмбер влюблена в Билла, причем безответно. А если и взаимно, то это проигрышный вариант. Стефану на её месте сил бы не хватило тягать эти отношения

за двоих.

(Ложные в очередной раз умозаключения Стефана разобьются вдребезги этим же вечером)

Далее он заметил, что уборщица Лана часто стояла у барной стойки перед здоровяком Майклом, который что—то воодушевленно рассказывал ей, протирая стаканы. Они оба смеялись над особенно забавными моментами. Стефану казалось, что Майкл мог пришибить Лану одной рукой, и от нее бы мокрого места не осталось. Они выглядели так контрастно друг с другом: он двухметровый качок, а она маленькая, худенькая.

На перерыве Стефан не ушел в магазин, потому что испортилась погода. Внезапно начался мелкий дождь, и выходить из теплого помещения пропало желание. После перерыва посетители заходили редко, а если и приходили, то Лане постоянно приходилось подтирать за ними мокрые следы.

Во время обеда Стефан заметил, что мигранты не просто так вместе сидели и болтали на своем, а смотрели какие-то видео. Проходя мимо золотой троицы, Стефан заметил, что это были либо передачи, связанные с природой нездешних краев, либо новости. Наверное, они скучали по родине.

А повара играли в... Слова. Если Якоб, Боб и Питер рубились в картишки, то вот они... в слова. И в города...

Если оглядываться вокруг, можно столько всего нового заметить.

Стефан хоть и был наблюдателем, в то же время он не осо-

бо обращал внимание на других. Он всегда упускал много деталей. В отличие от Алена, который смог его раскусить.

\*\*\*

Вечером накрапывающий дождь превратился в водяную завесу, смывшую с улиц всех прохожих. Стефан зашел в дом, ощущая себя мокрой дворовой псиной. Хотелось стряхнуть с себя всю влагу, как раз-таки подобно собаке.

Сняв мокрую куртку и хлюпающие ботинки, Стефан поплелся в ванную. Мокрые джинсы неприятно липли к ногам, а волосы, как и утром, снова свисали сосульками. Какой смысл было тогда мыть голову утром? И дернул же черт отстегнуть капюшон от куртки, потому что он слишком громоздкий. Уж лучше с этим мешком на голове, чем вообще без него...

Когда Стефан поднялся на второй этаж, дверь в комнату Алена открылась. Человека, стоящего в проеме, Стефан никак не ожидал увидеть.

Перед Стефаном с мокрыми волосами и в одной футболке на голое тело стояла Эмбер. Она изумленно хлопала глазами, глядя на промокшую неину-Стефана. Тот же едва преодолел силу притяжения челюсти к полу.

Что она здесь делает? В доме, где живет Ален и Стефан? В футболке Алена...

Какая же она красивая.

Стефан никогда не рассматривал эту девушку вблизи, и уж тем более *как девушку*. Но эта тонкая красивая шея, вы-

пирающие острые ключицы, виднеющиеся из-под широкого ворота футболки, стройные ноги и... Несомненно выразительные глаза. Именно глаза. Стефан немного потерялся.

– Невежливо так нагло разглядывать девушку, Стефан, – укоризненно произнес вдруг выросший за её спиной Ален.

Стефан подпрыгнул на месте от неожиданности и метнул глазами искры. Серьезно? Ему ли отчитывать его!

– А вежливо ли приглашать не только в твой дом без ведома соседей своих девушек? – чтобы поддеть, съязвил Стефан.

– Каких девушек? – не понял Ален.

Да уж, не Билл, так Ален... Тоже не лучший выбор... Вкус Эмбер явно страдал.

– Ты идиот? – вмешалась Эмбер, огорошив вопросом ещё больше.

---

[1] – строчка из песни pyrokinesis «отказываю небу»

[2] – строчка из песни МУККА, pyrokinesis «чёрное сердце»

## Глава 8. Бьет меня её нежное электричество

Эмбер смотрела в сторону Стефана, но так как за спиной появился Ален, не было понятно, к кому она обращалась. Для Стефана всё очевидно:

– Он-то определенно, – уверенный в своей правоте, торжественно подтвердил он, показывая пальцем на Алена. Тот же вообще перестал улавливать суть происходящего.

Конечно же, Ален идиот, раз сначала привел в дом Эмбер, а потом спрашивает, какая такая девушка.

Эмбер скрестила руки на груди.

– Ладно, не буду вам мешать. Воркуйте, но только потише.

– Ситуация даже печальнее, чем мне рассказывали. Ален, почему ты мне не сказал, что твой сосед – это совсем безнадёжный случай?

– Эм... – единственное, что выдавил Ален, не в силах подобрать слов.

Стефан удивленно вскинул бровь.

– Ты нас с ним случайно не перепутала? Меня, если что, Стефаном зовут. Мы вместе работаем, должна знать.

– Я знаю, как тебя зовут, и я все правильно сказала, идиотина! – не выдержала наконец Эмбер. – Идиотом я назвала *тебя!*

Стефан был обескуражен громким заявлением. Все лежало, казалось, на поверхности: Стефан заговорил про девушек, Алэн ничего не понял и вопросом будто отпирался, а Эмбер возмутилась, обозвав его. Стефан чувствовал себя несправедливо осужденным.

– И чем я заслужил немилость? – искренне недоумевал он. В голосе слышались нотки недовольства.

Эмбер вздохнула и заложила за ухо мокрую прядь.

– Потому что ты узкомыслящий болван. Если парень пустил в дом девушку, они необязательно встречаются. И как тебя предупреждать, когда ты телефон раз в полгода включаешь?

После услышанного Стефан упал с небес на землю, осознав, с кем говорит. Эмбер – его коллега по работе и подруга Алэна. Очарованный её красотой, он оттеснил на второй план эти факты, хотя делать этого не стоило. Она изначально предвзято настроена к нему, тем более, что ей о нём точно ничего хорошего не рассказывали.

Стало неприятно, что Эмбер ткнула в очевидный факт о невозможности поддержания связи. «Правда глаза режет», – так сейчас можно было сказать о Стефане.

Ох, остра же она на язык. Стефан никогда с Эмбер не общался и знал о ней меньше, чем о Билле. А она, оказывается, чертовка.

На этом и разминулись: Стефан пошел к себе, а Эмбер и Алэн спустились на первый этаж.

– Он реально всегда такой отмороженный?

Если уж было выдвинуто предположение, что Стефан отмороженный, то Ален сейчас был «размороженный»: встрепенулся, будто пробудился ото сна, а точнее, от ступора, в который его вогнала ситуация.

Стефан как бы невзначай задержался из любопытства.

Ален в раздумьях закусил губу, сдирая с неё кусочек кожи.

– Зачастую, – признался он спустя недолгую паузу.

Стефан громко захлопнул за собой дверь.

\*\*\*

Стефан принял душ, переоделся и спустился в прачечную. На сушилке висели мокрые вещи Эмбер – от кофты до лифчика. Хорошо, допустим, она попала под дождь, но как оказалась с Аленом?

Вытираясь полотенцем после запуска стиральной машинки, Стефан зацепился взглядом за кружево на серых чашках лифчика. Он потянулся к нему рукой, но на полпути передумал и откинул мокрую челку со лба.

Грабли ничему не учат – Стефан в Эмбер видел в первую очередь девушку, а потом уже все остальное.

Выйдя из прачечной, он с высоко поднятой головой прошествовал мимо Эмбер и Алена, расположившихся в гостиной. Они не удостоили Стефана и взором. Но Стефан был уверен, что они обсуждали его и говорили, какой он нехороший человек.

Однако...

– Масло не стоит лить, их нужно жарить на сухой сковороде.

– А, точно, блин!... – хлопнув ладонью по лбу, вздохнул Алэн. Эмбер засмеялась и ткнула его пальцем в веснушчатую щёку. Але глупо улыбнулся, ткнув её в щеку в ответ.

Они говорили о панкейках...

Ален все-таки обратил на Стефана внимание:

– Эй, Стефан, все в порядке?

«Конечно, не в порядке», – сразу же подумал тот, но мысль не озвучил. Естественно, ничего не в порядке, когда тебе указали на собственные недостатки и когда в доме находится малознакомый человек странного внешнего вида.

Присутствие Эмбер Стефан мог стерпеть, – ему не впервой, он и не с такими личностями делил пространство. Да и что поделаешь, если Эмбер уже тут, а вся её мокрая одежда сушится в ванной. Не выгонять же на холод в чем есть.

Но вот от едких слов девушки осадок остался.

Стефан знал, что он нехороший человек. Он, как помнил, был таким не всегда, но растерял все хорошее. Может, проклятие разъело и мозг, оставив липкую черноту.

Часто Стефану было тошно от себя, но он уже не знал, как по—другому. Может, только и оставалось, что дожидаться собственного безумия? Он уже на верном пути к этому.

Стефан собирался проигнорировать реплику Алэна, но зазвонил телефон Эмбер, который она держала в руках. Де-

вушка поспешила ответить на звонок.

– Алло? – произнесла она. – Да, попала под ливень, когда домой возвращалась, и ещё, ты прикинь, поскользнулась и в лужу с грязью упала! – Эмбер на эмоциях даже вскинула руку вверх. – Это кошмар. Спасибо, что не плашмя, а то бы даже лицом в грязь, но брызги и на него попали. Фу, и не говори, на волосы тоже! В общем, я пришла к Алену, его дом как раз по пути.

Вот оно как. Она жила рядом, поэтому она оказалась в здесь. Неужели Эмбер живёт так близко? В их районе? А может, даже на их улице? Или даже в паре домов отсюда!

– Конечно, я помылась и всё сразу перестирала, эту одежду просто невозможно такой снова надеть, – продолжала бурную дискуссию с кем-то Эмбер. Ален тактично молчал. Судя по его лицу, он понимал, с кем говорит подруга. Для Стефана же это было загадкой.

Под шумок он свинтил на кухню, чтобы поставить чайник, но он не переставал держать ухо в остро.

– Билл, можешь, пожалуйста, принести мне одежду? Я не хочу ночевать здесь, а вещи не успеют высохнуть, – Эмбер огорошила озвученным именем. Что-что, но Стефан точно не предполагал, что она будет разговаривать с ним, как со своей подругой.

Ладно. Стефан думал, что Эмбер и Ален нравится. В чтении этой девушки-загадки он вообще не силен. Она удивляла все больше и больше.

– Если что, я могу постелить тебе в третьей комнате, – вполголоса предупредил Ален.

Эмбер отвлеклась на него, убрала трубку от уха и так же в полтона ответила:

– У вас, конечно, хорошо, но у меня дома вся уходовая косметика, так что извини, я не могу. Алло? – повторила она, вернувшись к телефонному диалогу. – Да я Алену сказала, что не могу у них ночевать. Да-да, гели, тоники, масочки, конечно, всё как всегда. Хочешь со мной сделать? Какая тебе там понравилась? Ну вот, если принесешь мне одежду, то будет тебе масочка в кокосиком. Все, иди вещи мне собирай, я тебя жду. Дом на ключ не забудь только закрыть.

Стефан стоял, замерев у кухонного стола. Чайник щёлкнул, оповестив о вскипании воды.

Что за сахарная интонация, какая ещё маска с кокосом, какой ещё дом на ключ? Боже, в голове Стефана все смешалось в непонятную кашу.

Если дом на ключ, то Билл был вхож в её дом? Или они живут вместе? Стефан запутался окончательно!

– Неужели так важна для тебя эта уходовая косметика? Зачем она? – недоумевал Ален, пока Стефан макал чайный пакетик в кружку.

– Пятиступенчатый уход, уж извини, – развела руками Эмбер, но по лицу Алена было очевидно, что эти слова для него ничего не значили. – Она нужна, чтобы моя кожа была в оптимальном состоянии. Я сейчас и так довольствовалась

лишь умыванием водой, не очень приятно было. Нет, у вас правда хорошо, но я и стеснять вас не хочу. Дома не только косметика лежит, но и спится в принципе лучше.

Стефан с сомнением взглянул на сахарницу и решил, что сейчас будет довольствоваться крепким черным чаем – на зубах до сих пор ощущалась сладость слов Эмбер, обращенных к Биллу. Когда он вышел из кухни, то снова был остановлен Аленом:

– Стефан, к нам сейчас придет Билл с вещами для Эмбер, чтобы она домой ушла.

Стефан глядел из-под полуприоткрытых век на Алена и боролся с желанием послать его. Тот теперь предупреждал о каждом действии, словно напоминая, что со Стефаном не свяжешься. Стефан сдержался. Он оставит свой гнев на запоздалый вопрос, который возник ближе к вечеру за протиранием столиков в кафе. Поэтому лишь произнёс:

– Я не глухой и слышал ваш разговор. Вы слишком громкие.

Он почти ушел, но его затормозила на этот раз Эмбер:

– Стеф, присядь-ка.

От резкой остановки горячий чай заплескался в кружке, маятникообразно ударившись о стенки.

Как она его назвала?!

– Я Стефан.

Эмбер хитро улыбнулась.

– Садись, Стеф. Давай поговорим, пока Билл не пришёл.

Стефан колебался, прямо как его чай секундами ранее. Наглости девушке не занимать. И она совсем не опасалась Стефана, даже не напрягалась в его присутствии, как Ален. Не остерегалась его.

Она выглядела так, словно это Стефану придется напрягаться рядом с ней.

Стефан не любил, когда к нему так обращались. Эмберхватило наглости сделать это дважды. Она, *разумеется*, поняла смысл поправки Стефана.

Только одному человеку разрешалось употреблять эту форму его имени.

Стефан втянул носом воздух и, надеясь стать свидетелем чего—то незаурядного, примостился на кресло напротив. Уже излюбленное им место. Другого он бы сиюминутно и жестко осадил за вольность, но в случае Эмбер просто... Не мог. Он ждал. Она заинтриговала его.

Шокировали излишние, как ему казалось, открытость и раскрепощенность Эмбер. Для Стефана было неприемлемым, что девушка сидит перед парнем в минимальном количестве одежды, хотя у Эмбер все прикрыто. Может, он и правда узко мыслит?

Его не покидало едва осязаемое чувство того, как Эмбер захватила пространство дома. Она заполнила его собой и практически подчинила. Будто не Стефан и Ален были хозяевами, а она. И, чего греха таить, подчинила себе она не только дом, но и находящихся в ней.

За Алена Стефан не брался отвечать, но вот за себя...

Она пришла внезапно и вела себя так естественно, словно для нее здесь все знакомо. Эмбер выглядела как девушка, не имеющая преград и знающая, чего хочет от жизни. У неё нет мечтаний – только цели, которых она обязательно достигнет.

Это читалось в пронзительном взгляде зеленых глаз, контрастирующих с темно—каштановыми волосами до лопаток. Глаза бесстрашной девушки, взгляд которой давал понять, что нет того, кого бы она боялась. Угрюмый Стефан ей явно не ровня.

Эмбер сидела на диване рядом с Аленом, подогнув под себя ноги. Ален же находился в расслабленной позе, откинувшись на спинку дивана. Один только Стефан был напряжен.

Он давно не ощущал такого трепета перед девушкой.

– Как дела? Как смена прошла? – поинтересовалась Эмбер, в упор глядя на него.

– Ну, эм... Нормально. Мы же вместе работали, ты сама все видела.

– Я хотела узнать, как эта смена прошла *для тебя*, – уточнила Эмбер, накручивая на палец мокрую прядь волос. – Ален, у вас нет фена?

– Прости, но никто из нас не обладает такой роскошной шевелюрой, как у тебя, – разведя руками, огорчил девушку Ален. Он сидел, как в первом ряду театра, где проходил спектакль двух актеров. Наслаждался зрелищем, довольный до усрачки.

– Ну как отработал, Стефан?

Стефан бы обязательно вспылит из-за Алена, да только мысли его были сосредоточены на вопросе Эмбер. Зачем ей было знать, как он относится к работе? Эта деталь явно имела значение, но Стефан не мог понять почему. Единственное, что было ясно, – ответ Стефана она проанализирует и сделает вывод.

– Обычно, Эмбер, обычно. Без происшествий и хорошо.

Эмбер кивнула и опустила руку на ногу, погладив её. Идеально гладкая, слегка загорелая кожа. И, наверное, очень нежная.

– Мы с тобой работаем вместе уже несколько месяцев, но за все это время толком и не разговаривали, – подметила девушка. Стефану не оставалось ничего, кроме как согласиться.

– И ты решила, что это хороший повод начать?

– Почему нет?

– Ну, вообще мы уже разговаривали. Ты спросила, как я живу, раз у меня так сильно руки болят, а я тебе между прочим ответил, – вспомнил Стефан, но не просто так. Он тоже мог проверить реакцию девушки. Может, Алел разболтал ей *все*, и тогда положение Стефана станет ещё более затруднительным? Так или иначе, фоновое тревожило, что информация вышла из-под контроля, а уверенности в Алелене не было. Тот мог сказать специально, – кто его знает? – а мог и случайно сболтнуть.

Ален изменился в лице, а вот Эмбер была в замешательстве.

– Не помню такого, – девушка нахмурилась, точно пыталась вспомнить, но безуспешно. Похоже, она не врала. – А раз я забыла, значит, это незначительная деталь.

Тогда была суматоха, а её вопрос и его короткий ответ – капля в море того дня.

– А тебе сейчас нормально? – к слову спросила Эмбер и остановила взгляд на ничем не прикрытых руках Стефана. Да уж, они воистину стали достоянием общественности.

– Мне супер. Спасибо за беспокойство, – поблагодарил Стефан, краем глаза заметив, как вверх поползли брови Алена, а глаза шокировано округлились.

– Надо же... – не удержался он от комментария.

Эмбер тут же повернулась к другу.

– Что?

– Стефан сказал «Спасибо»...

– Он никогда его не говорил? – не унималась Эмбер.

Ален взглянул на подругу, поджав губы с траурным выражением лица, мол, от Стефана ожидать вежливости – смерти подобно. Стефан вздохнул. Ну да, Алена он ни разу не благодарил, но это не значит, что он слов таких не знает.

Это вырвалось на автомате. Стефан еще с юности, пришедшейся на Средневековье, с большим уважением относился к женщинам. Тогда ему многие говорили, что не нужно церемониться с ними, мол, не стоит того, но иначе Сте-

фан не мог. С самой главной любовью, своей женой Аннабель, он обращался, как с главной драгоценностью. С другими девушками он тоже был предельно вежлив, и многих это подкупало.

Правда, за чернушную часть долгой жизни он понял, что некоторым женщинам просто не нужны его манеры. Стефан попробовал на вкус разочарование, растратил пыл, но... Женщин он любил. Сильно. И тема отношений была важной стороной его жизни. Пожалуй, она стала одной из причин, почему Стефан отдалился от общества и начал жить одиночкой.

«Мне проще и лучше закрыться в себе,  
Чтоб никого впредь мне не обижать»[1]

Наверное, именно из-за заложенного фундамента об отношениях Стефан ещё не разложился окончательно как личность. «Спасибо», адресованное Эмбер, – это не случайность и не прихоть, а принцип, вшитый под кожу.

Эмбер потеряла подбородок.

– М-да, и правда тяжелый случай, – протянула она. Стефан закатил глаза, начиная раздражаться.

– Ну и что же ты тогда решила завести диалог с таким тяжелым случаем, как я? Прибереги нервы для чего—то более стоящего.

Девушка внезапно посерьезнела, но уже не от задумчивости, а от злости.

– Да мне плевать на тебя, – процедила Эмбер, и Стефана

аж вжало в кресло. – Как только я устроилась в кафе, я поняла, что ничего путного из общения с тобой не получится. Но мне не плевать на него, – девушка указала на Алена, – и я хочу понять, с каким чучелом живет мой друг.

– Эмбер... Не стоило так... – Алена положила руку на плечо, но та стряхнула с себя его большую ладонь.

– Как «так»? Резать правду-матку? А кто он еще, если не чучело? Строит из себя не пойми что и ходить с вечно недозволенной рожей! Меня от таких тошнит!

Грубые слова Эмбер вонзились в Стефана, как лезвия ножей с зубринами. Они выбили своей атакой весь воздух из легких.

В дверь позвонили.

– А вот и Билл!

Алена спрыгнул с дивана и направился в прихожую. Эмбер резво понеслась за ним.

Стефан перевел дух и наконец отпил чай из кружки, который уже остыл. Не оставалось ничего, кроме как допить залпом.

– Привет, Билл, – поприветствовал коллегу Алена.

– Здорово! – после прозвучал хлопок руки об руку – Алена и Билл обменялись рукопожатиями.

– Ну, наконец—то ты пришел! – подбоченясь, буркнула Эмбер. – Давай сюда.

Она зашелестела пакетом со сменной одеждой и поспешила на второй этаж. Эмбер зашла в центральную комнату, где

недавно ночевал Джоб, и закрыла за собой дверь. Как она хозяйничала в доме!

Стефан решил сполоснуть кружку и столкнулись с Биллом около дивана.

– Привет, – поприветствовал Билл, что немного удивило. На работе они никогда не здоровались.

– Привет.

Ни один из парней не решился удостоить другого рукопожатием. Они разошлись, как в море корабли.

До флегматичного ровно.

К Биллу присоединился Ален и, когда Стефан поставил помытую кружку сушиться, к ним спустилась Эмбер.

– Зашибись, ты по достоинству заслужил маску с кокосиком перед сном, – встав позади Билла, усмехнулась Эмбер и поцеловала парня в щеку. Она стояла в широких джинсах и толстовке, из-под которой торчала длинная футболка. На спинке дивана висела куртка.

– Что, только маску? Вообще-то курьер работал в поте лица! Доставка не только качественная, но и быстрая, – Билл откинул голову на спинку дивана, глядя на Эмбер снизу.

– Хм, – Эмбер убрала челку со лба Билла. – И правда. Ну, держи поцелуйчик.

Девушка взяла лицо Билла в свои ладошки с длинными черными ногтями, контрастирующими на коже Билла, и целомудренно коснулась губами лба. У Стефана от шока отвисла челюсть.

Так между ними что-то есть или нет?!

– Этого все еще недостаточно. Это как поставить пять звезд, но без отзыва. Черкани хотя бы строчку, – продолжал гнуть свою линию Билл. Эмбер усмехнулась.

– Да ладно?

– Эмбер, это правда жестоко. Билл ведь так старался, – подначивал Ален, и Стефан удивлялся развернувшейся перед ним картине все больше и больше. Что происходит?

Девушка с картинной драматичностью вздохнула.

– Только потому что Ален за тебя упросил, – предупредила Эмбер и подарила Биллу еще один легкий поцелуй, но уже в щёку. Стефан понимал, что больше не может это выносить, и отвернулся.

Билл поднял голову и неудовлетворенно покачал ей.

– И вот так всегда, понимаешь? – посетовал он, обращаясь к Алену. – Меня не ценят вообще. Хоть в лепешку расшибись, а она вот так со мной.

– Да уж. Не завидую тебе, братан. Трудно, наверное, жить с такой, как Эмбер.

– И не говори! – воскликнул Билл, из-за чего все шаблоны безбожно разорвались. Билл эмоционально вскрикнул! Стефан от сегодняшнего дня будет отходить долго. С утра признания, вечером – такие сцены! Это уже слишком. – Если не дорогой съём дома, я бы с ней ни за что не жил. А так хоть вдвое меньше платить...

– Кошмар, просто кошмар... ну ты держишь, дружище, –

не переставал причитывать Ален.

– Вы у меня сейчас дошутитесь, и один будет спать с фингалом, а другой – на крыльце дома, за который ему трудно платить одну, – гаркнула Эмбер, и парни вытянулись по струнке. – Пойдем давай. Мы тут уже сильно задержались. Стефана небось совсем притесняем, он бедный сбежал от нас.

У Стефана сердце взволнованно заколотилось в груди при упоминании его имени.

– Стефан обычно... – начал Ален, но Эмбер его перебила громким возгласом:

– Стефан!

Тот заходить в гостиную не собирался. Он сидел за столом и не показался даже после повторного зова. Стефан помнил сказанные Эмбер в сердцах слова о том, что ей наплевать на него, так зачем она зовет? Определенно для очередной проверки. Стефан не подопытный кролик и не побежит, бросаюсь в ноги.

Но коль не пошел он, то пришли к нему.

Эмбер постучала об косяк и прошла в кухню.

– Оглох что ли? А, Стеф?

– Я не глухой и слышал тебя, – вторил он самому себе. – Я Стефан, и будь добра меня так называть.

– А что такое, не нравится? «Стеф» – слишком личное? – девушка отодвинула стул рядом со Стефаном и присела, но парень наоборот поднялся, задвинул стул и встал у окна спи-

ной к Эмбер. — Что ты бегаешь, как ребенок?

«Я бегаю всегда», — мысленно ответил Стефан, но промолчал. Он чувствовал, как ему становится душно. Хрупкая девушка, которая ниже него почти на голову, загоняет его в угол.

«Но тут точно не может быть мало места

Тьма нескончаемая, но чую то, что мне тесно

Что—то не так, кроме оков

Я ощущаю трепет от принадлежащих к миру нашему богов»[2]

Стефан хотел, чтобы Эмбер поскорее покинула их с Аленом дом. Чтобы в этом жилище наступила тишина, и люди не сновали то там, то здесь. Ален точно не будет трогать Стефана, а если и будет, то он мог бы ответить.

А вот Эмбер ему не по зубам.

«В пятки уходит дух, зато уж какой видок тут

И звёзды горят,

А между ними липкий ужас, да такой, что предпочтительнее ад

Или свеситься на Голгофе

И Хайдеггеру не светит никакой великой полночи, лишь ужас философии

Не пустота и не небытие

Это родное всё узнал бы,

А шепчет что-то другое мне» [2]

С первого столкновения было ясно: девушка непростая. И раз за разом она укалывала своей инаковостью. То преподносила на блюде неприглядную правду, то открыто выражала антипатию к Стефану. Это его обижало, да. А ведь Стефан поступал точно так же с другими.

Не мелочась он говорил о недостатках людей прямо, после чего все оскорблялись; он как есть говорил о своем отношении к людям, поэтому они отворачивались. И Стефану чувства других не берег.

Эмбер тоже не берегла чувства Стефана. Она ему неподвластна, а вот Стефан ей – вполне.

– Ты же сказала, что тебе наплевать на меня, так зачем зовешь и упорно пытаешься вывести на диалог?

– Да, я сказала, что мне плевать. Но мне нужно тебя понять.

– Зачем?

– Из—за Алена.

– Ты за него боишься? Думаешь, я его сожру на завтрак или придушу подушкой ночью?

– А ты мне зубы заговариваешь, чтобы от темы уйти?

Было много причин и тревожных звоночков, чтобы бежать. Но эта причина по имени Эмбер стала последней каплей.

Стефан приведет этот план в действие в ближайшие дни.  
«...они чувствуют изнанку, как и ты,

Чувствуют чужака, его шёпот из глубины.

Доподлинно осязаю ползущую по лицу

Изнанку, непонятную даже отцу-творцу (Самому)» [2]

– Ты очень странная личность, – продолжила Эмбер. – Непонятный и мутный тип, о котором ничего неизвестно. Когда я просто работала с тобой на одной смене и ты не отсвечивал, я тебя даже почти не замечала. Ты был так, фоном. Но ты привел Алена. Я с ним подружилась. На него мне не все равно, он мой друг.

– Вы знакомы неделю от силы, какая дружба? – процедил Стефан, упершись взглядом в фонарь за окном.

– А тебе не понять, – перебила Эмбер и тоже встала из— за стола. К сожалению, она была права. – Вы теперь живете под одной крышей. Он поначалу активно ошивался вокруг тебя, ты огрызался на него. Я не хочу, чтобы получилось так, что ты сделаешь ему что—то плохое.

– Так если я такой плохой, почему ты с Биллом не забережь его под свое крылышко? Снимайте дом втроем, так за аренду платить еще меньше!

Как, черт возьми, была права Эмбер: Стефан работал себе спокойненько, не отсвечивал, и все! Никто к нему не лез, он в кафе сливался со стенами, хоть и был на нем как пятно сажи. Никому он не нужен был, кроме Джоба, да и то потому что тот его начальник. А что стало после появления Алена?!

Всем вдруг теперь до него есть дело! Тьфу!

Внезапно у всех появился вопрос, а почему же о Стефане ничего неизвестно, а что же он скрывает? Он восемь месяцев работал в кафе, и все без этой информации отлично справлялись.

Как же хреново становится чем-то большим, чем засохший фикус в углу, который два года не поливали.

– Я бы с удовольствием взяла Алена к себе. Но он не хочет.

– С чего бы это? С друзьями же веселее. И когда ты успела это предложить?

– Я ему писала об этом сегодня. Он отказался.

– Почему? – Стефан не понимал причину отказа Алена.

Тот такой дурачина, что от его глупости мозг вскипал.

Эмбер задвинула за собой стул и сунула руки в карман толстовки, напоминая сумку кенгуру.

– Я думаю, что дело в тебе.

\*\*\*

В конце концов, Эмбер и Билл начали собираться домой. Время позднее, а у Эмбер еще пятиступенчатый уход за кожей, у Билла – маска на ночь.

Как же хорошо, что это случилось. Стефан наконец—то отдохнет от людей.

– Так, вроде ничего не забыла, – проверяя свою дамскую, протянула Эмбер. – Алэн, я заберу вещи, как они высохнут, ладно?

– Нет проблем, – Алэн показал подруге большой палец. –

Завтра у меня выходной.

– Хорошо. У меня завтра тоже, но я буду занята учебными делами. В общем, я напишу, как освобожусь.

О как, чертовка учится.

– Конечно.

– Вот и ладушки. Иди сюда.

Эмбер распахнула руки для шпалы Алена, но в итоге сгреб в свои объятия девушку именно он. Она ему была едва ли выше плеча. Эмбер встала на цыпочки, обхватила веснушчатое лицо и поцеловала в щеку.

– Спасибо ещё раз, что приютил меня.

– Да что ты, всегда пожалуйста. Приходи ещё.

Стефан чуть не испустил дух.

Он мог понять многое. Он был *вынужден* понимать многое и приспосабливаться к постоянным изменениям. Он был свидетелем бесчисленных мировых потрясений. С чем-то он был согласен, с чем-то не мог примириться до сих пор. Где-то его взгляды на жизнь кардинально поменялись, а где-то остался костяк тех, что были вжиты в него в молодости.

Не все в современном мире поддавалось Стефану: так, он не мог до сих пор привыкнуть к мобильному телефону. Стефан понимал, что это такое, и помнил эволюцию этих приборов от громоздких машин с проводами до лёгких форм меньше плитки шоколада. Однако было сложно пользоваться им – не столько из-за непонимания работы, сколько из-за внутренних блоков. Стиральной машинкой, чайником, пли-

той, телевизором Стефан овладел, и ему это было уже привычно, но вот телефоны – нет. Компьютеры вообще гиблое дело. Если в телефонах он хоть что-то смыслил, то вот компьютеры были сложнее.

Ему также было непонятно поведение Эмбер: несмотря на то что он с уважением относился к женщинам и не считал их хуже мужчин, его поражало, что Эмбер ведёт себя с Аленом и Биллом, как с подружками. Она словно была той самой девушкой без комплексов, которая на короткой руке со всеми. Для нее не было разницы, с кем она говорит, перед кем переодевается, с кем живёт. Все одинаково. В мироустройство Стефана это не укладывалось. Он считал, что между мужчиной и женщиной все же должна быть какая-то грань.

Они тянули церемонию прощания, прыгая с темы на тему разговора, и все никак не могли закончить. По итогу Стефан не выдержал и рявкнул: «Давайте, идите, мне завтра на работу рано вставать». А затем почти что вытолкнул их из дверей.

– Ох, и тяжелый же ты случай, Стеф, – прощобетала напоследок Эмбер.

– Стефан. Спокойной ночи. – И закрыл за девушкой дверь на замок.

Когда дом затих, у Стефана словно камень с души свалился.

«Просто отвратительно, я больше не могу здесь жить», – констатировал Стефан.

– У вас с Эмбер напряженка возникла? – поинтересовался Алэн, сделав контрольный выстрел в голову Стефана.

Но тот так измотался, что просто не осталось сил на ответный выпад.

– Отвали ты от меня.

И ушел к себе. На временное затишье.

\*\*\*

Есть два вопроса: первый, что Стефан хотел задать после собственного разоблачения, и второй, касающийся нежелания Алэна жить с Эмбер и Биллом.

Стефан не верил, что дело в нем. А в чем тогда? В том доме явно для него найдется место, условия те же, но из плюсов еще и друзья, а не отвратительный брюзга Стефан.

Так что Алэна останавливало? Скорее всего, то, что за дом надо платить, а этот-то бесплатный.

Вот и весь ответ. Выдвигать другие предположения Стефан не горел желанием. Утром он в тишине собрался на работу и так же тихо выскользнул из дома. Алэн еще спал.

Домой он пошел пешком, чтобы специально вернуться позднее обычного. Пришёл, когда уже стемнело. Дом тоже был окутан мраком – только было видно через щелку под дверью комнаты Алэна свет.

Как хорошо было в одиночку идти чуть больше часа по зимней прохладе.

Стефан сразу отправился в свою комнату – он не хотел ни есть, ни сидеть на первом этаже. Разве что сходил ополос-

нуться в душе.

\*\*\*

По сути, у Эмбер должен был быть выходной, но она по каким—то учебным причинам подменилась с одним из официантов-иммигрантов. Неизвестно, расстроила ли она этим его друзей, но вот работающий в эту смену Билл был воодушевлен.

Стефан старался максимально минимизировать контакты с ними. Он избегал пересечения с Эмбер в зале и с Биллом у кассы. Вероятность общения с Биллом минимальна, но Стефан все равно помнил, каково было на вкус удивление после его инициативы с приветствием.

К счастью, ни с кем из них во время смены Стефан не говорил.

В том-то и дело, что в смену. Но не после нее.

Так получилось, что они закончили одновременно и, как бы Стефан ни торопился, пошли на одну и ту же остановку вместе.

– Эй, что вы задумали?

– Не понимаю, о чем ты, – тут же отозвалась идущая позади Эмбер. Была она, конечно же, в компании Билла.

– Я никогда не видел вас на этой остановке. Я всегда ходил только с Аленом. Вы следите за мной? – спросил Стефан. Эмбер и Билл не сбавили шаг.

– Нет, – ответил на этот раз Билл. – Просто мы часто после работы заходим в магазин, поэтому едем не с вами.

– А вы вообще где живете-то?

– В самом конце вашей улицы, – продолжил отвечать Билл.

– Иногда бывало, что мы с Аленом ездим на последнем за день рейсе, – выкинул козырь из рукава Стефан. Даже когда приезжал последний автобус, – рейс заканчивался довольно рано, где-то в восемь вечера – Билла и Эмбер на остановке не было.

– Поэтому мы часто ездим на такси, – на сей раз друга сменила Эмбер.

– Больно богатые? По дороге к нашему с Аленом дому есть магазин.

– На двоих не так дорого. Мы же в конце улицы живем, а это другая остановка. Так что нам до того магазина идти далеко, а после смены пешком с пакетами в руках – так себе удовольствие.

Складно врали, но все равно что-то не сходилось – Стефан это чувствовал.

– Тогда почему ты, – он обратился к Эмбер, – позавчера проходила мимо нашего дома, когда шла с работы? Получается, от нашей остановки шла. Что же до своей не доехала?

– Автобус сломался, – ответила Эмбер. – Я успела уехать раньше тебя, но он заглох именно на вашей остановке. В лужу я упала, когда как раз шла по улице. Ты не видел стоящий у остановки автобус?

В тот вечер прямо перед его носом уехал автобус до до-

ма. Стефан не успел перейти дорогу и добежать, как автобус уже тронулся. Пришлось ждать следующий. Когда Стефан приехал, то действительно заметил автобус, рядом с которым колдовал какой-то мужик. Видимо, водитель, но той детали Стефан не придал значения.

К сожалению, все паззлы сложились в единую картину. За ним никто не следил..

Мир до чёртиков тесен, раз Стефан живет рядом еще и с этими двумя. При этом личный мир Стефана неприятно расширился, потому что в него насильно пытались втолкнуться Эмбер и Билл. Точнее, одна только Эмбер, а Билла она тащила с собой.

В общем, они ехали на одном автобусе. Спасибо, что на разных концах: Стефан уселся на одиночное место сзади, а Билл и Эмбер заняли сидения рядом друг с другом в середине салона.

Стефан получал деньги посменно и еще раз убедился в удобстве таких выплат для себя, ведь если он уйдет, то может сделать это в любой момент. Он думал подкопить еще немного – может, дня три – и собирать манатки.

Стефан заметил, что Эмбер провела с кем-то короткий разговор по телефону за две остановки до того, как ему надо было выходить. К удивлению Стефана, вышел он в их компании.

– Ну и, какого чёрта? – скрестив руки на груди от негодования, спросил Стефан под рокот уезжающего автобуса.

– Я вчера так и не забрала вещи у Алена, потому что была занята весь день, – развела руками девушка. – Он позвонил мне сейчас и предложил их забрать.

Действительно, все вещи Эмбер (даже её серый кружевной лифчик) висели вчера утром на сушилке. Днём Алэн их снял.

– Так что мы составим тебе компанию, хочешь ты или нет, – предупредила Эмбер, а в глазах её блеснули нехорошие чёртики.

Это просто невыносимо.

---

[1] – строчки из песни Три дня дождя «Смыслы»

[2] – строчки из песни rurokinesis «шёпот длёких звёзд»

## Глава 9. Песня боли и отчаяния

Стефан преодолел путь до дома скуксившись. Билл и Эмбер шли позади и не видели недовольство на его лице.

Ещё парочку дней потерпеть, и всё. Стефан уйдёт тихо, пусть и не так незаметно, как привык, но тем не менее.

Дома их уже ждал Ален.

– Ребята, привет! – поздоровался он, преисполненный радости. Друзей своих позавчера видел, а выглядит так, словно со встречи полгода прошло. Давай ещё хвостиком повиляй от счастья!

– Привет!

Стефан быстро прошмыгнул мимо, чтобы снова не стошнило радугой, пока закадычные товарищи обнимались и чуть не расцеловывали друг друга. Этого он тоже не понимал и считал, что объятия и поцелуи – нечто очень интимное, что обычно происходит между любящими друг друга людьми, а не почти с каждым, кто стал чуть больше, чем приятель.

– Держи, Эмбер, – Ален протянул подруге пакет с её высушенными вещами. Девушка приняла одежду и снова обняла Алена, встав на носочки. Стефану показалось, что она снова поцеловала его в щеку. Определенно поцеловала, ведь после этого действия Ален вдруг предложил то, отчего голова Стефана закружилась:

– Хотите чаю? Посидим совсем немного, потом пойдете

домой. Вы, наверное, давно не ели?

– Да, если честно, – отозвался Билл. – Ещё и в магазин сегодня не ходили.

Стефан, снимая куртку, покосился на Билла. А ведь правда, они ж сразу за Стефаном пошли на остановку...

– Это почему? – будто прочитав мысли Стефана, спросил Ален.

– Я вчера специально ходила, чтобы сегодня после работы не переться, – объяснила Эмбер. – А он, блин, привык и губу раскатал. Так пузо отъешь на засохших булках! – девушка ударила небольшим кулачком Билла в живот. – Ты представляешь, всегда, как после работы идём затариваться, он покупает свои дрянные булки по вечерней скидке и жрет прям в автобусе! Они лежали весь день на полке, а он покупает!

– Они нормальные! Ты сама иногда просишь у меня откусить, и сейчас стоишь возмущаешься! – парировал Билл и показал подруге язык. Она не преминула сделать то же самое.

– Давайте не будем стоять в коридоре. Пойдемте на кухню. Стефан, ты не против, если Эмбер и Билл попьют у нас чай?

Они точно что-то задумали.

Они над ним издеваются.

Они его проверяют.

Стефан не сомневался, что возвращение шмоток закончится подобным.

Есть такое выражение: «Остерегайся молчаливой собаки

и тихой воды»[1]. Так вот в случае Эмбер остерегаться надо хитрой воды.

Непонятно, был Алэн с ними заодно или просто пал жертвой поцелуйчика, но Билл – стопроцентно подстрекатель этой бестии.

Такой красивой, черт возьми, бестии.

«Стефан, а можно?, «Стефан, а ты не против?». Рядовые вопросы, сказанные для галочки, ведь и без него все решено. Бодаться с тремя сразу намного тяжелее, чем с одним мальцом.

Скоро Стефан будет свободен от девушки, точащей на него зуб, до противного милого со всеми пацана и парня-булыжника.

– Стефан? – повторил Алэн, и тот, выдернутый из раздумий, мотнул плечом. Все три пары глаз уставились на него, и было неуютно.

Он чувствовал, как Эмбер ждёт. Стефан вздохнул сдавшись.

– Тогда ты взамен покормишь меня своей жрачкой, – ответил Стефан. – Я сегодня утром как раз свою доел. Это залог за то, что ты их водишь! Вы мне надоели, понятно? Я хочу отдыха и тишины. Надеюсь, у тебя есть что-то готовое.

Алэн счастливо набрал в легкие воздух, а Эмбер улыбнулась одним уголком губ.

– Конечно, есть! Макароны с сыром пойдут? – просиял Алэн, уже помчавшийся к холодильнику.

– Пойдут, – кивнул Стефан. Ну, хоть что-то хорошее он для себя получит. А то в животе уже урчало. – А я у тебя еще маффины видел...

– И маффины будут!

Стефан задумчиво промычал, вспоминая, что еще из съестного видел у Алена.

– И брауни... – Да, точно, вчера в холодильнике появился брауни с лаймом и лимоном..

– И кусочек брауни отрежу!

– А ещё...

– Так, а нам хоть кипяточку плеснут?! А то, как я поняла, все, что есть в этом доме из еды, сейчас Стефу достанется, – встряла Эмбер, направляясь на кухню, а за ней поплелся и Билл, как утёнок за мамой-уткой.

Стефан поспешил туда же, чтобы не пропустить обещанное Аленом. А то он знает таких, как Эмбер. Перед ними клювом не щелкают, потому что стащат с твоей тарелки все, стоит на секунду отвлечься.

Ален превратился в хозяйку: достал из холодильника макароны с сыром, маффины, брауни, налил в чайник воду, вытащил чайные пакетики, сахар, кружки. Он порылся в шкафах и нашел фадж[2] и мармеладные бобы.

Стефан с особым наслаждением наблюдал за тем, как Ален *специально для него* выкладывал макароны на тарелку, а потом ставил её в микроволновку. Как на панели выбирал режим и время. Загорелась лампа, тарелка с макаронами *для*

*Стефана* закрутилась в печи.

Стефану никто вот так не подавал еду, если не считать работников общепита.

– Стефан, ты чай будешь?

– Не откажусь.

Все трое сидели за столом, как бедные родственники: справа от Стефана через стул Билл, а рядом с Биллом – Эмбер. Они жались друг к другу, как воробушки.

\*\*\*

Ален написал Эмбер с предложением заскочить к нему за вещами, потому что вчера не получилось, так как она была занята учёбой.

Эмбер такая крутая: она совмещала учёбу с полным рабочим днем. Ален тоже хотел бы поступить в колледж, но сейчас он не может себе это позволить финансово, да и в приоритете другие задачи.

Эмбер не отвечала в Facebook\*, поэтому Ален позвонил ей.

Изначально он писал и звонил только с намерением отдать вещи, но с Эмбер и Биллом был и Стефан. Когда Эмбер забрала пакет, она внезапно обняла, обвив руками шею, а затем шепнула на ушко:

– Предложи нам задержаться на чай. Хочу еще подразнить Стефана.

Ален поддался.

Эмбер хитрая и все делает не просто так. В каждом её

действию есть какой-то скрытый послыл. Она старше Алена на три года, – ей, как и Биллу, в этом году двадцать один – и за её плечами уже много опыта. Ален был рад, что подружился с ними. Они, как старшие брат и сестра.

Когда Алена поставили на кассу, объяснив как и что делать, куда нажимать, он все равно растерялся. Он никогда не работал на столь серьезном месте. Его максимум – это подработки в виде расклейки объявлений, курьерской доставки, разгрузки. И то он на этих местах не задерживался. А сейчас устроился официально, на полный рабочий день... Было страшно.

– Давай-ка я тебе помогу. – Билл поднялся из-за стола.

– Не стоит, Билл, я сам справлюсь, – начал отнекиваться Ален, но друг уже вытащил три чайных пакетика из упаковки и потянулся за четвертым. – Ты сам-то будешь?

– Ну... буду, – Он хотел налить себе чай, но после того, как сделал бы все остальное. Препираться с Биллом больше не стал, потому что тот всё равно бы молча поступил по-своему. Билл открыл шкафчик с посудой, вытащил четвертую кружку.

Точно так же он подошёл к растерявшемуся у кассы Алену, с той же фразой: «Давай-ка я тебе помогу». Алену попался нерешительный посетитель, который сначала заказал большой раф, но, когда же Ален почти сформировал заказ для оплаты, передумал и попросил поменять большой раф на маленький стакан «Спрайта».

Ален забыл, как делать отмену товара и взволнованно стоял перед кассовым компьютером, впав в ступор. Ни пошевелиться, ни сказать ничего от паники – только смотрел большими от страха глазами в экран на злополучный большой раф.

Он боялся не только что-то сломать, но и разозлить клиента. Несмотря на то что рядом был более опытный коллега, его спрашивать тоже было неловко – у него и так работы достаточно, а тут ещё зеленый кассир на голову свалился. В итоге Ален сам себя загнал в тупик.

Внезапно он ощутил чьё-то присутствие совсем рядом, а затем услышал ровный спокойный голос Билла, пообещавшего помочь. Он действительно отменил заказ за несколько секунд.

– Вам маленький «Спрайт», правильно? – переспросил Билл.

– Да-да, сэр, – ответил посетитель сконфуженно. Видимо, заметил, что своим спонтанным решением ввел Алена в замешательство.

– Отлично. С вас двадцать два доллара и семьдесят четыре цента. Оплата по карте или наличными? – озвучил цену Билл.

И, когда прозвучал писк терминала от приложенной к нему карты, у Алена камень с плеч упал.

Это стало первым толчком к общению. Но все последующие часы до окончания смены Ален говорил с Биллом ис-

ключительно на тему работы. Билл отвечал коротко и по делу, местами даже суховато, однако ни разу не разозлился за уточнения.

Алену казалось, что он Билла уже заколебал. На каждый полученный ответ Ален улыбался и произносил «Спасибо», но Билл лишь сухо кивал. Билл разубедил в наедоедливости, когда предложил пообедать вместе с ним и Эмбер.

В первый рабочий день Ален постарался познакомиться со всеми сотрудниками. Эмбер он запомнил, потому что она частенько проходила мимо кассы и то отвечивала Биллу воздушные поцелуйчики, то подмигивала.

Они пошли обедать втроем после того, как Стефану стало плохо.

Даже Алену сначала показалось, что Эмбер и Билл встретились, однако он ощущал, что все не так просто. Он робко спросил:

– А вы... случайно не пара?

Билл и Эмбер загадочно переглянулись, поиграли друг с другом бровями, а потом приснули со смеху.

– Ален, нет, – опроверг Билл с лёгкой улыбкой, – мы просто друзья. Мы очень близки с Эмбер.

– Мы дружим с детства, – подтвердила Эмбер, откусив вафлю и одной рукой обняв Билла. Тот тихо засмеялся и положил голову на плечо девушки, которая не упустила возможности крепко поцеловать его в макушку. – Во сколько лет мы с тобой познакомились, в три или четыре года?

– В три. Пусти, дай я уже поем нормально.

– Ой, да пожалуйста, – Эмбер расцепила объятия, и Билл выпрямился, приступив к активному орудованию вилкой. – А потом станешь ворчать, что тебе хочется моего внимания, а я тебе его не уделяю.

– Не стану. Мне еще полсмены на ногах стоять, я буду занят.

– Ну, это ровно до того момента, как мы домой поедem. Знаем, плавали. В автобусе заноешь.

Ален тихонько засмеялся над этой забавной сценой. С течением дней Ален убедился в крепости дружбы этих двоих и даже завидовал. Эмбер и Биллу очень повезло найти друг друга. Казалось, что они родственные души. Ален хотел найти однажды такого же человека, с которым мог бы непринужденно говорить, в любой момент обнимать и доверять. Ален хотел любить и быть любимым. Он всегда справлялся один, но все равно хотелось ощущать поддержку и чье-то плечо рядом.

Эмбер и Билл, невзирая на шуточные препирательства, очень хорошо ладили. Они *чувствовали* друг друга. Эмбер в отсутствие Билла была более строгой, но с ним смягчалась. Не особо разговорчивый Билл оживлялся в компании подружки, улыбался, смеялся.

Ален чувствовал недосказанность из-за их многозначительных переглядок на вопрос о том, в каких отношениях состоят. Что это значило?

Эмбер и Билл снимают дом один на двоих. Эмбер учится на первом курсе колледжа. Это несколько озадачило Алена, ведь ей двадцать один. Вскоре Эмбер все объяснила:

– Родители заставили поступать меня в колледж при Стэнфорде. Они готовы были платить и за учебу, и за проживание, лишь бы я только училась на ту специальность, какую они хотели – «Международные отношения». А меня от неё тошно было, и после первого курса я сильно поругалась с ними, потому что отчислилась. Они перестали общаться со мной. Сказали, что больше ни центом не помогут.

Алена привели в немалый шок и восторг слова о Стэнфорде, ведь плата за годовое обучение там доходила до *десятков тысяч* долларов! Наверняка там учиться непросто, но Эмбер справлялась. Она очень умная и способная, и это Алена восхищало.

Сейчас Эмбер зарабатывала на жизнь сама, поступила в менее именитый колледж, где и платить за обучение меньше, плюс форма обучения очно—заочная. Самое главное, что ей нравилось учиться. Она выбрала в качестве специальности психологию.

Билл был более краток насчет своей жизни и рассказал, что поступал в Community Colleges[3], но бросил спустя семестр из-за жизненных трудностей. Снова пойти учиться не может из-за того, что «деньги идут на другие нужды». Какие – Билл не поведал. Да и Эмбер не пояснила, что же она делала весь год после отчисления из колледжа при Стэнфорде.

После переселения в дом Джоба Ален узнал, что Эмбер и Билл живут в самом конце его улицы. Однако о визите в гости как к нему, так и к ним не заикался. Он считал, что ещё рано, да и неловко было. В итоге Эмбер пришла сама.

Макаронны с сыром были подогреты, чай заварен, маффинны выложены на тарелки, брауни порезан. Эмбер решила помочь и высыпала мармеладные бобы из упаковки в пиалу. Все было поставлено на стол, а первым делом – макаронны под одобрителный взгляд Стефана.

Было увлекательно наблюдать за ним в хорошем расположении духа. Еда творит чудеса даже с таким человеком, как он.

Ален думал, что Стефан вырзит благодарность, но тот лишь молча притянул тарелку к себе. Это несколько разочаровало, особенно после того, с каким энтузиазмом Стефан спрашивал о предстоящих лакомствах.

Ален понимал, что Стефан – человек сложный, но он не переставал верить в лучшее в Стефане. Отчаянно хотелось убедиться, что Стефан не законченный человек, каким его считали многие. Ален наслушался от коллег мнения о нём, и все сходилось в мысли, что со Стефаном бесполезно разговаривать и толку с него никакого.

– Чем сегодня занимался? – откусив маффин, поинтересовалась Эмбер.

Чем можно заниматься в выходной? Конечно, отдыхать от работы, но у Алена это получалось не очень. Он еще не мог

привыкнуть к так круто изменившейся жизни.

Раньше он жил, как на пороховой бочке, и все время ждал, когда бомбанет. Громыхало по несколько раз в день. Сейчас в доме ни криков, ни избиений, а Ален предоставлен сам себе. Может, поэтому он выносит брюзжание Стефана довольно спокойно? В жизни он посмотрелся чего похлеще, а характер соседа по сравнению с этим – капля в море.

Нет, конечно, поведение Стефана местами неприятно, но это не то по сравнению с адом, в котором пребывал Ален.

Ален ждал подвоха. Казалось, прямо сейчас в его комнату нагрянут и смачно ударят большой ручищей по лицу и только потом скажут из—за чего, да и то не факт. Мерещились фигуры ффостерных родителей на улице среди прохожих, среди посетителей в кафе. И каждый раз при виде едва ли похожего на *них* силуэта сердце пропускало удар.

Все кончилось для Алена, но не для Мартина с Пахитой.

Ален жалел, что стало все равно именно на него. Он бы хотел, чтобы Мартин и Пахита оказались на его месте. Хотя... Тогда кто им, маленьким, поможет? С каждой зарплаты после смены Ален откладывал некоторую часть для них. Так он делал всегда и будет, наверное, продолжать до тех пор, пока Мартин и Пахита не повзрослеют.

Ален хотел им позвонить, но одернул себя – рискованно. Так что просто оставил послание, спросив, как дела. Пахита ответила спустя три часа, что все нормально, но телефон ей официально ещё не вернули.

Переживания по поводу семьи Ален записывал в тетрадь, которую Стефан обнаружил позавчера на столе. Оскорбило то, что Стефан в нее заглянул. Хотя Алену не привыкать – и фостерные, и родные родители рылись в его карманах и сумках, когда им вздумается. Но даже у него, переносившего неуважение день ото дня, есть чувства.

Ален на выходных занимался домашними делами, обустроивал комнату. Он понемногу занимался этим, заглядывая в магазин рядом с домом после работы. В первый день он отоварился в гипермаркете, купив кроме продуктов душевую одежду и бытовые принадлежности – одни трусы, одни носки, зубную пасту, щетку. Даже хватило на залежавшуюся футболку по скидке в семьдесят процентов.

Ален подкупал одежду в секунде, исходя из оставшихся в свободном доступе денег. Билл предлагал отдать просто так вещи, которые он не носит. Ален говорил, что подумает, но на самом деле решил, что не возьмет. Уж слишком он хорошо устроился. Сначала прилип к человеку, вынудив его дать место для ночевки, потом благодаря связям устроился на работу. А теперь живет бесплатно в чужом доме. Это уж слишком.

Билл, наверное, понимал, что «Я подумаю» означало отказ, так что не настаивал.

В комнате стало уютнее после того, как Ален украсил её безделушками. Он купил дешевую картину с морем, статуэтку в виде тигрёнка, кактус в горшке и две маленькие плю-

шевые игрушки: пингвиненок и кенгуру. Они напоминали Мартина и Пахиту: Мартин – это пингвин, а Пахита – кенгуру. Ален решил, что обязательно подарит им эти игрушки при встрече.

Он хотел поскорее с ними увидеться. Так странно было жить в чужом городе, где столько малознакомых людей, расположенных к нему. Подобное может происходить с кем угодно, но не с ним. Вот сейчас он проснется, и все исчезнет. Так ведь не бывает!

Рассеивал самобичевательские мысли своим хмурым лицом Стефан. Так сказать, заземлял Алена. А Эмбер уже, походу, раздражал. После рассказа Алена Билл сетовал на клиента, который его сегодня постоянно поторапливал, а Стефан все ел и молчал. Эмбер не сводила с него глаз.

– Ты ничего не хочешь сказать? – наконец не выдержала она. От её игривого настроения, с которым она хотела дразнить Стефана, не осталось и следа. Ален даже не успел отследить эту перемену.

– М? Что сказать? – не понял Стефан, потянувшись за брауни с лимоном и лаймом. – Зачетный, кстати. Где купил?

Но не успел Ален открыть рот, как Эмбер продолжила:

– То, что ты сказал мне позавчера.

– А что я сказал? Мы много о чем говорили.

Кажется, это стало последней каплей.

– Господь, дай мне сил. – Она встала из-за стола, с размаху бросив вилку в блюдце. Только тогда Стефан поднял на нее

глаза, но почти сразу переключил внимание обратно на еду.

Аппетит и беседу Стефан явно портил. Он был слишком отрешен от троицы, полностью сосредоточившись на содержимом тарелок, которое нещадно кончалось. Эмбер не доставала его вопросами, хотя это и было её изначальной целью.

– Что... Что произошло? – недоумевал Ален, а Стефан как ни в чем не бывало потянулся за мармеладными бобами, взяв сразу горсть.

Билл прочистил горло. Это было неожиданно для них обоих.

– Я схожу за ней, – вызвался он, но Ален опередил.

– Давай лучше я.

Билл застыл на согнутых коленях, решая: выпрямиться и пойти или сесть. Он поджал губы и смиренно вздохнул и сел. Алену поговорить с подругой нужнее.

Эмбер – довольно крепкий орешек, и еще позавчера она нещадно подкалывала Стефана, доводя до ручки. Но сегодня все было наоборот. Ален не до конца понимал, что послужило причиной вспышки её гнева.

Подруга села на пол в закутке под лестницей. Ален сначала не заметил её, почти прошёл мимо, но подруга – то ли специально, то ли так совпало – вздохнула, и он повернулся к ней.

– Эмбер, – Ален опустился на корточки рядом. Та сидела, согнув ноги в коленях и обняв их. – Ты чего?

Девушка посмотрела на него, как на дурачка, почти что с тем же выражением лица, что и Дана Скалли из «Секретных материалов» [4]

– Ты серьезно? – вымученно ответила она вопросом на вопрос. Ален нахмурился.

– Я не понимаю...

Эмбер выпрямила ноги, облокотившись спиной о стену.

– Я говорила позавчера, что он тяжелый случай, больше в шутку. Но сейчас мне не до смеха, Ал, – серьезно начала она. – Ты как с ним вообще живёшь? Как ты можешь ему такое позволять?

– Какое «такое»? – уже и позабыв про нелюбимую форму имени, переключился Ален.

– Такое, где тебя смешивают с грязью.

Ален был обескуражен столь громким заявлением. Эмбер скрестила руки на груди и устремила на него пронзительный взгляд. Сердце отчего—то ухнуло камнем вниз.

– Я не понимаю, о чём ты...

– Ален, прекрати, пожалуйста, – начала злиться Эмбер. – Ты посмотри на этого чмыря! Обжирает тебя и даже «Спасибо» не говорит! Как будто так и надо. Нет, я понимаю, что это, так сказать, плата за наше присутствие, но как можно быть таким бесстыдным?! Я чуть вилку в глотку ему не воткнула. А я с ним лишь второй день общаюсь тет-а-тет!

Так вот, чего она ждала от Стефана. Тот позавчера сказал «Спасибо», и Эмбер хотела услышать то же самое и сейчас,

раз оказалось, что на такое он способен. Стефан, мягко говоря, не оправдал ожидания.

От её резких слов в горле встал ком.

– Я тоже надеялся, что он скажет «Спасибо»... Ну, как есть. Такой он человек непростой, да и я должен был ему эту еду.

Девушка тяжело вздохнула, качая головой. Она опустила взгляд с Алена на пол и изогнула губы.

– Алэн, ответь мне просто на один вопрос, – Эмбер потеряла переносицу, – у вас всегда так?

Ален не совсем понял, что она подразумевала, но с губ так и рвался положительный ответ.

– Да.

– Кошмар, – прискорбно заключила она.

– Что?

– Алэн, ты чё тупишь-то? – Эмбер распылялась все больше. – Ты счастливо бросился перечислять ему все свою жарчку в холодильнике, а потом кормить его! Ты с ним позавчера пытался поговорить, а он тебе рот затыкал! И сейчас он демонстрировал всем своим видом, как ему насрать на всех нас. Где твоё самоуважение? Не позволяй так глумиться над собой!

– Я... не...

И тут в голове Алена что-то щёлкнуло.

– Алэн, ты только что сказал мне, что у вас так со Стефаном всегда. Он же тебя чихвостит постоянно, ведь так?

Об этом спрашивал Джоб, но Алэн говорил, что это пу-  
стяки. А ведь правда: Стефан чихвостил его. Тот наезд на  
диване, случай в гипермаркете, вечер, когда он больно схва-  
тил за подбородок, ночной разговор о его происхождении,  
вторжение в личные записи. Это нельзя было назвать откры-  
тым издевательством с избиениями, но итог тоже не очень  
утешительный: Стефан нисколько его не уважал.

Алэн даже после того, как обещал себе не гоняться за Сте-  
фаном, продолжал это делать незаметно для себя. Это виде-  
ли все, кроме него.

Какая же мерзость.

Глупая надежда на лучшее! Он понимал, каковы её исто-  
ки. Алэн ненавидел себя за это, но ничего не мог с собой  
поделать.

Две трети жизни он жил этой надеждой. Биологические  
родители безбожно пили, и они вряд ли бы стали хорошими  
родителями.

Иногда наступали моменты просветления, а жизнь стано-  
вилась не такой ужасной. Алэн помнил, что в один из та-  
ких разов на его восьмой день рождения мама купила торт  
со свечами, отец подарил машинку. Они весело праздновали  
день рождения, сидели за столом в бумажных праздничных  
колпаках. Счастье длилось до первой выпитой рюмки.

Когда Алэн видел, какими родители были в трезвом со-  
стоянии, он думал, что они хорошие люди, просто им тяжело  
и они не могут справиться с зависимостью. Алэн держался за

такие «просветления», как за спасительную соломинку. Наверное, чтобы самому не свихнуться.

Четыре трезвых часа празднования день рождения и рядом не стояли с четырьмя часами отмывания квартиры от крови после драки в пьяном угаре. Мрака было больше, но Алэн, прокручивая в голове короткие прогулки, принесенное для него мороженое (хоть и вместе с бутылкой), покупку новых кроссовок (взамен тех, что совсем изодрались), надеялся это вернуть.

Он делал все возможное и, когда ощущал малейшее изменение настроения родителей в лучшую сторону, бежал выполнять их просьбы, почти расшибаясь в лепешку. Он верил, что если будет настойчив и старателен, у него получится.

Родителей в итоге лишили родительских прав, и ничего у него не получилось. А потом он плясал под дудку фостерных до восемнадцати лет.

Привычка осталась, и Алэн неосознанно готов был стелиться ковриком уже перед Стефаном, чтобы заслужить расположение чужого человека, который ему никем не приходится. Он мог дать настоящий отпор, а не предпринимать жалкие попытки, но старые модели поведения сковывали цепями.

Масло в огонь подливало и то, что Алэна всю жизнь подавляли, говоря, что он не имеет права перечить. Он старался отучиться, но это было жалко и по-детски. Слишком мало времени прошло.

Какой же он слабак. От этой мысли он весь затрясся, сильно прикусив губу.

– Нет у меня никакого самоуважения... – зашептал Ален, отчаянно пытаясь сдержать слёзы.

Эмбер резко перевернулась в лице и подсела к нему ближе.

– Ален...?

– Я слабак. Я не мог достойно дать ему сдачи. И думал, что он станет лучше ко мне относиться со временем... Просто он... мои родители...

Слёзы брызнули из глаз и потекли горячими дорожками по лицу, капая с подбородка. Ален закрыл лицо руками.

– Боже мой, Ален... – Эмбер притянула плачущего Алена к себе, а тому только это и требовалось: он крепко обнял подругу и уткнулся в её плечо.

Ален не рассказывал друзьям о биологических родителях, лишь вскользь упоминал о Мартине и Пахите. Для Эмбер стало открытием, что это большая тема.

– Почему ты тогда отказался жить с нами? – поглаживая друга по спине, спросила Эмбер.

О, она на днях и правда предлагала снимать дом втроем, но Ален ответил отрицательно. И дело не столько в том, что за жильё придется платить. Ален хотел жить со Стефаном. Он желал узнать больше о его бессмертии. Рациональная сторона Алена вопила, что это брехня, но вторая сторона – та, что верила в мистику – уверяла, что всё взаправду. Тем более Ален был свидетелем, и факты наукой не оправ-

даешь. Он думал, что если найдёт подход, то сможет узнать его лучше и понять причину нелюбимости.

– Н—не знаю... – выдавил Алэн, заикаясь от рыданий. Рассказать истинные причины он Эмбер не мог.

– Пойдём к нам, – сказала Эмбер, подняв Алэна за плечи. Она ласковым движением вытерла слезинку с его левой щеки друга и так заботливо потрепала за неё, что Алэн готов был расплакаться во второй раз, но уже от чувств. – Давай с нами жить. Если с деньгами пока туго, мы что—нибудь придумаем.

Тогда он хотел узнать Стефана. Но хотелось ли этого теперь?

– Давай.

Между прочим брауни с лимоном и лаймом он испёк сам.

\*\*\*

Когда Эмбер всплыла и за ней пошёл Алэн, Стефан и Билл остались одни в напряженном молчании. Говорить было не о чем.

Хоть Стефан не проронил ни слова после того, как перед ним оказалась еда, он всё слушал и внимал. Мыслей в голове было много, но он их не озвучивал.

Билл сидел со сложенными в замок руками. Стефан прошёлся ураганом по всем тарелкам и оставил на них только крошки, а затем пошёл мыть посуду. Билл тихонько хмыкнул, когда тот направился к раковине. Это не ускользнуло от Стефана.

Стоило только отмыть сыр со своей тарелки, как вдруг слышались всхлипы из—под лестницы. Стефан и Билл синхронно обернулись.

Стефан выключил воду и отложил губку. Точно не показалось.

– Эй, все там нормально? – спросил Билл, но его вопрос утонул во всхлипываниях. Эмбер и Ален были поглощены драмой друг друга.

Билл поднялся с места, решительно направился к лестнице. Стефан оставил тарелку в раковине и поплёлся за ним из интереса.

Увиденное ошарашило.

Заплаканный Ален сидел перед Эмбер, которая успокаивала его, как мамочка. Держала в руках лицо, а Ален несчастно взирал на неё.

– Что у вас произошло? – повторил Билл. По лицу Эмбер件нятно, что ничего хорошего.

– Ален сегодня будет ночевать у нас. И вообще он переезжает к нам.

– О как, – вырвалось у Стефана, который находился чуть поодаль у двери кладовой. – Что за спонтанность и разведение драмы среди бела дня?

Эмбер зло зыркнула на Стефана, метая взглядом в него ножи. Ален так вообще отвернулся.

Всё ясно. Дело опять в нём.

– Не твоё дело, – рявкнула Эмбер и встала с пола. За ней

поднялся и Ален, вытирая рукой лицо.

– Судя по вашим реакциям на меня, как раз—таки моё. Что я опять не так сделал? – недоумевал Стефан.

Эмбер снова изобразила выражение лица Даны Скалли из «Секретных материалов», но выглядела она устало и не имела желания отвечать. А вот Ален был как кот, у которого шерсть встала дыбом и хвост трубой.

– Отвали! – прикрикнул он и ушёл в комнату, чтобы умыться.

Вот это трагикомедия! Даже Билл был изумлён.

---

[1] – «Beware of a silent dog and still water», что на русский лад означает «Втихом омуте черти водятся»

[2] – название молочного ириса в англоязычных странах

\* – деятельность Meta запрещена на территории РФ

[3] – Community Colleges – двухлетний колледж, «неполный бакалавриат», который в России можно сравнить с техникумом. После него можно идти работать или продолжить доучиваться на полного бакалавра.

[4] – имеется в виду мем «вздых с отвращением»

## Глава 10. Don't you know what you're thoxic?

Никто не имел желания посвящать Стефана в подробности истерики, несмотря на то что он снова стал её причиной. Эмбер и Ален сторонились его. Раз так, Стефан больше не навязывался с вопросами.

Когда Ален вернулся, Билл подошёл к друзьям, чтобы все разузнать. Ему они все рассказала.

– Ну... ладно, – вполголоса сказал Билл. – Раз вы решили и тебе так будет лучше, то окей.

Ален поднялся к себе, чтобы собрать вещи. Эмбер и Билл устроились на кухне. Стефан не выдержал этот цирк и ушёл на улицу, накинув куртку.

Улицу припорошил легкий пушистый январский снежок. Для столь теплого штата как Южная Каролина это довольно редкое явление. Обычно в месяце бывало только один—три дня, когда выпадали осадки, тем более снег. Стефан смел снег рукавом куртки с деревянных перил и, облокотившись на них, закурил.

Когда сигарета была выкурена до фильтра, из дома вышла непревзойденная тройца. У Алена за плечами был рюкзак, причем не набитый до отказа. Значит, он не собрал все вещи и скоро вернётся. Это просто очередная блажь, так что рас-

считывать на что—то серьёзное не стоит.

Эмбер одарила Стефана злобным взглядом. Он из принципа не комментировал ситуацию. Он спросил раз, его проигнорировали и послали – всё. Ни за кем бегать не будет.

Так что, выбросив окурок, Стефан ушёл в дом и закрыл дверь на замок.

\*\*\*

Следующий день прошёл спокойно. Ален вышел на работу и не разговаривал со Стефаном. Он даже не смотрел в его сторону, избегал. У Эмбер и Билл был выходной.

Приятно было заходить в пустой дом, где никто не маячит перед глазами и не раздражает присутствием. После второй ночи, проведенной наедине с собой, Стефан поймал себя на мысли, что будет здорово, если Ален насовсем переедет к друзьям. Тогда в распоряжении Стефана будет двухэтажным дом со всеми удобствами да еще и бесплатно.

Раз так все хорошо сложилось и его теперь игнорируют все трое, то можно не сбегать.

Стефан жил себе припеваючи, ходил на работу в вечерние смены. Однако спустя четыре дня счастливую жизнь волка—одиночки нарушил Джоб. У Стефана был выходной, и вечером старик нагрязнул, чтобы узнать, как они с Аленом поживают.

Он не знал, что Стефан и Ален вот уже четыре дня вместе не поживают.

– Здорово, Стефан! – со смехом грохнул Джоб и обрушил

хлопок ладони на плечо Стефана. Стефан и бровью не повел, уже привыкнув. Его больше удивлял визит босса.

– Здоров. Какими судьбами, старик?

– Да забежал посмотреть, как вы поживаете. Можно? Чего ж топтаться на пороге, – Джоб шагнул в дом и закрыл за собой дверь. Посчитав, что Ален в какой-то из комнат дома, Джоб заорал: – Ален! Иди сюда!

Стефан поморщился от громкого вскрика, утонувшего в стенах и не дошедшего до адресата.

– Ален здесь не живет.

Джоб замер, высунув только одну руку из рукава куртки.

– Как это? А где он?

– С Эмбер и Биллом.

Джоб снял куртку окончательно и кинул её на спинку дивана. Он заметно повеселел, а уровень беспокойства снизился.

– А-а-а, понял. Ушёл к друзьям на ночёвку?

Стефан отрицательно помотал головой и развёл руками.

– Нет. Он здесь уже четыре дня не живет. Обиделся на меня непонятно за что и ушёл к ним жить. Эмбер тоже куксится, – обнадеживать и беречь «старика» Стефан, уверенный в своей невинности не был намерен. Он не сомневался, что причина ухода возникла на пустом месте, поэтому вывалил все как есть.

Стефан думал, что они с Джобом вместе посмеются над глупостью обиды, но не тут-то было.

– Стефан, что ты сказал?

Джоб произнёс это с самой серьёзной интонацией, на которую только был способен. Стефан понял, что ничего они со смехом обсуждать не станут.

– Что такого между вами произошло, что Алэн даже сбежал из дома, а? – густые брови Джоба с проседью сошлись на переносице. Стефан неловко прочистил горло. Старик в таком тоне с ним ни разу за восемь месяцев не общался.

– Вообще-то он не сбежал, а ушел сам, – начал Стефан. – И к тому же...

– Стефан.

Джоб оборвал внезапно. Это было явно не то, что ему хотелось услышать. Стефан вырыл сам себе могилу, выложив как на духу информацию о произошедшем. Глупо было полагать, что Джоб встанет на его сторону: он за Алэна. Это его он первым позвал жить в дом и спрашивал, не обижает ли его Стефан.

– Что между вами произошло?

Стефан промолчал и отвел взгляд. Подобного стоило ожидать, но все равно в груди поселились странные чувства, словно... Ожидания не оправдались.

(Это было похоже на ревность старшего брата к младшему: с младшим всё время сюсюкаются и всегда защищают, а на старшего вешают все шишки. Но Стефан сам никогда не поймёт глубинную причину этих чувств, а если и поймёт, то в жизни не признается).

– Сте...

– Да откуда я знаю! – в сердцах воскликнул Стефан. – Он поговорил с Эмбер, какого-то чёрта разревелся, собрал манатки и смылся! При этом на пару с Эмбер хотел испепелить меня взглядом! Что я сделал, я не знаю!

Джоб с открывающимися подробностями шокировался пуще прежнего: его вновь поросшая щетиной нижняя челюсть отвисла. Как бы муха не залетела! Хотя сейчас зима, какие мухи...

– Ален плакал? – Кажется, из чужого крика души Джоб выцепил только это. Никакого понимания и сочувствия... – Господи, почему я узнаю всё только спустя четыре дня! И никто мне не сказал: ни Ален, ни ты, ни Эмбер с Биллом... Ой-ёй-ёюшки хо-хо...

Джоб тяжело опустился в кресло, уперся локтями в колени, а на ладони обрушил лицо и просидел так с минуту, собираясь с мыслями. Стефана поразило, что Джоб это воспринял на свой счёт. Но причём тут он? Он же вообще никак не причастен к стычке! А выглядел так виновато, словно он отец, не доглядевший за детьми!

Наконец, Джоб поднял голову и воззрился на Стефана, но что значил его взгляд – прочитать было невозможно.

– Стефан, так не делается. Я поселил вас вместе, надеясь, что вы как-то поладите и найдёте общий язык. Ну, или хотя бы ругаться меньше станете, потому что быт вас объединит хоть на дюйм. Если Ален плакал, а потом шарохался от тебя,

тому есть причина!

Стефан недовольно поджал губы. Нравоучения ему были ни к чему.

– Никто не просил тебя способствовать нашему сближению, старик! – Стефан считал, что этот поступок не иначе как причинение добра. Это все равно ничего не изменило. Алён неисправим. Стефану с ним в жизни не сладить. – У него постоянно причины! А я ничего не сделал! Мне даже не потрудились объяснить...

– Стефан, тебе надо прийти к нему и извиниться. – Джоб решительно поднялся с кресла.

Внутри Стефана забурлил праведный гнев.

– Мне-то? Перед ним? Ещё чего!

Джоб неодобрительно покачал головой, подошёл к Стефану. Он был ниже него сантиметров на десять. Разница в их силе тоже была ощутимой, но явно не в пользу Стефана.

Старик водрузил свою ручищу на плечо Стефана, и это уже был не дружеское похлопывание. На плечо точно положили камень, придавливающий к полу. Рука Джоба будто заставляла Стефана просесть и подчиниться.

– Сте-е-е-фа-а-ан, – протянул гласные в его имени Джоб, пытаясь достучаться, – ты обидел Алёна. Прими уже этот факт.

– Да кого я, блин, обижал... – сквозь стиснутые зубы прошипел Стефан. – Если и говорил что-то, то лишь приструнить и...

– Стефан, заткнись, кому я сказал! – Джоб сердито прикрикнул на Стефана, опустил вторую руку на другое плечо и с нажимом усадил его на диван. – А ты думаешь, твои приструнения не могли его обижать?

Стефан хотел ответить колкостью, но из легких вышибло воздух: Джоб впервые на него повышал голос. Раньше он с ним только сюсюкался, а теперь... Когда изумление сошло на нет, Стефан шумно выдохнул через нос от раздражения, как разъяренный бык на корриде. Красной тряпкой для него был пресловутый Алэн. Все крутится вокруг Алэна!

На языке чувствовалась горечь от испытываемых эмоций. Казались, его кидали ради более милого и красивого мальчика, чем он.

– Его проблема, если он обиделся. Он должен знать своё место, – Стефан не сдавался.

Джоб вздохнул. Злость покинула старика, однако на её место пришло разочарование. Это тоже кольнуло Стефана. Уж лучше бы Джоб злился дальше.

(Почему для Стефана это так важно? Может, потому что на мнение Джоба ему не все равно?)

– Стефан, не надо людям грубить направо и налево. Человек мог не иметь никаких злых намерений, а ты его оскорбляешь.

– Я его не...

– Стефан, помолчи и послушай меня! – Джоб вновь суро-

во посмотрел на Стефана, и это было сродни ведру ледяной воды. – Стефан, хватит ощетиниваться по поводу и без. Ну, вот скажи мне, что тебе сделал Ален, а? Вот чего тебе это дитяtko сделало? Он и мухи не обидит, а тебя-то, лба здорового, чем задел?!

Стефан хотел возразить, что в этом дитяtkе почти два метра росту и он бесит лишь одним существованием, но решил промолчать. Тем более, что Джоб продолжил:

– Понимаешь, Стефан, – тот заговорил уже намного мягче, взгляд подобрел. Джоб словно объяснял маленькому ребёнку, почему нельзя совать пальчики в розетку. – Не все люди плохие. И не против всех надо обороняться и защищаться. Ален вообще подружиться хотел с тобой. Я же вижу. А ты его обижаешь. И не смей возражать! Я это тоже вижу.

Стефан закатил глаза. Ладно, пусть так, раз Джобу нравится так думать. Пусть Стефан якобы обижает Алена. Да будет так, лишь бы Джобу легче спалось. Однако виноватым Стефан себя всё равно не ощущал.

– Окей, окей, – он в примирительном жесте выставил вперед руки, желая, чтобы от него побыстрее отстали. – Допустим. От меня-то сейчас что требуется?

После того, с каким упорством Джоб распинался, ребенок все еще не понял опасности сования пальчиков в розетку, и ко всему прочему, спросил, что будет, если заснуть их в розетку мокрыми.

– Стефан, ты должен прийти к Алену и извиниться.

– Но...

– Это не обсуждается, Стефан. Ты сейчас пойдешь и извинишься. Под моим чутким присмотром.

– Старик...

– Стефан, ты забыл, с кем разговариваешь? Я твой босс и ты у меня работаешь неофициально. Понимаешь, к чему я клоню?

Глаза Стефана после этих слов чуть не вылезли из орбит. Джоб решил шантажировать его?! Что за кощунство!

– Ты вот так вот просто уволишь меня, если я не извинюсь?! Босс, это несправедливо!

Стефан вновь назвал его по должности, подчеркивая недовольство. Но Джоб и бровью не повёл.

– Не уволю. Но я лишь напоминаю, что и со мной надо разговаривать уважительно. Я твой босс и старше тебя. Все, одевайся и пойдём. Это не обсуждается.

Джоб наконец отпустил его. Стефан поиграл желваками и почти сплюнул на пол от злости, но вспомнил, что ходит не по своему ковру перед настоящим хозяином. То, что его тыкали как котенка в лужу, было унижительно. Стефан стерпел, лишь потому что Джоб его начальник и действительно может в любой момент уволить.

Ладно бы только это унижение, но предстояло и другое, более крупное, свидетелем которого станет Эмбер. И ладно бы было перед кем унижаться, но Ален...

Лучше бы Стефан смылся в дни, когда веснушчатого не

было дома, а Джоб ничего не пронюхал. Но отчего-то опять, в тысячный раз, решил, что можно еще подождать.

Какой же отврат.

\*\*\*

Чем ближе они были к дому Эмбер и Билла, тем тяжелее было двигать ногами. Асфальт словно плавился под ногами, прилипая к подошве обуви. Точно они приближались к самому пеклу личного ада Стефана, хотя на улице всего лишь тридцать девять градусов по Фаренгейту[1].

Джоб не давал свернуть с пути. Он, в общем-то, и вёл Стефана к нужному дому, ведь сам он адрес не знал. Стоя на пороге своего, Стефан начал тораговаться, предлагая позвонить Алену с телефона Джоба, но старик был непреклонен.

– Стефан, не буди во мне зверя, выходи уже, – только и сказал Джоб.

Стефан понял, что своим поведением открыл новые грани злости старика, которые до селе были неизвестны.

Это всего лишь пять минут позора. Стефан пробурчит невнятное «Извини» и смоется с глаз долой. Причем всех. Завтра же. Завтра его здесь не будет. Всё! Это стало последней каплей.

На вопрос, откуда Джоб знает адрес Эмбер и Билла, тот ответил, что как-то бывал в гостях.

Спустя минут десять ходьбы они оказались в конце улицы и встали у одноэтажного маленького дома, облицованного серым. Крыльцо, как и нижние части несущих колонн, об-

деланы под камень. К дому пристроен небольшой гараж.

Джоб нажал на звонок. Стефан услышал, как за дверью раздалось мелодичное «Динь—дон». Внутри всё перевернулось. Не успел Джоб позвонить второй раз, как дверь открыла Эмбер.

– Босс? Какими судьбами? – улыбнулась она Джобу, но её взгляд переметнулся на Стефана, и радость исчезла с лица. – А этот что здесь делает?

– Эмбер, здравствуй, милая, – начал Джоб с улыбкой. – Мы как раз по поводу него к вам.

– Него? – Эмбер была озадачена.

Джоб повернулся к Стефану и глазами указал ему на Эмбер, мол, давай начинай. Стефан замотал головой. Он ни в какую не соглашался, и тогда Джоб уступил:

– Стефан пришёл поговорить с Аленом и извиниться.

– Извиниться?! – Эмбер теперь пребывала в полном замешательстве.

Меж тем из кухни её окликнули парни:

– Эмбер, кто там? – спросил Ален.

– Эмбер,пусти тех, кто пришёл, либо сама выйди, но закрой дверь, по ногам несёт! – возмутился Билл.

Эмбер махнула на обоих рукой, все ещё изумленно взирая на Джоба и Стефана.

– Босс, сегодня не первое апреля, чтоб так шутить...

– Эмбер, милая, а я и не шучу, – хохотнул Джоб, окончательно смягчившись после встряски Стефана. Его забавляла

растерянность сотрудницы.

Немудрено, ведь «извинение» и «Стефан» – слова из параллельных, давно не пересекающихся, миров.

– Это ты его надоумил? – не сдавалась Эмбер.

Джоб широко улыбнулся.

– Скорее, образумил, – он посмотрел на Стефана, стоящего истуканом. – Стефан, скажи уже что-нибудь.

– Мгм, – промычал тот, напоминая, что всё ещё жив. – Такпустишь или нет?

Эмбер оглядела его с ног до головы, сомневаясь, стоит это делать или нет. Со Стефаном был немного-немало босс, плюс дома Билл, так что с поганкой справиться можно на раз-два.

– Проходите, – она отошла от двери, впуская в дом.

Эмбер волновалась об Алене как о младшем брате. Когда она увидела его впервые, с такой доброй и лучезарной улыбкой, то обратила внимание первым не на неё, а на глаза. Карие, блестящие, живые, но... Полные вселенской грусти. Многие в кафекупились на улыбку, но Эмбер понимала, что за ней скрывается очень много.

Эмбер в высокой и худой фигуре видела что-то затравленное и надломленное, что Алэн тщательно пытался скрыть, но от пронизательного взора девушки это не утаилось. Она не знала, что конкретно случилось с Аленом, но то, что он устроился на работу спустя несколько месяцев после совершеннолетия, уехав из родного города и не имея за душой ни-

чего, говорило о многом.

Единственное, о чем обмолвился в начале знакомства Ален, – что ему пришлось уйти. Он так же сказал, что больше месяца жил в своем городе, пытаясь найти работу, но лишь тратил сбережения на жилье и еду. А на вокзале по пути в Колумбию его обокрали.

Эмбер поняла, что с семьёй у Алена не все в порядке. Так же она знала, что у него есть младшие брат и сестра, оставшиеся с фостерными родителями. Он часто им писал и звонил. На этом пока всё.

Когда Ален, согнувшись в три погибели, плакал на её плече и неразборчиво шептал: «Мои родители...» – Эмбер так и не узнала, что они все-таки сделали. И какие именно?

Эмбер было очень жаль Алена. Ему хоть и исполнилось восемнадцать, хоть он и был выше почти на две головы, Эмбер видела в нем ребёнка, отчаянно борющегося со всеми горестями. Он только-только стал взрослым, и у него нет поддержки от родителей. Вообще никакой. Он совершенно один, его просто бросили на произвол судьбы решать проблемы самостоятельно.

Ей так хотелось подойти к Алenu, крепко-крепко обнять и сказать: «Ты молодец. Ты хорошо со всем справляешься. Не вешай нос, малой, ты очень сильный».

Алена любят все сотрудники кафе, это видно. Ну, по крайней мере, все относятся к нему положительно. Он же такой хорошенький! Всех очаровал улыбкой, со всеми приветлив и

дружелюбен. Эмбер понимала: он очень хочет подружиться с каждым. У него это отлично получалось.

Эмбер хотелось защитить и уберечь Алена от таких идиотов, как Стефан. У Алена и так не все гладко, а еще этот хмырь выёживается и права качает. Самоутверждаться за счет слабого всегда проще.

Именно поэтому Эмбер была настроена скептически к извинениям Стефана, но, раз его привёл босс, значит, дело приняло серьёзные обороты. Джоб оказывал на Стефана хоть какое-то влияние. Но почему босс нянькался с ним – загадка.

– Алэн! Иди сюда! – крикнул Джоб, пройдя в гостиную.

– Босс!

Ален, услышав голос шефа, бросил полотенце, которым вытирал вымытую Биллом посуду, и радостный поскакал, как горная лань.

– Босс, привет! – засиял Ален.

Но, увидев рядом Стефана, Ален умерил пыл. Стал сдержаннее, явно расстроившись, что он тоже пришёл.

– Нам поговорить надо, – с явной неохотой произнес Стефан, да так, словно долго репетировал эту фразу.

Ален встал по стойке смирно и с места не сдвинулся.

– О чем?

Стефан тоже стоял посередине гостиной, не зная, куда себя деть.

– Попросить прощения.

Джоб сел в кресло. Заинтересованный Билл оставил мытьё посуды. В этот раз Эмбер бы ему точно не высказывала, что он оставил всего лишь одну тарелку в раковине, потому что тоже была не менее заинтригована.

Все уставились на Стефана и Алена. Стефан стоял с засунутыми в карманы руками. На этот раз на нём был свитшот с длинными рукавами, так что шрамы не виднелись. Он тяжело вздохнул, оглянулся. С неудовольствием он встретился с тремя парами глаз, повернулся обратно к Алenu и выпалил:  
– Извини.

Эмбер шокировано открыла рот. Брови Билла против его воли поднялись. Джоб усмехнулся и непонятно кому показал большой палец: то ли себе за вправление мозгов Стефана, то ли самому Стефану за смелость.

Руки Алена были сомкнуты за спиной, и он не переставал нервно тереть пальцы друг о друга, чтобы хоть как-то успокоить тревогу. Присутствие Стефана обнажило то, что Ален так тщательно скрывал – себя истинного: нервного, скованного, волнующегося.

Однако смотрел он на Стефана с вызовом, и это Эмбер в нем поражало. Ален храбрился не напоказ, а чтобы убедить самого, что не боится.

– За что? – не колеблясь, спросил Ален. «Так его, мальчик мой!» – торжествующе подумала Эмбер.

Да, они не говорили с ним о родителях и глубинной причине слёз, но долго – наверное, часа три – в комнате Эмбер

обсуждали, насколько важно пресекать попытки людей притеснять себя. Алэн и сам понимал необходимость этого, но он не знал, как это делать.

За год, что она провела на работе, зарабатывая на новый колледж, Эмбер ставила на место очень многих. Жизнь вынуждала. Точнее, люди.

Стефан оторопел от вопроса. Он-то думал, что выдавит из себя это слово, и все закончится. Но то, как дальше все разворачивалось, его начинало раздражать.

– Да откуда я знаю за что?! Вот там спроси! – Стефан указал куда-то себе за спину без особой конкретики. – Припёрли меня сюда насильно, ещё и допросы устраивают! Я вам кто?!

Он даже не представлял, как сильно всё испортил этими словами. Каждый, наверное, подумал, что дальше падать некуда. Но Стефан постучал со дна.

Билл отвёл взгляд. Эмбер заметила, как его на висках вздулись вены, а сам он стал мрачнее тучи. Это значило лишь, что Билл едва сдерживается. А когда Билл не сдерживается, это кончается очень плохо для тех, на кого он зол.

Кое-кому хана.

– Как ты смеешь, срань ты помойная, разговаривать так с моим другом?! – взревел Билл и подскочил с места, а Эмбер тем временем прикидывала, какой тряпкой лучше соскрести Стефана с пола и насколько сильное чистящее средство применять. А может, просто вызвать клининг?

Стефан не успел и рта открыть, как Билл взял его за грудки и ощутимо потряхнул. В его голубых глазах не было ничего, кроме чистой ярости.

– Ты кем себя возомнил?! Пуп земли? Важная шишка? На ступеньку выше нас всех? Чёрта с два! – крепче схватив свитшот, Билл приблизил к себе Стефана. – Что тебе сделал Алэн? Жить тебе мешает? Убить тебя хочет? Что, что плохого он тебе сделал?! Если он просто бесит тебя своим существованием, то дело точно не в нём!

Он с резким толчком отпустил Стефана. Тот попятился назад и едва удержал равновесие. Он поправился свитшот и заскрежетал зубами.

– Ты нарываешься? – процедил он и подошёл к Биллу. Билл его был ниже – тут вообще не было никого, кроме Алэна, выше Стефана. Наградил же Бог такого тупого... Сила, точне, рост есть, а ума не надо?

Биллу была совершенно по боку разница в росте, весе и силе. Стефана он совершенно не боялся, и, думалось Эмбер, в драке он бы победил.

– Нарываешься только ты! – зло ответил Билл, который и бровью не повёл от угрожающего вида Стефана. – Ты строишь из себя невесть что, а потом становишься обиженкой, когда тебя пытаются поставить на место.

– Кого—кого я из себя строю? Ну-ка повтори!

– Повторю. Десять раз повторю, чтобы до твоей тупой головы дошло, что ты и яйца выеденного не стоишь! А сколько

самомнения. Запомни, я презираю таких, как ты. Всем сердцем презираю.

Билл ткнул пальцем в грудь Стефана, указывая, кого именно он презирает. Ситуация усугублялась, Эмбер становилось не по себе. Зная Билла, первым бы не сдержался он. Это человек, который за близких глотки перегрызёт. А этих близких у Билла осталось совсем немного, так что он биться готов за них с ещё большим остервенением.

– Я твоё презрение с лёгкостью переживу. Думаешь, мне впервой, а?

– Тогда понятно, почему ты всё время один. Ты специально настраиваешь людей против себя?

Эмбер знала Билла, но не знала Стефана. Его действия для неё непредсказуемы.

Так что она не ожидала, что Стефан замахнётся первым, чтобы ударить. И вот сейчас, хоть Эмбер в Билле и не сомневалась, она испугалась не на шутку. Джоб был на низком старте, готовый подскочить, но он вряд ли бы успел остановить Стефана вовремя.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.